
Достижения в психологии

Российская академия наук
Институт психологии

А.А. МИТЬКИН

ПУТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ПОИСКА
ПРЕТЕНЗИИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2013

УДК 159.9
ББК 88
М 67

Митькин А.А.

М 67 Пути психологического поиска: Претензии и возможности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 240 с. (Достижения в психологии) — опубл. 23.07.2013. — Электрон. версия печ. публ. — Доступ с сайта ЭБС IPRbooks.

978-5-9270-0157-6

УДК 159.9
ББК 88

В книге, вобравшей в себя итоги многолетнего научного творчества доктора психологических наук, профессора А.А. Митькина, дается широкая панорама достижений отечественной психологической науки и намечаются перспективы дальнейших исследований. Рассматривается специфика психологического и физиологического подходов к анализу зрительных функций, обсуждаются базовые проблемы психологии развития в ее системной интерпретации, проводится разноаспектный анализ субъектных характеристик человека в философском, эволюционном и психологическом освещении.

Книга будет интересна специалистам в области психологии и всем, кто интересуется общими проблемами фундаментальной науки.

© Институт психологии Российской академии наук, 2009

978-5-9270-0157-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Л. Журавлев. Предисловие</i>	7
Введение	12
Раздел I	
Эмпирика и междисциплинарность в исследованиях психики	
Глава 1. Физиология зрения и психология зрительного образа	17
Глава 2. Роль сенсомоторных связей в пространственной ориентации...34	
Глава 3. Интерсенсорное взаимодействие у младенцев: теоретический и эмпирический подходы	61
Раздел II	
Развитие систем и системность развития	
Глава 4. На пути к системной психологии развития.....	79
Глава 5. Индивидуальное и коллективное сознание: грани взаимодействия	92
Глава 6. Самоорганизация систем или системный детерминизм?.....	111
Раздел III	
Категория субъекта в психологии	
Глава 7. Групповой субъект: реальность или метафора?.....	135
Глава 8. Грани и границы субъектности человека. Философский аспект	153
Глава 9. Грани и границы субъектности человека. Эволюционный и психологический аспекты.....	184
Заключение	217
Литература	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Названия книг далеко не всегда достаточно ясно и определенно отражают их реальное содержание. Значительно чаще они отдают дань какому-либо обобщенному стандарту, эталону или же, напротив, ориентированы на рекламный характер, привлекательность и т.п.

Выбранный А.А. Митькиным заголовок для данной монографии лишен, на мой взгляд, и того, и другого уклона. Он настраивает читателя на творческое соучастие в анализе тех сложных проблем, с которыми столкнулся автор в своей профессиональной деятельности, охватывающей значительный период — более полувека.

С первых же шагов ему пришлось остро почувствовать объективную необходимость, диктуемую социальными потребностями своего времени: сочетать психологическое познание с умением приложить его результаты в разных сферах, причем как в теоретическом, так и практическом плане. Степень кандидата наук была присуждена ему за исследования в области эргономики, конкретные задачи которой он решал на основе психологического анализа возможностей восприятия человеком различных систем отображения информации.

Обсуждаемые сегодня научные представления об «атрибутивной междисциплинарности» психологии, а также методологическое положение, согласно которому эффективность решения комплексных психологических проблем коррелирует с шириной охвата разных направлений науки, фактически были имманентным достоянием тогда еще молодого исследователя.

Разные этапы творческого пути Митькина ознаменовались его заметным вкладом в тогда еще новые для нашего Отечества техническую эстетику, эргономику, инженерную психологию, психологию развития (особо следует отметить его вклад в наименее изученную

ее часть – ранний онтогенез человека). Все эти направления работы требовали соответствующих навыков экспериментатора-новатора, способного расширить эмпирические возможности психологической науки соответствующего периода ее развития.

Митькин работает в Институте психологии РАН с начала 1972 г., практически с момента организации Института профессором Б.Ф.Ломовым. Научные интересы и работы Александра Александровича можно лишь условно разделить на три крупные области: изучение раннего онтогенеза восприятия, разработка проблем системного подхода в психологии и анализ категории субъекта. Естественно, что эти три сферы интересов Митькина неравномерно реализованы в его научном творчестве как по длительности их разработки, так и по публикациям в научных трудах. Если проблемам зрительного восприятия, раннего онтогенеза зрения и их системному анализу был посвящен основной период научного творчества, то анализу категории субъекта – лишь последнее десятилетие.

Научные достижения в изучении раннего онтогенеза зрения, его места в интермодальном взаимодействии и системной организации нашли отражение в многочисленных статьях, разделе коллективной монографии «Движения глаз и зрительное восприятие» (1978), сборнике работ советско-американского симпозиума «Управление движениями» (1990), монографии Митькина «Системная организация зрительных функций» (1988) и других изданиях. Проблемам системной организации зрительных функций была посвящена докторская диссертация Митькина.

Проблемы использования системного подхода в психологии в целом и психологии развития в частности нашли свое отражение в статьях и разделе коллективного труда «Идея системности в современной психологии» (2005).

Философские и психологические аспекты изучения феномена субъекта – работы последних лет – опубликованы в виде серии статей «Психологического журнала» в 2008 г.

Накопленный предшествующий опыт конкретных исследований позволил автору в более поздний и достаточно продолжительный период (около 40 лет) его творчества заниматься разработкой фундаментальных проблем психологии, теоретическими обобщениями и достаточно смелым и логично обоснованным построением перспективных концептуальных схем. Ограниченная по объему, но очень достойная по содержанию подборка таких обобщений представлена в первом разделе книги.

Второй ее раздел следует рассматривать как естественное развитие концептуальной базы первого раздела, поскольку междисциплинарность и системность психологических исследований здесь тесно переплетаются между собой.

Развитие – необходимое условие существования системы. Система может прогрессировать или регрессировать, но не может оставаться неизменной. Стабильность – лишь переходный момент между разными фазами развития. Что же касается самой специфики развития, то здесь обнаруживается широкий спектр различных мнений. Одна из таких специфических трактовок развития – синергетическая концепция, в соответствии с которой принцип случайности ставится во главу анализа процесса развития. Автор совсем не исключает использование синергетического подхода к объяснению некоторых сторон общественной жизни, однако, проведя сопоставление различных точек зрения, отдает предпочтение вероятностному системному детерминизму, а при его конкретизации в сфере психологии – содержательному анализу психических явлений во всей их полноте и многообразии. Особое внимание уделяется при этом временному фактору, без строгого учета которого любой вероятностный прогноз теряет свой смысл.

Системная методология, системный подход в психологии пронизывает все творчество Александра Александровича. Работы по системной организации зрительных функций в раннем онтогенезе закономерно привели его к более широким исследованиям в области методологии: анализ развития систем и системности развития. Рассматривая современные теории и подходы в психологии развития, автор подводит читателей к пониманию того, что системный подход и принцип развития образуют концептуальное целое, которое должно положительно влиять на дальнейшее движение теоретической и экспериментальной психологии развития.

Сам процесс развития системы обретает в авторской интерпретации логическую направленность, подчиненную определенным системным же закономерностям (а не влиянию «слепого случая»!). Присутствие такой двусторонней связи подчеркивается лингвистической инверсией, вынесенной даже в заголовок второго раздела книги.

Наиболее дискуссионный материал представлен автором в третьем разделе. Анализ важнейшей категории «субъект» Митькин проводит на основе широкого и глубокого знания разработок философской науки с опорой на современные психологические

представления. Принципиальная сложность поднятых здесь вопросов и неизбежность их разночтения с позиций разных научных школ в психологии дает Митькину неоспоримое право рассматривать все эти вопросы, преломляя их сквозь «магический кристалл» собственного миропонимания.

Именно это делает помещенные в третьем разделе тексты теоретически заостренными и отвечающими интересам многих читателей. Вместе с тем надо заметить, что в некоторых частях оригинальный полемический пафос автора начинает преобладать над свойственной ему академичностью и строгой логикой изложения, а это, в свою очередь, еще более усиливает интерес специалистов.

Введение элементов публицистического жанра способствует также повышению «доходчивости» текста, однако при этом возникает небольшая опасность смысловых упрощений и аббераций. Сложность поднятых в книге вопросов становится особенно очевидной в контексте широко известной «субъектной» тематики, введенной в психологическую науку С.Л. Рубинштейном и развивавшейся в работах многих авторов (К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, К.В. Бардина, А.В. Брушлинского, В.А. Лекторского, В.А. Петровского, Э.В. Сайко и др.). Словосочетание «психология субъекта» обрело сегодня довольно привычное звучание. Но это вовсе не означает, что на вопрос «Кто такой субъект?» легко получить четкий и законченный ответ. В научном поиске и разработке проблемы субъекта Митькин остался последователен и верен своим научным взглядам и убеждениям.

Не проще, а значительно сложнее задача определения группового (коллективного) субъекта в его взаимодействии с индивидуальным. Авторская трактовка понятия «групповой субъект» вызывает большой интерес, оставаясь при этом весьма спорной. Приходится признать, что вошедшая в психологический обиход совокупность дефинитивных признаков субъекта (активность, целостность, автономность, ответственность, рефлексивность) наверняка может быть расширена и трансформирована в разных направлениях. Настоящая потребность в таких преобразованиях явно возникла и уже частично реализована в конкретных исследованиях специфики и возможностей группового субъекта.

Даже простое перечисление проблем, разрабатываемых автором и включенных в содержание данной книги, указывает на огромный диапазон его поисков в психологии, которые в полной мере соответствуют новым тенденциям развития психологической науки.

Во введении к монографии Александр Александрович выражает надежду на то, что представленные в ней тексты окажутся способными, как минимум, активизировать собственные размышления читателя. Думается, эта надежда имеет под собой достаточные основания. Митькина как исследователя всегда отличали широта научных интересов, новаторство в постановке психологических проблем и, конечно, оригинальность и полемичность в их решении. Можно с полной уверенностью сказать, что при любой тональности инициируемых данной монографией дискуссий ее опубликование, несомненно, будет способствовать принципиальному расширению возможностей современной психологической науки и, безусловно, ее развитию.

Анализ содержания представляемой книги Митькина позволяет увидеть глубину его размышлений как ученого, его научную эрудицию и высокую культуру теоретических и экспериментальных исследований. Большая совокупность успешно разрабатываемых фундаментальных проблем психологии, предложение новых нестандартных решений, сомнения в традиционных представлениях и сложившихся постулатах и др. — все это делает творчество Александра Александровича уникальным научным и человеческим явлением, в результате которого внесен неоспоримый вклад в развитие психологической науки, в том числе в укрепление авторитета Института психологии РАН в профессиональном научном сообществе.

Член-корреспондент РАН
А.Л. Журавлев

ВВЕДЕНИЕ

Каждая наука имеет свою специфику. Психология — в особенности. Очень широк диапазон оценок ее значимости и возможностей. В одних случаях — это граничащая с уверенностью надежда на то, что именно психология позволит нам проникнуть в недоступные для других наук тайны мироздания и «сущности» человека. В других — психология представляется как туманная область условных понятий, оперирующая банальными спекуляциями на уровне обывательского мышления и легковесными рассуждениями на модные темы в соответствии с профессиональной подготовкой многих «практикующих психологов».

Такая противоположность оценок может быть дополнена еще одной оппозицией в суждениях: психология — самая востребованная сегодня наука, и ей принадлежит ведущая роль в обозримом будущем, или же психология не имеет никакого отношения к подлинной науке, так как до сих пор не смогла однозначно определить свой предмет и свою методологию.

Продуктивные дискуссии возможны и фактически происходят во «внутреннем» концептуальном пространстве, ограниченном приведенными здесь экстремальными установками, с соблюдением определенной дистанции от крайних точек. Диспуты (иногда даже заведомо заостренные) неизбежны — именно они обеспечивают поступательное движение науки. Чем больше внутренних противоречий, тем выше шанс своевременной смены парадигм. Выдвигаемые при этом новые идеи всегда агрессивны — без этого они не могут отвоевать «право на жизнь». Вместе с тем следует подчеркнуть важность такого фактора, как самокритичность исследователей. Без нее возникает парадигмальный застой, поддерживаемый рутинерами, которые привыкают к стандартным решениям и не заинтересованы

в их обновлении. Разумеется, быстрота смены научных установок очень дифференцирована и зависит от степени их универсальности. Любая наука на каждом масштабном этапе своего развития опирается на некоторые базовые принципы, позволяющие ей сохранить свою относительную независимость от «парадигмального калейдоскопа», характерного для нашей динамичной эпохи.

В современной психологии решающим фактором ее развития стал системный подход к анализу психических явлений, опирающийся в первую очередь на *междисциплинарный* характер исследований (как еще недавно было принято говорить, работа «на стыке наук»). С этим принципом теснейше связана *многомерность* анализа, а оба принципа вместе образуют краеугольный камень в методолого-теоретической конструкции *системных исследований психики*.

Следует, видимо, указать еще на один немаловажный фактор. Психология — ищущая наука. Она пребывает в постоянном поиске новых или хотя бы обновленных возможностей для своего развития. Отсюда — повышенный и не всегда достаточно разборчивый интерес психологов к смежным (а иногда и к отдаленным) областям знания, что вынуждает даже наиболее «правоверных» представителей данной науки признавать некоторую «зыбкость» ее базовых основ. Однако это же качество обеспечивает психологам существенное преимущество в процессе междисциплинарных контактов, способствуя проявлению у них широты взглядов, далеко выходящей за рамки узкого профессионализма. Наглядной иллюстрацией, подтверждающей реальность такого преимущества, могут служить широко известные «мозговые штурмы», т.е. совместные обсуждения трудных научных проблем при весьма «пестром» составе участников. Результаты таких «штурмов» нередко бывают парадоксальными: наилучшие решения предлагают не специалисты, а ученые, работающие в отдаленных от обсуждаемой проблемы областях.

Предлагаемая книга ни в коей мере не претендует на статус «руководства» или даже «пособия» по психологии. В ней лишь представлены основные, в понимании автора, вехи пройденного им творческого пути, пролегающего в сфере психологии и смежных с ней областей знания. Фрагментарность текстов наверняка позволит обнаружить в них некоторые противоречия, неясности и недоговоренности. Автор заранее признателен внимательному читателю за любые замечания в этом отношении.

Автор книги будет считать свои усилия небесполезными, если знакомство с объединенными в ней текстами окажется способным

активизировать собственную мысль читателя в русле затронутых здесь проблем.

Содержание книги распределено по трем разделам, каждый из которых, в свою очередь, состоит из трех глав.

В *первом разделе* рассматриваются (в дискуссионном плане) основные особенности психологического и физиологического подходов к анализу зрительных функций. Обсуждаются важнейшие принципы взаимодействия зрительной и вестибулярной систем в процессе их развития. Приводятся экспериментальные данные, полученные автором при исследовании онтогенеза интерсенсорных связей.

Во *втором разделе* обсуждаются базовые проблемы психологии развития в ее системной интерпретации. Сопоставляются разные точки зрения на взаимосвязь индивидуального и коллективного сознания. Анализируются сильные и слабые стороны детерминистического и индетерминистического подходов к организации систем.

Третий раздел посвящен разноаспектному анализу субъектных характеристик человека в их философском, эволюционном и психологическом освещении.

В заключении предпринята попытка наметить наиболее острые вопросы психологической науки, логически вытекающие из ее сегодняшнего состояния и соответствующие определенным «точкам роста», способным стать залогом ее дальнейшего развития.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность коллективу лаборатории системных исследований психики за постоянную поддержку моих усилий и за ту прекрасную творческую атмосферу, которая неизменно содействует зарождению и развитию научных начинаний.

РАЗДЕЛ I

ЭМПИРИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПСИХИКИ

Нет ничего более очевидного и в то же время — более таинственного, чем связь души с телом.

Августин Блаженный

Глава 1

ФИЗИОЛОГИЯ ЗРЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

История научных контактов физиологов и психологов в их подходе к анализу природы психического вообще и когнитивных процессов в частности в большей мере изобилует примерами конфликтных ситуаций, чем полного (или хотя бы достаточного) взаимопонимания. В рамках долгое время господствовавших дуалистических представлений о природе человека такое положение было обычным и легко объяснимым. Психологи отстаивали неприкосновенность и недоступность для естествознания духовной сущности человека. Физиологи, стихийно тяготеющие к материализму, довольствовались телесными механизмами. Однако из-за нечеткости границы «души» и «тела» неизбежны были взаимные попытки вторжения в «чужую» область, вызывавшие бурный протест стороны, подвергшейся такой агрессии. В наше время выраженный дуализм стал редкостью. Единство человеческой природы провозглашается большинством ученых независимо от их философской принадлежности. Казалось бы, в таких условиях снимаются причины научных конфронтаций психологов и физиологов. Тем не менее, опыт последних десятилетий говорит, что это вовсе не так. Даже при наличии общей философской платформы и достаточной взаимной информированности представители этих двух главных наук о человеке далеко не всегда достигают взаимопонимания. Дискуссии, прошедшие на страницах отечественных журналов, по своей остроте не уступают былому диспуту Сеченова с Кавелиным (Кольцова, 1976; Лурия, 1975; Сеченов, 1952).

Каковы же причины таких разногласий? Лежат ли в их основе какие-либо объективные закономерности развития науки (разумеется, автор не принимает в расчет возможное влияние «кастовой обособленности» и конъюнктурных соображений)? Вопрос этот

очень запутан и требует ответа на другие, более частные, хотя и не менее трудные вопросы:

Решают ли нейрофизиологи (специалисты по высшей нервной деятельности) и психологи общую задачу, или же они решают разные задачи?

Что служит объектом исследования в том и другом случае?

Возможен ли перенос физиологических закономерностей на трактовку психических явлений и наоборот?

Существуют ли «чисто» физиологические и «чисто» психические закономерности?

Нужно ли психологу знать физиологию, а физиологу — психологию?

И наконец, должен ли один из этих специалистов занимать доминирующее положение в изучении человека?

В связи с этими вопросами — особенно последним — уместно привести лаконичное и четко сформулированное высказывание Б. Рассела: наиболее вероятная гипотеза, «что в цепи событий на протяжении от чувствующего органа к мускулу всё детерминировано законами физики макромира» (Рассел, 1957, с. 76). И далее: «Если эта гипотеза истинна, то физиология независима от психологии; если же в чем-либо она ложна, физиология перестает быть автономной наукой. С практической точки зрения, физиолог поступает правильно, когда считает, что его наука автономна, поскольку пока еще не найдено никаких оснований в пользу противоположного мнения» (Рассел, 1957, с. 77). Правда, несколькими страницами дальше Рассел пишет, что в отношении вопроса, «как мы приходим к познанию, психология является самой важной наукой» (Рассел, 1957, с. 87).

Ответить на перечисленные выше вопросы во всей полноте не представляется возможным. Поэтому автор ограничивается рассмотрением наиболее знакомой ему области — проблемы зрительного восприятия, с попыткой так или иначе оценить взаимные возможности физиологического и психологического подхода к данному вопросу.

При анализе механизмов и сущности восприятия взаимные претензии психологов и физиологов и обвинения в неадекватности подходов стали довольно обычным явлением. Во многих случаях перекрестная критика имеет достаточные основания. Давайте посмотрим сначала глазами психолога на особенности современного нейрофизиологического подхода к зрению, совершив при этом очень небольшой исторический экскурс.

Открытие Эдриана (Adrian, 1946) на зрительном нерве, а затем Хартлайна (Hartline) (1940) и его преемников положили начало новому этапу в развитии представлений о природе зрительного восприятия. На смену физиологической оптике Гельмгольца (1896) пришла нейрофизиология зрения. Разработка концепции рецептивных полей зрительной системы, основной вклад в которую был сделан Хьюбелом (Hubel, 1974) и Визелом (Wiesel, 1974), позволила выделить важнейшие элементы, от активизации которых в различных комбинациях зависит общая организация зрительных функций. Подход этот оказался очень плодотворным. За несколько десятилетий накоплен огромный фактический материал, отражающий результаты анализа нейронной активности разных уровней, — от сетчатки до зрительной коры. Одно время казалось, что надежность найденного инструмента анализа не вызывает никаких сомнений и что нейрофизиологи получили полную возможность досконально разобраться в реальных механизмах зрения. Однако чем дальше углублялись исследования, тем понятнее становилась принципиальная ограниченность данной методологии. В настоящее время уже очевидно, что на таком пути мы просто не можем построить теорию, способную непротиворечиво объяснить феноменологию зрительного восприятия и специфику зрительно ориентируемого поведения.

В чем же причины создавшегося критического положения? На наш взгляд, главных причин три: элементаризм, недооценка фактора движения (т.е. примата динамики над статикой) и линейный, однонаправленный характер применяемых логических схем.

Рассмотрим в общих чертах каждый из этих пунктов.

1. Естественное после открытия рецептивных полей увлечение исходной «клеточкой» зрительной системы привело к тому, что нейрофизиологи, в конечном счете, повторили в своей сфере путь, пройденный психологической наукой в период становления и преодоления ассоцианизма. Участие рецептивных полей в построении картины мира — неоспоримый факт, но одного этого совершенно недостаточно для того, чтобы эта картина была целостной и соответствовала ситуативным поведенческим требованиям (Рок, 1980). Хьюбел и Визел не допустили, разумеется, никаких фальсификаций, но они вскрыли лишь одну сторону процесса — движение от элемента к целому. Законы же построения целого остались за пределами их концепции. К чести физиологов надо сказать, что эта слабость их позиций признается ими самими. Например, Куффлер (1979), открывший антагонистическую структуру рецептивных

полей, указывает, что принцип поэлементного (поточечного) построения образа не дает нам возможности понять, на основании каких закономерностей происходит компоновка и упорядочение элементов.

Возможно еще одно не менее важное возражение против нейрофизиологического «элементаризма». Последовательный переход от точки к линии (границе), а затем к плоскости и объему — это логика математики и художественной графики (Фаворский, 1966). Генетическая психофизиология и эволюционная теория говорят, скорее, об обратном движении в развитии зрительных функций — от трехмерного пространства к плоскому, а затем к линии и точке (Рок, 1980; Движение глаз и зрительное восприятие, 1978).

2. В хорошо известной по русскому переводу книге Линдсея и Норманна (1974) содержится следующий выраженный в категорической форме тезис: «Последняя из основных задач, которую приходится решать зрительной системе,— это выявление и оценка движения» (с. 100). Происхождение данного суждения вполне понятно, если учесть, что авторы в своих трактовках всецело опираются на Хьюбела и Визела, а последние проводили опыты в основном на неподвижных наркотизированных животных, предъявляя в большинстве случаев неподвижные стимулы. Тем не менее, накоплено огромное количество фактов, говорящих о том, что выделение движения — это не последняя, а генетически первая задача зрительной системы. Правомерность такого тезиса подтверждается как фило- так и онтогенетическим материалом (Движение глаз и зрительное восприятие, 1978; Walls, 1962; Maurer, Lewis, 1979). Способность к движению — главный признак животного. Возможность восприятия движения и визуальной дифференцировки изменений, вызванных в одном случае собственным перемещением, а в другом — движением внешних объектов — жизненно необходимая проблема (Held, Dichgans, Bauer, 1975). Вполне естественно, что с решения этой насущной задачи и начинается свое развитие зрительная система.

Неразрывная связь между движением и оценкой пространства и первичность ощущений движения подчеркивалось еще Сеченовым (1952), который писал: «...из всех мировых явлений движение представляется нам наиболее простым и удобопонятным» (с. 464). Однако психологический эксперимент еще надолго сохранил свою «классическую» стационарную форму, при которой реакции на движущийся объект рассматривались как производные от реакций на неподвижный объект.

Ломка этих традиций связана главным образом с работами Дж. Гибсона (Gibson, 1950; 1979), который в рамках экологической концепции придал фактору движения решающую роль в зрительном восприятии. Первоначально Гибсон признавал наличие двух отдельных механизмов стационарного и динамического — однако в исследованиях позднего периода он склонился к монизму в пользу примата динамической перцепции над статической. Вместо традиционного понятия зрительного сигнала он ввел понятие непрерывно изменяющегося «оптического потока» как первичного по отношению к сигналу.

Одновременно с Гибсоном очень интересный цикл изящных исследований на движущихся точках был выполнен Г. Йохансоном (Johansson, 1977). Эта работа проведена в несколько ином ключе, но сам Йохансон усиленно подчеркивает тесную связь его принципов «векторного анализа» с динамической концепцией Гибсона. Главные результаты этого цикла работ наглядно свидетельствуют о высокой информативности движущихся элементов (по сравнению со статическими) и о том, что именно движущиеся элементы легче объединяются в соответствии с одним из «законов гештальта» — законам «общей судьбы» (Allport, 1955).

Принцип первичности восприятия динамических событий (по отношению к статическим) последовательно отстаивался Б.Г. Ананьевым (1977), а многочисленные экспериментальные исследования, проведенные его преемниками, служат убедительным доказательством правомерности этого принципа.

Если учесть, что названные психологические исследования в основном предшествовали построению современных нейрофизиологических схем зрительного восприятия, то придется заключить, что пренебрежение физиологов к этому материалу не способствовало выявлению адекватных путей научного анализа.

Попутно надо вкратце остановиться на двух существенных моментах:

- а) механизмы двойственной антагонистической организации рецептивных полей зрительной системы становятся понятнее, если к ним подходить с позиций первичности восприятия динамики и вторичности восприятия статики;
- б) хорошо известно, что зрительные функции у человека возможны лишь в условиях постоянных микродвижений глаз. Зачем же понадобилось природе создание такого «несовер-

шенного» органа, который, для того чтобы видеть, должен все время дрожать? Ответ довольно прост: это произошло потому, что на первых этапах эволюции зрения рецепторы сетчатки приспособились к самой главной базовой функции — выделению движения. Раз возникнув, этот механизм сохранится на всех последующих стадиях развития. Когда же возникла экологическая необходимость выделения неподвижных объектов неподвижным наблюдателем, тогда сформировался вторичный механизм собственных движений глаз, компенсирующих неподвижность сетчатых изображений.

3. Третье уязвимое место современных нейрофизиологических схем зрительного восприятия — их линейное построение, при котором трудно выявить внутреннюю диалектику развития зрительного образа. Это относится к главной гипотезе Хьюбела–Визела и особенно к концепции детекторов признаков, которая в настоящее время критикуется самими физиологами. При таких построениях с односторонним движением информации — снизу вверх — нижние этажи иерархии не могут знать, чего хотят верхние, а высшие инстанции не могут управлять низшими, довольствуясь готовыми и весьма случайными фрагментарными сведениями. Нужно сказать, что этим схемам в рамках нейрофизиологии противопоставляются другие, в большей мере согласующиеся с принципами логики и психологии познания.

Таким образом, наиболее разработанные нейрофизиологические концепции зрения пока еще далеки от развернутой интерпретации феноменологии и механизмов зрительного восприятия. Не обеспечивает такой возможности и хорошо известный принцип фильтрации пространственных частот (Зрительное опознание и его нейрофизиологические механизмы, 1975). Этот подход обладает большей гибкостью по сравнению с исходными гипотезами, однако он так же несвободен от элементаризма, как и рассмотренные выше подходы.

Попытаемся изменить позицию на противоположную и оценить достижения психологии восприятия с позиций современной нейрофизиологии.

Попытка найти в современных психологических концепциях (в рамках отечественной науки) результаты критического (или некритического) осмысления новейших нейрофизиологических данных кончается в большинстве случаев отрицательным эффектом. Оказывается, что в позициях многих психологов (иногда и философов)

преобладают гельмгольцианские взгляды, сохраняемые в их перво-
данной чистоте с поразительной заботливостью.

Обратимся к фактам. Вот что писал Г. Гельмгольц (1896) в конце XIX века: «Эта (т.е. эмпирическая — А. М.) теория принимает, что наши чувственные ощущения вообще не дают нам ничего, кроме знаков для внешних вещей и событий; истолковывать эти события мы можем только, когда научимся этому опытом и упражнением» (с. 99). И далее: «...мы учимся читать эти знаки таким образом, что сравниваем их с результатами наших движений и с переменами, производимыми нами самими посредством этих движений во внешнем мире» (с. 134).

А вот что пишет В.А. Лекторский в книге, изданной в 1980 г.: «В том случае, когда субъект сталкивается с такими объектами, с которыми он до сих пор не имел дела в своей практике ...возникает иллюзия — воспринимается не то, что существует на самом деле» (с. 149–150). Если так, то младенец, вступающий в жизнь, имеет дело исключительно с иллюзиями. По мнению автора настоящей статьи, с такой позицией трудно согласиться. Не говоря уже об огромном фактическом материале, опровергающем старую точку зрения на визуальный мир младенца как хаос и сплошное искажение реальности (Бауэр, 1979; Движения глаз и зрительное восприятие, 1978; Фанц, 1974), трудно принять биологическую и философскую логику приведенной выше фразы. Природа была бы крайне несправедлива к своим творениям, если бы обрекала их на заведомо ложные знания, приобретаемые в самом начале жизненного пути, — знания, от которых потом надо полностью отказываться, заменяя их другими. С гносеологической же точки зрения, это означает полную дискредитацию сенсорного уровня познания, что в корне противоречит принципу единства чувственного и рационального. Разумеется, только опыт открывает перед человеком возможности наиболее полного, всестороннего и адекватного познания действительности. Но отсюда вовсе не вытекает, что уровень «чувственного созерцания» препятствует приближению к истине и даже вводит человека в заблуждение. Уместно в этой связи сослаться на теоретико-экспериментальные анализы Б.Г. Ананьева (1977), который неоднократно подчеркивал огромное значение сенсорных данных не только на начальных этапах познавательного процесса, но и в основных видах человеческой деятельности.

Даже последовательные сторонники культурно-исторической концепции психики вынуждены признать, что на доречевой (и,

следовательно, допонятийной) стадии развития ребенка формируется важнейший фундаментальный слой психики, который, будучи «скрытым» и «субъективно непредставленным» у взрослого человека, тем не менее, «и есть объективное поле любого психологического исследования» (Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 122).

Обратимся к другому аспекту проблемы зрительного восприятия — вопросу, связанному с понятием «чувственной ткани» и делением зрительного образа на два компонента: проксимальный (т.е. сетчаточный) и дистальный (т.е. отражающий внешний предмет) (Леонтьев, 1975).

Проблема рассогласования между сетчаточным изображением предмета и субъективным образом восприятия была поставлена еще Гельмгольцем (1896). Узловым пунктом этой проблемы является феномен константности восприятия, т.е. тот факт, что при изменении сетчаточной проекции в результате перемещения и поворотов объекта относительно наблюдателя последний воспринимает предмет как неизменный. Гельмгольц дал вполне логичное и не потерявшее своего значения до наших дней решение вопроса: константность восприятия обусловлена участием в акте восприятия бессознательных умозаключений. Выражаясь в современной терминологии, Гельмгольц постулировал активность воспринимающего субъекта, предварительную информированность о предмете и сохранение этой информации в памяти.

Следует учитывать, что концепция Гельмгольца была построена на представлениях физической оптики — физиология зрения тогда лишь начинала свое развитие. Не удивительно поэтому, что физическая основа восприятия и внутренняя активность наблюдателя разделяются и противопоставляются в его схеме столь откровенно. Гораздо большее удивление вызывают некоторые трансформации этой же, по сути дела, проблемы в современных психологических концепциях.

В книге «Восприятие и деятельность» (1976) читаем: «Безусловно, информация о мире извлекается не из сенсорной ткани образа, а вычерпывается из самого окружающего нас мира, поэтому механизм этого вычерпывания невозможно найти в принципах “структуризации сенсорики”» (с. 264–265). При этом автор (А.Д. Логвиненко) подкрепляет свои позиции ссылкой на Гибсона, хотя он всеми своими работами стремился доказать как раз обратное: принципиальную возможность воссоздания адекватной картины «видимого мира» из материала «видимого поля» (т.е. двумерного

сетчаточного изображения) путем так называемого «стимульного варьирования высшего порядка», которое происходит в «оптическом потоке» (или в «оптическом строе»).

Если с характерных для цитируемого сборника представлений о «чувственной ткани» снять терминологическую вуаль, то они будут выглядеть примерно так. Существует реальный мир, независимый от субъекта. Этот мир проецируется на некий полупрозрачный экран — эквивалент «чувственной ткани». Изображение на экране получается сильно искаженным, лишь отдаленно напоминающим реальность. Субъект, познающий мир (видимо, все тот же бессмертный гомункулус!), находится по другую сторону экрана. Поскольку изображение на экране не дает субъекту ясной и адекватной картины мира, самый надежный способ познания — «вычерпывать» достоверные сведения о мире прямо из заэкранного пространства, минуя экран (вероятно, допускается, что субъект располагает необходимым для такой операции инструментом, сущность которого должна быть внесенсорной). Заметим, что сторонником концепции внесенсорного познания мира был ученик и последователь Э. Гуссерля — Макс Шелер. Однако он не пытался связать свою теорию с материалистическими и естественно-научными взглядами, оставаясь в рамках религиозно-этических представлений.

Нельзя не признать, что такая концептуальная схема весьма удобна для психолога, отстаивающего самобытность своего предмета исследований и своей методологии. Она сразу делает его совершенно независимым от нейрофизиологических данных и всего развития естественных наук. Сколь бы интересные открытия ни делались в этой области — все равно они занимают «не тем», т.е. их усилия и результаты не имеют никакого отношения к анализу подлинных механизмов познания.

Вместе с тем приходится констатировать, что это «удобство» оказывается слишком «дорогим», ибо такая позиция уязвима как в общефилософском, так и в естественно-научном плане. Прежде всего, ее очень трудно согласовать с постулатом о познаваемости мира и вытекающим из него положением о том, что строение наших органов чувств позволяет адекватно отражать объективную реальность. Последовательно отстаивая принцип «чувственной ткани», неизбежно приходится в конечном счете заключить, что сенсорная информация принципиально не может дать нам подлинную картину мира, как это и явствует из приведенной выше цитаты. В таком случае тончайшие экологические нюансы в организации сенсорных

систем у животных разных видов теряют всякий смысл, а всю эволюцию органов чувств следовало бы признать ошибкой природы.

Видимо, соотношение объект – познающий субъект не может быть трехчленным. Оно не должно включать некий промежуточный носитель информации, в каком бы виде последний ни выступал. Попытки создания трехчленных и многочленных схем предпринимались в истории философии и психофизиологии много раз, но никогда не приводили к успеху. Всякий раз мысль исследователя заходила в логический тупик, не в состоянии ответить на естественный вопрос: где же «сидит» центральный наблюдатель, или, иными словами, — сам познающий субъект. Весьма знаменательно, что в настоящее время даже нейрофизиологи отказываются от представлений об экранном отображении сенсорной информации в мозговых структурах, подчеркивая принцип целостности в работе мозга как главное условие реализации познавательных функций.

В качестве аргумента в пользу существования промежуточного носителя информации обычно приводится феномен предметности восприятия, его объективированный характер. Мы воспринимаем не состояние собственных органов чувств, а предметы во внешнем пространстве. Если, однако, рассматривать этот факт с позиций естественной эволюции и в соответствии с принципом взаимодействия организма и среды, то в нем нет ничего удивительного и непонятного. Непонятно и абсурдно было бы как раз обратное: если бы организм воспринимал и оценивал не состояние окружающего мира, а лишь процессы в собственных рецепторах. Видимо, в этом пункте подход к сущности познания следует поставить с головы на ноги! Разумеется, с точки зрения стопроцентного эмпиризма, долго и безраздельно господствовавшего в психологии, крайне трудно (или даже просто невозможно) объяснить, как из хаоса локальных сетчаточных ощущений можно сотворить видимый вне нас мир. Сейчас, когда классический эмпиризм в значительной мере сдал свои позиции, вряд ли имеет смысл упорствовать в отрицании фактов, согласно которым способность к определенной организации визуального пространства и его содержимого, а также к объективации образов генетически детерминирована. И. Рок (1980), например, с достаточным основанием утверждает, что организм появляется на свет с готовым постулатом трехмерного пространства и вовсе не обязан реорганизовывать первоначальную двумерность в последующую трехмерность.

Сторонники разделения образа восприятия на его чувственную ткань и предметное содержание оперируют представлением

о хаотичности непосредственно данного сенсорного материала (Лекторский, 1980). Дело представляется так, будто бы на уровне «чистой» сенсорики познающему субъекту репрезентируется совершенно неупорядоченная плоскостная мозаика световых пятен, разобраться в которой можно лишь с помощью шифра, хранящегося у субъекта. Количество возможных комбинаций элементов практически бесконечно, а выбор того или иного способа комбинирования зависит от познающего субъекта. При таком допущении гомункулюс, работающий с этой таинственной картинкой, должен быть невероятно умным, проницательным и догадливым, чтобы за бессмысленным нагромождением неизвестных элементов угадать предметы реального мира. Однако данная трактовка — всего лишь неосознаваемая мистификация реального положения вещей, обусловленная тем, что некоторые психологи слишком охотно оперируют физиологическими понятиями столетней давности — в данном случае понятиями физиологической оптики Гельмгольца.

Современная же нейрофизиология зрения говорит совсем о другом: зрительная система никогда не работает с неупорядоченным хаосом сенсорных элементов. Рецептивные поля сетчатки и зрительных нейронов всех мозговых уровней организованы (морфологически и функционально) таким образом, чтобы уже на уровне периферических рецепторов обеспечивалась элиминация и радикальная трансформация физических световых сигналов. В итоге длительного эволюционного обучения рецептивные поля как бы настраиваются на определенный регистр, соответствующий экологии каждого биологического вида. Это и есть те правила, по которым обрабатываются первичные физические сигналы.

Существенную роль в организации процессов восприятия играет антиципирующая преднастройка сенсорных систем (Ломов, Сурков, 1980; Ломов, 1981), благодаря которой организм получает возможность заблаговременно подготовиться к целенаправленному выбору сигналов, а не довольствоваться хаотическим накоплением случайной информации.

Основные свойства рецептивных полей закреплены генетически и могут быть обнаружены у новорожденного организма. Вместе с тем рецептивные поля обладают очень большой пластичностью, благодаря чему их окончательное формирование и обучение происходит в онтогенезе каждой особи (Развивающийся мозг и среда, 1980; *Infant perception*, 1975). В результате осуществляется органическое соединение жестких (генетически детерминированных)

и гибких (сформированных при жизни) звеньев зрительной системы. Соотношение этих звеньев зависит от эволюционного уровня животного.

Таким образом, принципиальная возможность предметного видения обусловлена в первую очередь не интеллектуальными возможностями человека или животного, а устройством его сенсорного аппарата. Разумеется, развитие последнего протекает в теснейшем взаимодействии с развитием всех других психических функций, в том числе интеллектуальных.

Следует, видимо, напомнить, что противопоставление упорядоченных форм сознания хаосу чувственных впечатлений — один из главных постулатов И. Канта (1964), который мы склонны забывать, а затем охотно открывать заново.

Особое внимание уделяют сторонники двойственной природы образов восприятия экспериментам с инверсирующими призматическими очками и другими оптическими приспособлениями, нарушающими обычные условия зрения и искажающими видимую картину. Поскольку при таких искажениях понимание и точное описание видимой сцены становится для испытуемых затруднительным, результаты этих опытов интерпретируются как прямое доказательство возможности отделить чувственную ткань образа от его предметного содержания, т.е. сделать восприятие беспредметным. При этом, однако, не учитывается, что быстрое и адекватное опознание предметов, осуществляемое обученной зрительной системой, предполагает наличие вполне определенных сенсорных навыков, которые ломаются в условиях неестественных оптических искажений. Требуется определенное время — период адаптации для переучивания зрительной системы и формирования новых навыков. В этот переходный период нормальное восприятие действительно затруднено, но оно вовсе не становится беспредметным, лишенным признаков объективности. Самое большее, чего можно достигнуть при очень сильных искажениях, — это возникновения у испытуемого впечатления, что он видит не удаленные на некоторое расстояние предметы, а картинку, помещенную в оптическое устройство. Тем не менее, эта картинка вполне объективирована и воспринимается как реально существующая. Очень показательна хорошо известная офтальмологам возможность увидеть в определенных искусственных условиях сеть кровеносных сосудов собственной сетчатки. Но даже эта сеть никогда не воспринимается человеком как содержимое своего глаза, а всегда объективируется во внешнем пространстве.

Необходимость периода адаптации говорит о том, что простого добавления интеллектуальных элементов (сознательных или бессознательных умозаключений) к сенсорному материалу явно недостаточно. Человек в призматических очках очень быстро осознает, что он видит мир вверх ногами и что это — оптический обман. Но от такого понимания видимая картина не становится на ноги.

Приведенные здесь рассуждения ни в коей мере не направлены против понятия «разумного глаза» (Грегори, 1972). Глаз человека, безусловно, является разумным, но это качество не достигается за счет суммации двух отдельных и поддающихся разделению сущностей — сенсорной и интеллектуальной, а обусловлено единством чувственного и рационального в психике человека (Ананьев, 1977).

Следует отметить, что в характерном для некоторых психологов Запада расчленении образов восприятия на проксимальный и дистальный компоненты содержится (в явной или потенциальной форме) дуалистический разрыв образа и предмета и обязательно предполагается некий механизм соотношения первого со вторым. Резко выступая против позиций такого рода, С.Л. Рубинштейн (1957, с. 34) подчеркивал тот факт, что «мы воспринимаем не образы, а предметы, материальные вещи — в образах. Нельзя оторвать образ от предмета, не разрушив самого образа». Продолжая и развивая этот тезис, А.В. Брушлинский (1970, с. 145) пишет: «*Субъект соотносит не образ с предметом, а различные свойства и отношения предмета в образе. Только так можно устранить дуализм всякого соотношения (образа с вещью)*».

* * *

Здесь приведен далеко не полный перечень фактических и возможных претензий психологов и физиологов друг к другу. Надо полагать, конфликтные ситуации, довольно типичные для психофизиологического фронта, имеют и некоторое положительное значение, стимулируя развитие обеих наук. Тем не менее, желательно, чтобы уровень взаимопонимания был всегда выше, чем уровень взаимных претензий. Для этого, на наш взгляд, нужно, чтобы обе стороны отказались от двух главных иллюзий (которых на самом деле, конечно, гораздо больше).

Психологам следует отказаться от очень живучей иллюзии «непосредственной данности» психического нашему сознанию (Веккер, 1974). Если бы это было так, то сократовское «познай самого себя»

не имело бы никакого смысла, а путь, предложенный в свое время Э. Титченером (1914) (т.е. метод хорошо организованного самонаблюдения), уже привел бы нас к постижению основных закономерностей психики. В действительности же познание «психических сущностей» невозможно без их объективизации, а путь познания внутреннего мира так же бесконечен, как и внешнего.

Нейрофизиологам следует отказаться от не менее распространенной иллюзии гарантированной объективности всех используемых ими категорий, их независимости от познающих субъектов и от некоторых психологических и философских воззрений. История становления, расцвета и упадка концепции рефлекса и рефлекторной дуги — хорошая иллюстрация к этому тезису. Физик Э. Мах (1908) пришел к анализу ощущений, считая, что без знания психологии восприятия нельзя адекватно постигнуть физические закономерности. Что же тогда сказать о нейрофизиологии, которая на всех этапах своего развития неизбежно оперирует категориальным аппаратом психологии? Создание целостных нейрофизиологических теорий вряд ли возможно без их фактического сплава с психологическими концепциями.

Статья будет выглядеть явно незавершенной, если после критических замечаний автор не предпримет попытку предложить какой-нибудь гипотетический «позитив», что и приходится сделать в контексте проблемы зрительного образа.

В вопросе становления зрительного образа противоречие между элементаристским и целостным подходами проявляется особенно отчетливо. Своеобразие данной проблемы и ее диалектическая сущность лучше всего вскрываются при сопоставлении двух крайних точек зрения. Если допустить, что образ создается путем последовательной фиксации элементов и их объединения в некое целое, то непонятно, как производится выбор нужных элементов, когда образа еще нет и общая зрительная ориентировка наблюдателя отсутствует. (К тому же экспериментальная проверка доказала, что этот путь не дает положительного результата (Андреева, Вергилес, Ломов, 1972).) Если же предположить, что возникновение образа предшествует перемещениям взора, то придется признать бесцельность движений глаза (по крайней мере, в деле построения зрительного образа). Непримируемость этих крайних позиций обусловлена тем, что в первом случае делается попытка создать образ «на пустом месте» из случайного набора случайных элементов, а во втором — подойти к образу как к чему-то заранее «готово-

му» и мгновенно «схватываемому» субъектом. Антиномичность приведенных суждений снимается, если согласиться с тем, что «способность смотреть, как и способность к любой психической деятельности, формируется в самом процессе этой деятельности» (Рубинштейн, 1951, с. 201). Образы, которыми оперирует зрительная система взрослого человека, — результат длительного обучения, а сам акт восприятия обязательно включает в себя узнавание и воспроизведение (т.е. процессы памяти). Согласно генетическим данным, накопленным в последнее десятилетие, исходной базой для обучения зрительной системы служит ее врожденная способность к выделению контрастов и движущихся стимулов, а также способность к грубому различению формы, размера и удаленности объектов (Бауэр, 1979; Зрительное опознание и его нейрофизиологические механизмы, 1975; Рок, 1980). Поэтому в онтогенезе зрения отсутствует предполагавшийся ранее этап, на котором глаз «ощупывает» предмет, перемещаясь по его контуру, — такая операция оказывается просто ненужной. Вместе с тем глазодвигательная активность появляется у младенца очень рано — с первого дня жизни. Нейрофизиологический механизм саккады генетически фиксирован, а перевод взора в направлении стимула, обладающего определенными физическими свойствами, также реализуется по жестким, наследственно закрепленным программам. Эти примитивные формы сенсомоторной координации внутри зрительной системы служат базой для последующего развития более тонких координации и произвольных движений глаз.

Современные нейрофизиологические исследования говорят о наличии двух относительно сепаратных, но тесно взаимодействующих подсистем зрения (возникших на ранних этапах филогенеза позвоночных), одна из которых реализует интегративную оценку зрительной ситуации, общую пространственную ориентировку и локализацию стимулов, а другая — тонкий детальный анализ (Белехова, 1977; Trevarthen, 1970).

Исходя из концепции о двух подсистемах можно предположить, что зрительный образ у человека является продуктом взаимодействия обеих этих подсистем. Их относительный вклад зависит от стадии формирования образа. В новой ситуации первой включается система интегративной оценки, в привычной обстановке она может быть адаптирована и потому — пассивна. Весь процесс восприятия представляет собой преобразование слабо дифференцированной общей картины в четко дифференцированную целостную структу-

ру. Такая фазность восприятия (Ананьев, 1980; Веккер, 1974; Ломов, Сурков, 1980) подтверждена результатами тахистоскопических экспериментов на взрослых испытуемых. Обычно обе подсистемы функционируют параллельно. Поэтому общая интегративная оценка ситуации и ее детальный анализ — лишь две стороны единого процесса формирования образа. Благодаря такому единству детальный анализ, осуществляемый с помощью движений глаз, приобретает необходимую изначальную организацию. Получаемое этим путем подробное описание элементов накладывается на уже готовую грубую «канву», отражающую наиболее общие характеристики объекта.

Формирование образа восприятия может быть представлено как встречное движение двух потоков информации, один из которых направлен от целого к элементам, а другой — от элементов к целому. Динамика становления образа обусловлена не линейным накоплением информативных признаков, а внутренним противоречием в рамках зрительной системы — противоречием между тенденцией к «схватыванию» целого и стремлением к выделению элементов этого целого. (Именно на этом пути происходит реализация глобального принципа «анализа через синтез» (Брушлинский, 1970).) В микроинтервалах процесса восприятия, по-видимому, постоянно происходит колебание «фокуса активации» между двумя этими полюсами. Эти колебания коррелируют с конкретными нейрофизиологическими закономерностями, такими как варьирующая скорость нервного проведения в разных отделах зрительной системы, различная адаптивность мозговых структур и реципрокное взаимодействие между двумя зрительными подсистемами.

Особо следует подчеркнуть, что разработанная Б.Г. Ананьевым и его школой концепция фазности восприятия получает убедительное нейрофизиологическое обоснование в контексте современных представлений о двух подсистемах зрения.

Методическая сложность анализа зрительного процесса во всей его полноте обусловлена двумя главными причинами: а) существующий в любой момент эксперимента уровень адаптации различных участков системы дает возможность получить лишь частный (хотя и верный для текущего момента) результат; б) благодаря мнемическим связям обученная зрительная система (как и психика в целом) обладает удивительной способностью восстановления сложного целого по минимальному «набору» элементов, а также возможностью разнообразных реконструкций и транспозиций;

вполне возможно поэтому, что предложенный К. Прибрамом (1975) принцип «мозговой голограммы» не просто красивая аллегория, а закономерность, требующая поиска соответствующих нейрофизиологических механизмов.

В заключение необходимо сказать, что автор вовсе не склонен оценивать предлагаемую схему как окончательное решение проблемы зрительного восприятия, а рассматривает ее лишь в качестве возможного направления для дальнейших исследований.

Глава 2

РОЛЬ СЕНСОМОТОРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Общие представления о механизме вестибуло-окулярных реакции (ВОР)

Обилие новых фактов и пополнение концептуального багажа современной нейрофизиологии приводят к расширению и некоторой трансформации представлений о характере взаимовлияний вестибулярной и зрительной систем. Поразительно тонкое согласование в работе этих систем обеспечивает адекватную ориентировку человека и животных в пространстве. По словам Р. Гранита (1973), «одним из чудес природы в области моторики является быстрая и точная координация движений глаз при изменениях в положении головы, регулируемых вестибулярным аппаратом, мышцами шеи, другими тоническими мышцами и мозжечком» (с. 280).

Сам факт существования вестибуло-глазодвигательных рефлексов (как одной из разновидностей более широкого класса вестибуломоторных реакций) известен давно и описан многими авторами (Кисляков, Левашов, Орлов, 1972; Магнус, 1962; Милнер, 1973; Сентаготаи, 1967; Lorente de No, 1933). Полукружные каналы связаны ипси- и контралатеральными нервными связями (проходящими через вестибулярные ядра и интернейроны ретикулярной формации ствола) с соответствующими наружными мышцами глаз. Поэтому повороты головы, возбуждая лабиринтные рецепторы, вызывают рефлекторное сокращение глазных мышц, приводящее к компенсаторным поворотам глазных яблок в направлении, обратном повороту головы. Биологическое значение этого механизма очень велико: он способствует удержанию воспринимаемых объектов в поле зрения при различных поворотах и наклонах головы. Следует полагать, что наряду с данной функцией механизм вестибуло-глазодвигательных реакций выполняет и другую,

не менее важную в биологическом аспекте роль: нивелируя видимые смещения объектов внешнего мира, вызываемые собственными движениями, он позволяет животному отличать истинное движение от иллюзорного, что крайне необходимо для адекватного поведения.

В соответствии с широко распространенными представлениями, анатомио-физиологической основой ВОР служит трехнейронная рефлекторная дуга, образуемая нейронами ганглия Скарпа, вестибулярных ядер и мотонейронами наружных глазных мышц (Precht, 1974). Однако более детальные исследования показывают, что, даже оставаясь в рамках «линейной» схемы, приходится признать более сложную систему передачи лабиринтного сигнала (Uchino, Suzuki, Watanabe, 1979). Так, при раздражении нерва горизонтального канала (опыты на кошках) в мотонейронах VI ядер регистрируются наряду с дисинаптическими ВПСП трисинаптические ТПСП. Авторы (Uchino, Suzuki, Watanabe, 1979) полагают, что последние обусловлены присутствием в вестибулярных ядрах тормозных интернейронов третьего порядка, проецирующихся на мотонейроны глазных мышц.

Быстрота ВОР — обязательное условие адекватных ситуаций движений глаз и поведения в целом. При отсутствии дополнительных приспособительных механизмов животные были бы обречены на постоянное отставание поворотов глаз от поворотов головы вследствие неизбежной задержки сигнала в нервных цепях. В действительности же движения глаз обнаруживают, скорее, тенденцию к опережению поворотов головы, чем к отставанию от них. Это возможно благодаря тому, что рецепторы полукружных каналов реагируют не на положение, а на ускорение.

Предполагается, что общая схема передачи лабиринтного сигнала выглядит следующим образом (Buettner, Büttner, 1977). Рецепторы каналов максимально активируются в самом начале поворота головы. Они работают как дифференцирующий элемент, выделяющий ускорение (вторую производную от положения). На уровне вестибулярных ядер происходит интегрирование сигнала, после чего он уже выступает как сигнал скорости. Запись активности нейронов вестибулярных ядер у бодрствующей обезьяны при синусоидальном вращении показала, что максимальная частота разрядов этих нейронов примерно совпадает с фазой максимальной скорости, опережая последнюю при частоте 0,2 Гц на 10–40 угл. град. (Buettner, Büttner, 1977). Последующее интегрирование сигнала осуществляется, по-видимому, в исполнительном

звене глазодвигательного аппарата (т.е. на уровне мотонейронов и мышц). Так, в результате последовательности противоположных процессов — дифференцирования и интегрирования достигается требуемая синхронизация в поворотах головы и глаз. В идеальном случае в момент завершения поворота головы глаза оказываются фиксированными в той же точке, в которой они находились до поворота. Нетрудно заметить, что данная схема «работает» по принципу открытой системы, т.е. без участия обратных афферентационных связей.

Существуют, однако, иные представления о гипотетических механизмах интеграции сигнала ускорения, которые будут обсуждаться ниже. Рассмотренная схема не является достаточно полной, так как в ней акцент сделан лишь на трансформации ампулярного сигнала ускорения. Между тем известно, что реализация ВОР предполагает определенную последовательность «включения» рецепторов каналов и макулярных (отолитовых) рецепторов (Кисляков, Левашов, Орлов, 1972; Курашвили, Бабияк, 1975; Сентаготаи, 1967; Anderson, Bender 1979; Daunton, Thomson, 1976). Различие в порогах, латентных периодах и постоянных времени этих subsystem обеспечивается необходимой «слитностью» ВОР и способствует удержанию глаз в новой позиции после завершения поворота.

Наличие общей для всех каналов и преддверия гидромеханической среды (эндолимфы) принципиально важно как для взаимодействия каналов, так и для согласованного функционирования ампулярных и макулярных рецепторов (Гусев, Кисляков, Орлов, Семенов Столбков, 1978). Вместе с тем следует подчеркнуть, что дифференцировка двух лабиринтных subsystem сохраняется, согласно недавно полученным нейрофизиологическим данным (Favilla, Ghelarducci, Starita, 1978) на уровне глазодвигательных (III) ядер: здесь в опытах на кроликах обнаружены две группы мотонейронов, одна из которых реагирует преимущественно на положение головы, другая — на ускорение. Об относительной сепаратности отолитовых нервных цепей говорит также тот факт, что контралатеральное представительство макулярных рецепторов обнаружено в фастигиальных ядрах мозжечка (Erway, Ghelarducci, Pompeiano, Stanojevic, 1977).

Нейрофизиологические опыты на анестезированных кошках (Anderson, Procht, Blanks, 1977) с регистрацией активности отдельных мотонейронов ядер IV и VI во время боковых наклонов и пово-

ротом животного вокруг вертикальной оси показали, что большая (по сравнению с канальной субсистемой) инерционность отолитовой субсистемы обусловлена не функциональными возможностями периферических рецепторов, а спецификой центральных процессов (наличием интегрирующего центрального звена). Вопрос о том, где происходит такая интеграция — в вестибулярных ядрах или ретикулярной формации ствола, авторы оставляют открытым.

Фило- и онтогенетические данные о развитии ВОР

По мнению Е.К. Сеппа (1949) и Г. Уолса (1962), вестибуло-окулярные реакции относятся к изначальной, филогенетически наиболее древней форме глазодвигательной активности, над которой в дальнейшем «надстраивались» все другие виды движений глаз. В качестве одного из аргументов приводится тот факт, что ромбэнцефалический уровень интеграции, включающий вестибулярный аппарат, — более древняя структура, чем мезенцефалический уровень, в составе которого сформировалась зрительная система. Соматические вестибуломоторные связи существовали уже тогда, когда глазодвигательный аппарат только начал закладываться. Поэтому, в соответствии с общим принципом развития иннервации эфферентных систем (Шаде, Форд, 1976), он должен был включиться в сложившуюся структуру нервных связей, подчиняясь (по крайней мере, на первых этапах своей эволюции) ее специфике. С этих позиций становится очевидным, что детальный анализ вестибулярно-окулярных взаимодействий может оказаться ключом к пониманию генеза глазодвигательных функций в целом. Разумеется, эволюция мозга не может рассматриваться как последовательная «надстройка» изолированных этажей, несмотря на то что каудально-роstralный порядок закладки ядер черепно-мозговых нервов достаточно четко проявляется в фило- и онтогенезе высших животных (Жукова, 1977; Шаде, Форд, 1976). Видимо, в процессе эволюции должно постоянно сохраняться тесное взаимодействие старых и новых структур путем образования ведущих уровней интеграции, обеспечивающих целостную работу всех систем (Айрапетьяц, Батуев, 1969; Анохин, 1978).

А.И. Карамян (1970; 1976) подчеркивает, что уже у круглоротых рыб складывается бульбо-мезенцефалический уровень интеграции, где дистанторецепторные афференты переключаются на мотонейроны спинного мозга (через ретикулоспинальную систему связей).

У костистых рыб ведущим аппаратом интеграции становятся мозжечок совместно со среднимозговыми образованиями.

Филогенетическое развитие моторики глаз протекало в условиях взаимодействия вестибулярной и ретикулярной афферентации. Если изолированное самодовлеющее влияние лабиринтных рецепторов на глазодвигательные мышцы превратилось бы в биологическую бессмыслицу, то, напротив, тончайшая корреляция между лабиринтными и сетчаточными афферентными сигналами и создала то «чудо» в моторике глаз, о котором говорит Р. Гранит (1973). Поэтому совершенствование вестибуло-глазодвигательных функций в ходе эволюции зависело не только от развития вестибулярного аппарата, но и от усложнения органа зрения (увеличивающейся дифференцировки сетчатки на центр и периферию).

ВОР, а также вестибулярный и оптокиннетический нистагм, могут быть зарегистрированы у всех позвоночных с функционирующим зрением (Robinson, 1977). У животных разных видов и классов диапазон скоростей быстрой и медленной фаз нистагма варьируется в широких пределах; меняются предельный угол поворотов глазных яблок в орбитах и относительная подвижность головы и глаз (Collewijn, 1977; Robinson, 1977, Walls, 1962). Однако общий паттерн компенсаторных движений глаз (в ответ на вестибулярную стимуляцию) и реакций нистагменного типа настолько сходен у представителей *всех* таксономических групп, что отличить окулограмму рыбы от окулограммы примата практически очень трудно.

Глазодвигательные реакции названных типов зарегистрированы у рыб и соотнесены с активностью стволовых структур и мозжечка (Allum, Graf, Dichgans, Schmidt, 1976; Easter, 1972; Graf, Meyer, 1978; Hester, 1968). Результаты исследований говорят о наличии стволовых механизмов, лежащих в основе ВОР и сохраняющих, по-видимому, свое базовое значение на всех последующих этапах эволюции. Факты, подтверждающие филогенетическую древность ВОР, свидетельствуют в пользу гипотезы о ведущей роли вестибулярной стимуляции на низших ступенях развития глазодвигательной активности. Что же касается способности к плавному прослеживанию движущихся объектов (при отсутствии вестибулярной стимуляции), то она присуща только приматам и практически отсутствует у других животных (Evinger, Fuchs, 1978; Robinson, 1977).

Данные о специфике ВОР в раннем постнатальном онтогенезе человека и животных крайне скудны. Исследования, проведенные недавно на младенцах первых месяцев жизни (Митькин, 1978; 1982),

показывают, что механизмы, обеспечивающие спонтанный обзор неподвижного окружения и плавное визуальное прослеживание отдельных движущихся объектов, в этом возрасте еще очень несовершенны. Напротив, компенсаторные движения глаз (афферентируемые вестибулярно) и оптокинетический нистагм мало отличаются от аналогичных реакций взрослого человека, вызываются очень легко и обладают большой стабильностью.

ВОР регистрировались методом электрокулографии при естественной вестибулярной стимуляции, достигаемой путем синусоидального вращения вокруг горизонтальной оси (покачивания) ребенка, лежащего на спине в специальной качалке. Частота колебаний варьировалась от 0,25 до 2 Гц, амплитуда угловых отклонений — в пределах $\pm 30^\circ$. В отличие от типичного для младенцев дискретного саккадического прослеживания движущихся стимулов ВОР имели явно выраженный плавный характер даже у самых маленьких из обследованных детей (2–4 недельных).

Эти данные указывают, видимо, на различие и гетерохронность созревания механизмов, обуславливающих в одних случаях плавную вестибулярную компенсацию, в других — плавное фовеальное прослеживание. В условиях конфликта (конкуренции) между лабиринтной и ретинальной стимуляцией у детей 1–2 мес. доминирует, судя по характеру ВОР, вестибулярная афферентация; у детей 3–4 мес. одновременная зрительная афферентация существенно изменяет ВОР. Показательно, что наиболее плавные и стабильные компенсаторные движения глаз у младенцев всего исследованного возрастного диапазона (2–20 недель) были записаны в состоянии сна.

Таким образом, полученный на ранних стадиях онтогенеза материал, несмотря на его фрагментарность, может в какой-то мере служить дополнительным доказательством относительной примитивности и филогенетической древности ВОР.

Компенсаторные и антикомпенсаторные движения глаз

Функциональный смысл ВОР заключается в минимизации смещений сетчаточных изображений вследствие поворотов головы и тела. Однако непреодолимая ригидность и однозначность такого рода компенсаторных движений привели бы к биологическому абсурду: при поворотах животное стучалось бы головой о препятствия, так как теряло бы объекты из зоны ясного видения. Схватыва-

вание добычи также становилось бы невозможным: при поворотах головы (или туловища) фиксация жертвы, необходимая для точного броска и захвата, нарушалась бы за счет рефлекторного поворота глаз в противоположную сторону. Поэтому уже на самых ранних этапах филогенеза потребовалось развитие двух антагонистических механизмов: компенсаторных и анти-, или декомпенсаторных, поворотов глаз в ответ на вестибулярную афферентацию. Если первые из них, по условию сохранения фиксации, должны быть плавными, то вторые (в соответствии с принципом рефиксации и для исключения влияния собственного движения глаз на стабильность восприятия) должны осуществляться как можно быстрее, т.е. саккадически.

Так на очень ранних ступенях эволюции сложился древний механизм двухфазного движения глаз нистагменного типа. Этот механизм присущ всем позвоночным, начиная от рыб (Easter, 1972; Harden-Jones, 1963) и кончая приматами, и отчетливо проявляется у младенцев первых недель жизни (Ron, Robinson, 1973; Uemura, Cohen, 1972). Взаимосвязь медленной и быстрой фазы нистагма носит характер базового, генетически закрепленного автоматизма стволового уровня (Курашвили, Бабияк, 1975; McCabe, 1965; Schmid, Lardini, 1976).

Последовательность компенсаторных и декомпенсаторных движений глаз в их сочетании с поворотом головы зависит от того, является ли поворот головы пассивным или активным (Atkin, Bender, 1968; Barnes, 1975; Venson, Barnes 1978). В первом случае приоритет имеет плавная компенсация, во втором — саккадическая декомпенсация, с которой начинается последовательная цепочка постуральных реакций: поворот глаз, головы, туловища, соответствующие изменения в напряжении флексоров и экстензоров конечностей (Козловская, 1976; Магнус, 1962; Collewijn, 1977; Melvill-Jones, Davies, Gonshor, 1977). Целенаправленному повороту головы обычно предшествует саккадическое перемещение глаз в направлении объекта, который должен фиксироваться. Затем происходит поворот головы (примерно на тот же угол), сопровождаемый плавным компенсаторным движением глаз, которые приближаются при этом к среднему положению в орбитах (Bizzi, 1974; Dichgans, Bizzi, Morasso, Tagliasco, 1974; Morasso, Bizzi, Dichgans, 1973). Подобная последовательность характерна для человека и животных, обладающих фовеальным зрением.

Следовательно, в условиях естественного поведения ВОР оказываются включенными в сложный комплекс других моторных

реакций организма, которые способны модулировать специфику протекания ВОР. Активность субъекта — не единственное условие, вызывающее антикомпенсаторные движения глаз. У человека декомпенсаторные саккады наблюдаются и при пассивных поворотах, совершаемых с большой угловой скоростью (Barnes, 1975). Одна из гипотез (Melvill-Jones, Davies, Gonshor, 1977) предполагает существование порога для скорости поворотов головы, при превышении которого глазодвигательная декомпенсация начинает преобладать над компенсацией. Из этого можно заключить, что соотношение указанных двух типов реакций зависит от взаимодействия трех факторов: скорости движения, степени активности субъекта и направленности его внимания.

Вклад ретинальных афферентов в реализацию ВОР. Роль центра и периферии сетчатки

Согласно эволюционной схеме (Walls, 1962), филогенетически древний и относительно примитивный механизм вестибулярного управления, реализуемого по принципу открытой системы, позволяет осуществлять лишь грубую ориентировку глазных яблок, коррелирующую со слабой дифференцированностью сетчатки у низших позвоночных (рыб). По мере эволюционного усложнения органа зрения, обусловленного выделением фовеальной области с ее высокой разрешающей способностью, ригидный, генетически фиксированный механизм ВОР оказывается явно недостаточным для установки зрительных осей с точностью, измеряемой угловыми минутами. Подобное рассогласование и становится движущей силой развития взаимных корреляций между вестибулярными и ретинальными афферентами. В итоге у высших животных формируется механизм глазодвигательного контроля, отличающийся высокой пластичностью и способный к ситуационным адаптациям на протяжении всей жизни индивида (Robinson, 1977). Совершенство указанного механизма обусловлено наличием ретинально афферентируемых обратных связей, позволяющих тонко корректировать любое несоответствие в позиции глаз, а также приспособительными изменениями в центральных нервных структурах.

Таким образом, эволюция ВОР может служить, с одной стороны, наглядным примером реализации принципа единства прямых и обратных связей в биологических системах, с другой — иллюстрацией теснейшего взаимодействия двух форм организации мозговых

процессов: инвариантных, генетически детерминированных и пластичных, носящих вероятностный характер (Адрианов, 1978).

Показательно, что у животных, стоящих на разных ступенях эволюционной лестницы, относительный вклад лабиринтных рецепторов в глазодвигательный контроль неодинаков. Например, у рыб при повороте тела в темноте вокруг вертикальной оси на некоторый угол компенсаторный поворот глаз (в обратном направлении) составляет около 90% от угла поворота тела (Easter, 1972). В аналогичной ситуации у кошки компенсируется 80–85% поворота, а у человека — лишь 50% (Robinson, 1977). Следовательно, чем выше эволюционный уровень, тем весомее вклад зрительных рецепторов (по сравнению с вестибулярными) в управление ориентацией глаз и, по всей вероятности, тела в целом. Некоторые авторы считают, что у человека при оценке положения собственного тела в пространстве зрительные сигналы вообще доминируют над вестибулярными, последние же могут исполнять лишь вспомогательную роль (Гурфинкель, Коц, Шик, 1965).

Влияние зрительного сенсорного входа на состояние вестибулярных центров отчетливо проявляется в эффекте визуального подавления ВОР. Если, например, обезьяна, закрепленная во вращающемся кресле, фиксирует взором сигнальную лампу, которая поворачивается вместе с креслом, то раздражение лабиринтных рецепторов, обусловленное вращением, не вызывает глазодвигательного ответа (Robinson, 1977). Глаза в этом случае остаются неподвижными относительно головы, хотя сигналы из полукружных каналов продолжают поступать. Видимо, для высших животных и человека, обладающих фовеализированным зрением, наличие такого механизма имеет принципиально важное значение: в противном случае (т.е. при непреодолимой ригидности вестибулярных реакций) устойчивая фиксация мелких деталей оказалась бы невозможной в условиях восприятия движущихся объектов, сопряженного с поворотами головы (или тела).

У кроликов и кошек способность к визуальному подавлению вестибуло-глазодвигательных ответов обнаруживается в значительно меньшей степени, т.е. влияние вестибулярных сигналов оказывается у них доминирующим (Ito, 1972; Robinson, 1977). Ситуации, в которых (по аналогии с вышеописанным опытом) лабиринтные и ретинальные сигналы вступают в конкуренцию и оказывают противоположное воздействие на интегрирующие инстанции, получили название визуально-вестибулярного конфликта (Waespe,

Henn, 1977). Создание подобных ситуаций в эксперименте помогает выявить примат той или иной сенсорной системы (у животных разных видов и при варьировании внешних условий), а также проследить процесс адаптивных изменений в механизме ВОР. Интересная разновидность исследований такого типа — многочисленные опыты, основанные на применении инверсирующих призм и позволяющие сравнительно простым способом радикально изменять естественный характер визуально-вестибулярных взаимодействий (Barnes, 1975; Collewijn, 1977; Davies, 1976; Eccles, 1973; Gauthier, Robinson, 1975; Gonshor, Jones, 1976; McCabe, 1965; Melvill-Jones, Davies, Gonshor, 1977; Miles, Fuller, 1974; Precht, 1974; Robinson, 1977).

Так, длительное (в течение 27 дней) ношение людьми очков с инверсирующими (в горизонтальной плоскости) призмами приводит к типичным изменениям вестибуло-окулярного рефлекса (ВОР) (Melvill-Jones, Davies, Gonshor, 1977). Изменение ВОР в течение всего срока адаптации (а затем — реадаптации) проверялось методом электроокулографии при синусоидальном вращении испытуемых в темноте вокруг вертикальной оси с частотами от 0,1 до 5 Гц и угловыми скоростями от 5 до 40 град/с. В первый–второй день происходит резкое (в 2–3 раза) уменьшение амплитуды движений глаз без инверсии фазы, но с осцилляциями сдвига по фазе как в плюсовую, так и в минусовую область. Затем в течение недели осуществляется поворот фазы приблизительно на 120° . В последующий срок (10-й — 27-й день эксперимента) инверсия фазы остается в диапазоне $115\text{--}125^\circ$, никогда не достигая 180° , а амплитуда движений глаз несколько увеличивается, но также не достигает характерной для человека нормы 0,5–0,6 (если полную компенсацию принять за 1,0). Реадаптация после снятия призм происходит очень быстро (за 1–3 дня) и сопровождается нормализацией фазы и восстановлением величины ВОР до значений, близких к норме. Однако в последующие 20 дней амплитуда ВОР продолжает медленно расти и даже превосходит иногда доэкспериментальный уровень.

Аналогичные, но более длительные опыты (200 дней ношения призм) были поставлены теми же авторами (Melvill-Jones, Davies, Gonshor, 1977) на кошках. В этом случае наблюдалось еще более резкое и глубокое (по сравнению с тем, что отмечалось у людей) падение величины ВОР. В то же время адаптационный поворот фазы оказался растянутым на 20 дней. После снятия призм фазная реадаптация произошла очень быстро, однако для восстановления нормальной амплитуды компенсаторных движе-

ний глаз потребовалось около 70 дней. Таким образом, адаптивная трансформация ВОР, обусловленная изменениями в характере зрительно-вестибулярных взаимодействий, — относительно длительный процесс, требующий, по-видимому, определенной перестройки в системе нервных связей.

Приведенные экспериментальные данные, а также результаты других авторов (Ito, 1972; Robinson, 1977), полученные на животных иных видов (кроликах, обезьянах), говорят о положительной корреляции между эволюционным уровнем организма и степенью адаптивности ВОР, которая выражается прежде всего в скорости соответствующих перестроек.

Хорошо известной формой влияния ретинальной афферентации на активность вестибулярных центров является визуальное подавление нистагма. Нистагм любого происхождения — оптокинети́ческий, вестибулярный, алкогольный, центральный, колорический — ослабевает или прекращается совсем, если субъект фиксирует взором какой-либо неподвижный стимул в поле зрения. Можно, правда, предположить, что в данном случае эффект подавления зависит не только от сетчаточных импульсов, но и от волевых усилий субъекта, а также от проприоцептивных сигналов, поступающих от глазных мышц.

Периферия сетчатки и ее центральная область в различной мере участвуют в подавлении вестибулярной активности. Способность к фовеализации неподвижного стимула играет, по-видимому, существенную роль в реализации механизма визуального подавления ВОР. Так, например, характерно, что у кролика, сетчатка которого не имеет фовеа, этот механизм проявляется в значительно меньшей степени, чем у приматов (Robinson, 1977). В исследовании (Сергиенко, 1978) на младенцах 1–5 мес. установлено, что дети разного возраста неодинаково реагируют на неподвижный объект, появляющийся на фоне движущихся черно-белых полос. У детей младшего возраста при такой конкурирующей стимуляции доминируют типичные нистагменные движения глаз. Напротив, у старших детей, обладающих более зрелым и совершенным механизмом фовеального зрения, резко возрастает число случаев устойчивой фиксации объекта и подавления фонового нистагма.

Периферическое и центральное зрение играют разную роль в восприятии движения, тесная же связь периферии сетчатки с вестибулярным аппаратом способствует адекватной полимодальной оценке реальной ситуации. Смещение больших участков зритель-

ного поля обычно воспринимается как результат собственного движения (что вполне коррелирует с естественными ситуациями). В отличие от этого при восприятии центральной областью сетчатки небольших стимулов постулируется неподвижность наблюдателя (Allum, Graf, Dichgans, Schmidt, 1976; Brandt, Dichgans, Buchele, 1974; Dichgans, 1977; Henn, Young, Finley, 1974). Таким образом, реципрокность центрального и периферического зрения способствует дихотомическому выбору между эгоцентрическим и экзоцентрическим постулатом при появлении в поле зрения движущихся объектов (Dubois, Collewijn, 1979; Murphy, Kowler, Steinman, 1975).

Функциональное деление сетчатки (по отношению к восприятию движения) коррелирует с дифференцировкой двух типов оптокинетического нистагма (ОКН): фовеального («смотрящего»), связанного с кортикальным уровнем и в большей мере поддающегося произвольному контролю со стороны субъекта, и периферического («бычьего»), базирующегося на стволовых механизмах и мало зависящего от волевых усилий. В первом случае доминирует стимуляция центральной (фовеальной и парафовеальной) области сетчатки, во втором — обширных периферических зон. Возникновение оптокинетического постнистагма (ОКПН) обусловлено главным образом активацией ретинальной периферии.

Основные компоненты стволовой интеграции ВОР

Для эффективного взаимодействия афферентов различной модальности требуется интегрирующая инстанция. Роль такого интегрирующего «центра» в значительной мере приняли на себя вестибулярные ядра, участие которых в управлении движениями глаз известно достаточно давно (Spreigel, 1933). Нейрофизиологические исследования последнего десятилетия, выполненные на бодрствующих животных с применением микроэлектродной техники, показали, что на определенных группах нейронов вестибулярных ядер конвергируют как лабиринтные, так и ретинальные сигналы (Dichgans, 1977; Henn, Young, Finley, 1974; Hikosaka, Maeda, Nakao, Shumazu, Shinoda, 1977; Keller, Daniels, 1975; Miles, Fuller, 1974; Robinson, 1977; Waespe, Henn, 1977). Доказательством этого служит сравнение импульсной активности одних и тех же вестибулярных нейронов, регистрируемой в двух различных экспериментальных ситуациях: при вращении животного в темноте вокруг вертикальной оси и при вращении вертикально ориентированного освещен-

ного барабана с черно-белыми вертикальными полосами вокруг неподвижного животного. И в том, и в другом случае одни и те же группы нейронов дают аналогичные паттерны импульсной активности (Henn, Young, Finley, 1974; Waespe, Henn, 1977).

Обычно подчеркивается преимущественное участие в глазодвигательном контроле верхних и медиальных ядер. Между тем микроэлектродное исследование, выполненное на неанестезированном свободно перемещающемся кролике (Schaefer, Zierau, Süß, 1977), показало, что нейроны всех четырех пар ядер вестибулярного комплекса реагируют на оптокинетическую стимуляцию и изменяют свою активность синхронно с фазами ОКН. Несколько меньше эта активность выражена в нисходящих ядрах. В этом же и других исследованиях подтверждается функциональная принадлежность препозитивных ядер подъязычных (XII) нервов к вестибулярному комплексу и их тесная связь с движениями глаз (Barmack, 1977; Kotchabhakdi, 1977; Schaefer, Zierau, Süß, 1977).

Вестибулярные ядра содержат нейроны нескольких классов (Robinson, 1977). У первичных нейронов (клеток «первого порядка»), непосредственно получающих афференты из ганглия Скарпа, частота разрядов пропорциональна скорости поворота головы. При неподвижности головы движения глаз не оказывают влияния на эти нейроны. Нейроны «второго порядка» (включаящие несколько классов) меняют частоту импульсации во время саккад и при фиксации глаз в определенной позиции. В то же время частота их разрядов не зависит непосредственно от полукружных каналов: у бодрствующего животного определенное количество клеток вестибулярных ядер в большей мере реагирует на движение глаз, чем на движение головы.

Деятельность глазодвигательных мотонейронов протекает под постоянным влиянием вестибулярных ядер (Baker, Greste, Berthoz, 1975). Наличие прямых эфферентов из вестибулярных ядер в глазодвигательные подтверждено в настоящее время методом ретроградного аксонального транспорта пероксидазы хрена (Steiger, Büttner-Ennever, 1979). Разрушение вестибулярных ядер приводит к дегенерации ядер III, IV и VI пар черепномозговых нервов (Robinson, 1977).

Таким образом, вестибулярный аппарат и зрительная система имеют двусторонние связи: раздражение лабиринтных рецепторов вызывает глазодвигательный ответ, а сетчаточная афферентация и само движение глаз приводят к изменению функционального

состояния вестибулярных центров. Путь, по которому афферентный сигнал, генерируемый рецепторами лабиринта, передается глазодвигательным мотонейронам, хорошо исследован морфологически и уже рассматривался выше. Гораздо меньше ясности в вопросе о том, как достигает вестибулярных центров ретинальная информация. Согласно одной из гипотез, в ее передаче участвуют верхние двуххолмия, дополнительный оптический тракт и клочок (флоккулюс) мозжечка (Maekowa, Takeda, 1977). Допустимость такого предположения подтверждается электрофизиологическими и анатомическими исследованиями (Lisberger, Fuchs, 1977; Maekowa, Takeda, 1977), а также острыми опытами с разрушением нервных структур (Lisberger, Fuchs, 1977). Согласно другой гипотезе, ретинальные сигналы поступают в вестибулярные ядра через ретикулярную формацию ствола, минуя мозжечок (Waespe, Henn, 1977). Установлено также, что раздражение интерстициальных ядер Кахала (получающих эфференты из верхних двуххолмий) оказывает тормозное влияние на фоновую активность нейронов в ипсилатеральных вестибулярных ядрах (Markham, Precht, Shimazu, 1966).

Оптокинетическая стимуляция сетчатки — не единственный способ активации вестибулярных центров через зрительный канал. Аналогичный эффект может быть получен при воздействии на ретинальные рецепторы блинкерными сигналами (Azzena, Mameli, Tolu, 1977; Behrens, Grusser, 1978). В острых опытах, поставленных на гвинейских поросятах (Peterson, Anderson, Filion, Wilson, 1971), изменение активности вторичных вестибулярных нейронов было зарегистрировано при электрическом раздражении любого из двух зрительных нервов. Из 102 единиц, идентифицированных электрофизиологически путем их ортодромной стимуляции через лабиринтные рецепторы и антидромной — через волокна медиального продольного пучка (нервного пути, по которому сигналы из вестибулярных ядер передаются в глазодвигательные ядра), 92 модулировали свою импульсацию в указанных условиях. Сходные изменения в разрядах тех же нейронов наблюдались при оптокинетическом нистагме.

Зрительная система, рассматриваемая в единстве ее сенсорных и моторных компонентов, воздействует на вестибулярный аппарат не только через ретинальные афференты. Электрофизиологические данные свидетельствуют о том, что проприоцептивные сигналы, возникающие в наружных глазных мышцах при сокращении, до-

стигают вестибулярных ядер (Гранит, 1973; Cooper, Daniel, Whitteridge, 1955; Gernandt, 1968).

В опытах на кошках, наркотизированных хлоралозой (Gernandt, 1968), был исследован эффект бимодальной конвергенции афферентных сигналов — вестибулярных и проприоцептивных. С этой целью электрическим током раздражали (в контролируемой временной последовательности) периферическую ветвь вестибулярного нерва и такую же ветвь глазодвигательного нерва. Результат взаимодействия сигналов определяли путем регистрации активности отдельных клеток стволовой ретикулярной формации (медуллярного уровня) и эфферентных импульсов, поступающих в глазодвигательный нерв. Оказалось, что проприоцептивные импульсы оказывают заметное тормозное влияние на вестибулярные реакции. Интерферирующий эффект проявлялся слабо или вовсе отсутствовал в тех случаях, когда вестибулярная активность предшествовала проприоцептивной. Проприоцептивная афферентация оказывала доминирующее влияние на нейроны ретикулярной формации и никак не влияла на прохождение вестибулярных импульсов по прямому пути — через медиальный продольный пучок.

Эти данные коррелируют с концепцией о двух вестибуло-глазодвигательных путях (Brodal, 1974; Precht, 1974): прямом и непрямом (включающем ретикулярную формацию). Они согласуются также с представлениями о понтомедуллярной ретикулярной формации как области, осуществляющей интерсенсорную интеграцию, благодаря которой афферентное воздействие на глазодвигательную активность приобретает полисенсорный характер (Батуев, Таиров, 1978; Митькин, 1982; Brodal, 1974; Precht, 1974; Raphan, Matsuo, Cohen, 1979). Видимо, на этом уровне интеграции при проприоцептивные импульсы от глазных мышц играют не последнюю роль и способны модулировать вестибулярные воздействия на глазодвигательный аппарат (в зависимости от функционального состояния этого аппарата).

О теснейшем взаимодействии зрительной и вестибулярной афферентации и зависимости моторики глаз от вестибулярного контроля говорят многочисленные данные, полученные при различного рода поражениях лабиринта и связанных с ним центральных структур. Двусторонняя лабиринтэктомия в опытах на животных исключает возможность инициации нистагма блинкерным источником света (Pasik, Valcuikas, Pasik, 1973), изменяет ОКН и подавляет ОКПН (Cohen, Matsuo, Raphan, 1977; Collewijn, 1977; Uemura, Cohen, 1972;

1975). Полное удаление вестибулярных ядер приводит к исчезновению оптокинетического нистагма (Azzena, Azzena, Marini, 1974; Troina, Petrosini, Zannoni, 1978) и модифицирует центральный (мезенцефалический) нистагм, изменяя его направление (Di Giorgio, Manni, 1963; Mai, 1978; Manni, Giretti, 1970).

Исследование активности нейронов стволовых структур в условиях конфликтной ретинально-вестибулярной стимуляции позволяет говорить о конкретных нейрофизиологических механизмах подавления вестибулярных влияний зрительными. В опытах, проведенных на бодрствующих обезьянах-макаках (Waespe, Henn, 1977), внеклеточно регистрировали активность отдельных вторичных вестибулярных нейронов в двух экспериментальных ситуациях: при вращении животного в полной темноте (т.е. в условиях «чистой» вестибулярной стимуляции) и при вращении на свету, синхронно с вращением полосатого барабана, окружающего подставку. Во втором случае имела место конфликтная ситуация, так как, несмотря на вращение, визуальное окружение оставалось неподвижным относительно животного. Записи импульсной активности вестибулярных нейронов показали, что при стимуляции в конфликтных условиях частота их разрядов колебалась в пределах 0–75% от пиковых значений, наблюдавшихся при чистой вестибулярной стимуляции. Следовательно, одновременная конвергенция лабиринтных и ретинальных сигналов на определенной группе клеток вестибулярных ядер может вызывать снижение их активности. Модуляции нейронной активности зависели при этом от скорости и длительности вращения животного. В конфликтной ситуации наблюдалось полное или частичное подавление нистагма. Однако в случаях его полного подавления регистрируемая нейронная активность не прекращалась совсем, а лишь ослаблялась. Были обнаружены также рассогласования между изменениями скорости медленной фазы нистагма и соответствующими модуляциями активности нейронов. По мнению исследователей, последние факты доказывают существование дополнительных промежуточных станций между вестибулярными и глазодвигательными ядрами, участвующих в генерировании нистагма.

Вестибулярные ядра — весьма важная, но не единственная область конвергенции зрительных и вестибулярных афферентов. Адекватность поструральных реакций, связанных с поддержанием равновесия и ориентацией тела в пространстве, требует включения лабиринтно-ретинальных взаимовлияний в более широкую

систему интермодальной интеграции. В соответствии с данными нейрофизиологии, морфологической структурой, обеспечивающей подобную интеграцию, служит ретикулярная формация ствола и, главным образом, ее парамедиальная понтомедуллярная область (Anderson, Procht, Blanks, 1977; Baker, Greste, Berthoz, 1975; Berthoz, Anderson, Allum, Cohen, Keller, Robinson Schaefer, 1977; Büttner-Ennever, Henn, 1976; Cohen, 1974; Grant, Gueritaud, Horcholle-Bossavit, Tyc-Dumont, 1976; Peterson, Anderson, Filion, Wilson, 1971; Potthoff, Richter, Burandt, 1967; Rimmel, Skinner, Pola, 1977; Troinai, Petrosini, Zannoni, 1978). Именно в этой зоне обнаружены нейроны, реагирующие как на зрительные, так и на вестибулярные афферентные сигналы.

В опытах на анестезированных обездвиженных кроликах (Kubo, Matsunaga, Hayashi, 1978) регистрировали (методом внеклеточного отведения) активность отдельных, предварительно идентифицированных нейронов при электрическом раздражении зрительных нервов и хиазмы, а также при вестибулярном раздражении. Последнее осуществляли двояким способом: синусоидальным вращением животного и электрической стимуляцией лабиринтных рецепторов. Из 86 нейронов, реагировавших на стимуляцию хиазмы, 22 активировались также при вращении. Латентность ответов выявленных бимодальных единиц на раздражение хиазмы колебалась от 3,0 до 17,8 мс, а на электрическое раздражение и псилатерального лабиринта — от 3,0 до 48,3 мс. Бимодальные клетки оказались локализованными диффузно в зоне между оральным и каудальным ретикулярными ядрами моста.

Весьма существенным открытием является обнаружение прямых эфферентных волокон из описываемой области моста в ядра отводящих нервов (VI пара), установленное в последние годы как физиологически, так и морфологически (Buettner, Büttner, 1977; Graybiel, 1977; Henn, Young, Finley, 1974; Highstein, Maekawa, Steinacker, Cohen, 1976; Kubo, Matsunaga, Hayashi, 1978). Следует полагать, что эти связи обеспечивают быстрое включение любых глазодвигательных ответов, в том числе ВОР, в общую моторную активность организма. Обширные кортикопетальные и кортикофугальные связи моста позволяют, по-видимому, высшим этажам мозга осуществлять действенное адаптивное управление сенсомоторными интеграциями данного уровня.

Основываясь на многочисленных фактах, указывающих на тесную связь между движениями глаз и активацией парамедиальной

ретикулярной формации моста (ПРФМ), эту область ствола стали нередко интерпретировать как своего рода глазодвигательный «центр». Не отрицая значимости этой структуры, следует, тем не менее, подчеркнуть, что, наряду с уже приведенными результатами, в последние годы получены убедительные нейрофизиологические данные о прямом участии других стволовых образований в управлении движениями глаз. Главным «конкурентом» ПРФМ является мезенцефалическая ретикулярная формация (МРФ), расположенная в непосредственной близости от ядер III и IV пары. МРФ, взаимодействуя с ПРФМ, обладает в то же время относительной независимостью. Опыты на животных и клинический материал говорят о том, что поражение горизонтальных движений глаз не всегда влечет за собой нарушение их вертикальных движений и наоборот (Büttner-Ennever, Henn, 1976; Christoff, 1974; Erway, Ghelarducci, Pompeiano, Stanojevic, 1977; Jenkyn, Margolis, Reeves, 1978; King, Fuchs, 1979; Steiger, Büttner-Ennever, 1979). Поэтому, классифицируя ПРФМ как «центр горизонтального взора», можно соответственно обозначить МРФ как «центр вертикального взора». В организации глазодвигательных функций (в том числе, видимо, и в модуляциях ВОР), несомненно, участвуют таламические структуры (Buettner, Büttner, 1977; Troinai, Petrosini, Zannoni, 1978) и ядра претектума (Bon, Corazza, Furuoso, Inchingolo, 1978). Причастны к моторике глаз и входящие в каудальный отдел вестибулярного комплекса препозитивные ядра подъязычных нервов (Baker, Greste, Berthoz, 1975; Blanks, 1975; Volkind, Precht, Baker, 1977), о чем свидетельствует отчетливая синхронизация нейронной активности с фазами ОКН (Schaefer, Zierau, Süß, 1977).

Таким образом, все отделы мозгового ствола — от медулярного до диэнцефалического — оказываются вовлеченными в управление движениями глаз. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что включение зрительных функций в общую соматическую моторику (и вегетатику) разных филогенетических уровней было одним из магистральных путей эволюции. Есть все основания думать, что с каждым переходом на новый, высший уровень интеграции глазодвигательный аппарат становился более тонким и пластичным (Митькин, 1982), а его связи с другими моторными системами организма соответственно расширялись.

Антитезой понятию глазодвигательных «центров» может служить представление о ПРФМ и МРФ как о сложных комплексах возбуждательных и тормозных интернейронов, реализующих

реципрокную иннервацию мотонейронов глазных мышц, обеспечивающих необходимую корреляцию между горизонтальной и вертикальной составляющими движений глаз и ответственных за включение глазодвигательной активности в общую моторику целостных поведенческих актов.

Высокая пластичность межъядерных связей (т.е. связей между III, IV и VI парными ядрами) убедительно доказана опытами с перерезкой III и IV нервов у щенков в возрасте 3–4 мес (Клосовский, Балашова, 1978). Наблюдаемое после операции глубокое расстройство ВОР и других типов движений глаз сменяется через 3–4 недели периодом восстановления всех форм глазодвигательной активности, продолжающимся несколько месяцев. При этом прежде всего восстанавливаются адекватные ответы на естественную вестибулярную стимуляцию. Авторы объясняют этот удивительный феномен влиянием сохранившихся VI и V нервов (последние осуществляют проприоцептивную иннервацию всех глазных мышц). Предполагается, что перестройка глазодвигательных механизмов происходит на уровне ПРФМ, верхних двухолмий, мозжечка и кортикальных полей 17, 18 и 19. Импульсы от этих структур идут, по-видимому, через интернуклеарные связи между VI и III ядрами, а их передача к мышцам происходит через коллатерали интактного VI нерва, поступающие в ядра III, IV и V. Наличие интернуклеарных связей глазодвигательного аппарата подтверждается исследованиями других авторов (Highstein, Maekawa, Steinacker, Cohen, 1976; Maekowa, Takeda, 1977).

ВОР не могут интерпретироваться как однозначный результат линейного изолированного воздействия ампулярных рецепторов на мотонейроны глазных мышц. Если бы это было так, то после завершения поворота головы (и, следовательно, прекращения раздражения указанных рецепторов) глаза каждый раз возвращались бы в исходную позицию. Подобное явление действительно наблюдается в острых опытах при электрическом раздражении периферического вестибулярного нерва (Ron, Robinson, 1973). Однако в условиях реального поведения происходит иное: вестибулярно афферентируемый поворот глазных яблок сопровождается удержанием их в новом положении.

Для объяснения этого феномена Д. Робинсоном (1977) предложено понятие нейронного интегратора. Роль этой гипотетической структуры, локализованной в ретикулярной формации моста и связанной коллатеральной петлей с прямым вестибуло-глазодвигательным

путем, состоит, по мнению автора, в том, чтобы суммировать импульсы, проходящие по прямому пути, и формировать таким способом позиционный сигнал, который поступает в ядра III, IV и VI пары нервов в момент завершения вестибулярной афферентации. Кроме того, интегратор наделен еще одной важной функцией: модулируя входной лабиринтный сигнал (для которого характерно резкое изменение частоты импульсов в момент начала и завершения поворота головы), он придает ВОР типичную для них плавность. В соответствии с предложенной схемой (Robinson, 1977; Walls, 1962) прямой вестибуло-глазодвигательный путь передает высокочастотную (фазическую) составляющую сигнала, в то время как ретикулярный путь передает его низкочастотную (тоническую) составляющую.

В основе рассматриваемой гипотезы лежат три категории фактов: давно известное разделение вестибуло-окулярного нервного пути на прямую и непрямую ветви (Сентаготаи, 1967; Lorente de No, 1933); многочисленные данные о функционировании в мостовой ретикулярной формации двух групп глазодвигательных интернейронов — «быстрых» (фазических) и «медленных» (тонических) (Collewijn, 1977; Fuchs, Kimm, 1975; Keller, Daniels, 1975; Luschei, Fuchs, 1972; Raphan, Matsuo, Cohen, 1979); экспериментально подтвержденное существование специфических клеток (локализованных в той же мостовой зоне), ступенчато меняющих частоту разрядов в начале и конце саккады. По мнению Д. Робинсона, именно нейронному интегратору принадлежит решающая роль в реализации ВОР. В этой связи особый интерес представляют клинические данные (Daroff, Hoyt, 1971), согласно которым поражение у человека переднего отдела ПРФМ, приводящее к отсутствию саккад и прослеживающих движений глаз, не вызвало исчезновения ВОР.

Нельзя не признать, что рассмотренная гипотетическая схема очень удобна для модельных построений и математизации процессов центральной переработки афферентных сигналов. Вместе с тем в ней отсутствуют два существенных звена. Во-первых, никак не отражена роль отолитового органа, участие которого в формировании позиционного сигнала к моменту завершения поворота глаз не вызывает сомнений (Сентаготаи, 1967). Во-вторых, функции нервных структур рассматриваются в изоляции от свойств исполнительного мышечного аппарата. Между тем известно (Ito, Bach-y-Rita, Yamanaka, 1969), что эфферентные аксоны, иннервирующие наружные мышцы глаз, различаются по скорости передачи возбуждения (в ответ на вестибулярную стимуляцию) и что эта дифференцировка

коррелирует с различиями в скорости сокращения отдельных групп мышечных волокон. Поэтому предпочтительнее, на наш взгляд, представление, согласно которому интегрирование входного сигнала происходит на разных уровнях его переработки, а не локально в ПРФМ. Не исключено, например, что плавности движений глаз в условиях ВОР способствует в какой-то мере соучастие тонических волокон, содержащихся в глазных мышцах (Жуков, 1974). Трудно, наконец, не согласиться с признанием Д. Робинсона (1977) в том, что мы пока ничего не знаем о реальных нервных процессах, протекающих в ретикулярной формации.

Роль мозжечка в управлении ВОР

В настоящее время существуют две главные гипотезы, объясняющие роль мозжечка в организации движений. Согласно первой из них, выдвинутой М. Ито (1969; 1970), основная функция мозжечка заключается в адаптивном изменении центральных моторных программ для движений, осуществляемых по открытому типу, т.е. без обратных связей. В соответствии со второй гипотезой, предложенной Дж. Экклсом (1973), мозжечок рассматривается не как программирующая инстанция, а как орган, корректирующий моторные программы по ходу их выполнения, путем сопоставления запрограммированного и фактического состояния периферических механизмов.

Обе эти гипотезы приложимы к интерпретации важнейших особенностей движений глаз. Адаптивные изменения параметров саккад, реализуемых по принципу открытой системы, получают удовлетворительное объяснение с позиций М. Ито (схемы которого построены главным образом на анализе глазодвигательных реакций). Напротив, плавное прослеживание движущихся объектов требует непрерывных корректировок за счет обратных связей, и здесь преимущество получает точка зрения Дж. Экклса. Таким образом, лишь сочетание двух принципов — заблаговременного адаптивного программирования в процессе обучения и пластичности в реализации программ — обеспечивает высокое совершенство моторных функций зрения. Результаты нейрофизиологических исследований подтверждают участие определенных структур мозжечка как в саккадической активности (Hermann, 1971; Precht, 1974), так и в визуальном прослеживании (Lisberger, Fuchs, 1977; Miles, Fuller, 1974; Westheimer, Blair, 1974).

Обязательное условие эффективности вестибуло-окулярных взаимодействий— их адаптивность к изменениям внешней и внутренней среды организма. В соответствии с современными данными нейрофизиологии, подобная адаптивность обусловлена функциями клочка (флоккулюса) — структуры, образующей вместе с нодулюсом древний (вестибулярный) отдел мозжечка (Noda, Asoh, Shibagaki, 1977). Клочок имеет обширные афферентные связи, получая прямые проекции из вестибулярных нервов (Brodal, 1974; Carpenter, 1972), вестибулярных ядер (Brodal, 1974; Raphan, Matsuo, Cohen, 1979), мышц шеи (Wilson, Maeda, Franck, 1975); имеет он и визуальный вход: ретинальные сигналы поступают сюда через дополнительную оптическую систему и нижние оливы (Barmack, 1977; Ito, 1972; 1978; Llinas, Walton, 1977; Maekowa, Takeda, 1977; Simpson, Hess, 1977). О причастности нижних оливок к системе глазодвигательного контроля говорит, например, тот факт, что после частичного разрушения этих структур раздражение флоккулюса вызывает у кролика инверсированные движения глаз с уменьшенной амплитудой (Durosse, Ito, Miyashita, 1977). Полное разрушение нижних оливок существенно изменяет характер движений глаз в ответ на оптокинетику (Simpson, Hess, 1977). Предполагается, что дополнительная оптическая система ответственна за координацию оптомоторных реакций и согласование глазодвигательных ответов с общей моторной активностью организма (Mai, 1978).

Результаты электрофизиологических экспериментов и морфологического анализа позволяют проследить основные элементы стволового пути, по которому ретинальные сигналы поступают в клочок (Alley, 1977; Alley, Baker, Simpson, 1975; Maekowa, Takeda, 1977). Пройдя хиазму, ретинальные импульсы идут по дополнительным оптическим трактам (коллатералам, покидающим основные зрительные тракты на участке между хиазмой и верхними двухолмиями) и после переключения в глубоких слоях среднего мозга достигают нижних оливок, откуда по лиановидным волокнам проецируются в дорзоростральную часть клочка. Оливо-церебеллярные нейроны хорошо идентифицируются при инъекции в клочок пероксидазы хрена (Maekowa, Takeda, 1977). Ретинальная информация поступает также через моховидные мозжечковые волокна, однако путь, оканчивающийся в клочке волокнами этого типа, пока не прослежен. Возможно, что конечной переключательной инстанцией этого пути служат препозитивные ядра, флоккулярные аксоны которых выявлены пероксидазным

методом (Maekowa, Takeda, 1977). Имеются данные об участии моховидных окончаний в передаче проприоцептивных сигналов из глазных мышц и о реципрокных взаимовлияниях лиановидных и моховидных волокон (Precht, 1974).

Эфференты клочка, начинающиеся клетками Пуркинье, поступают в вестибулярные (Brodal, 1974; Raphan, Matsuo, Cohen, 1979) и пре-позитивные ядра (Raphan, Matsuo, Cohen, 1979; Steiger, B ttner-Ennever, 1979). И те и другие ядра имеют прямые связи с мотонейронами глазных мышц и, следовательно, могут непосредственно влиять на глазодвигательные функции. Вместе с тем клочок оказывает воздействие на общую соматическую активность, так как через ядро Дейтерса его моторные сигналы поступают в вестибуло-спинальный тракт. Нижние оливы, по-видимому, также влияют на эти функции: после их разрушения наблюдается ослабление мозжечковых воздействий на нейроны ядра Дейтерса (1978).

Согласно представлениям М. Ито с соавторами (1970; 1972; 1977; Takemori, 1974), структуры клочка совместно с входными и выходными путями образуют мозжечковую коллатеральную (по отношению к прямому вестибуло-глазодвигательному пути) петлю, которая выборочно тормозит глазодвигательные ответы на вестибулярные раздражения. Вследствие вмешательства мозжечка в управление ВОР на нейронах вестибулярных ядер конвергируют возбудительные импульсы, поступающие непосредственно от лабиринтных рецепторов, и тормозные импульсы, идущие из клочка. Интенсивность тормозных влияний флоккулярных клеток Пуркинье на вестибулярные ядра определяется характером афферентации клочка (по всем входным каналам, включая визуальный) и происходящими в нем адаптивными изменениями. В зависимости от того, какие из конвергирующих сигналов доминируют и в какой последовательности они поступают (мозжечок, будучи тормозной структурой, может функционировать как линия задержки), наблюдаются различные модификации ВОР: полное подавление, ослабление или отсрочка во времени (Fukuda, Highstein, Ito, 1972; Gauthier, Robinson, 1975; Ito, 1972; Ron, Robinson, 1973).

Одновременное влияние вестибулярной мозжечковой петли на общую моторную активность осуществляется через ипсилатеральные и, как предполагается (Hoshino, Pompeiano, 1977), контралатеральные связи с ядрами Дейтерса.

Об участии клочка в модуляциях ВОР свидетельствуют результаты многочисленных экспериментов. При регистрации разрядов

отдельных клеток Пуркиньюе установлено, что их импульсная активность зависит от скорости поворотов головы (Lisberger, Fuchs, 1977), позиции глаз (Lisberger, Fuchs, 1977) и скорости их перемещения (Fuchs, Lisberger, 1975; Lisberger, Fuchs, 1977; Miles, Fuller, 1974), от скорости движения объекта в поле зрения (Miles, Fuller, 1974). Весьма показательно, что активность флоккулярных клеток Пуркиньюе неодинакова в двух разных ситуациях: при компенсаторных движениях глаз в момент поворота головы и при визуальном подавлении компенсаторного движения глаз; во втором случае активность клеток значительно выше (Kubo, Matsunaga, Hayashi, 1978; Miles, Fuller, 1974).

Адаптивные изменения ВОР в опытах с использованием инверсирующих призм становятся невозможными после разрушения клочка. В экспериментах на обезьянах с инверсирующими призмами после 12-часового вращения в кресле наблюдался адекватный поворот фазы ВОР (Robinson, 1977). После флоккулэктомии аналогичный эффект отсутствовал. У кошек полное удаление мозжечка или его вестибулярного отдела приводило к исчезновению пластичности ВОР (Carpenter, 1972; Robinson, 1977). Унилатеральное или билатеральное разрушение клочка вызывало изменение ВОР и резкое ослабление или полную потерю способности к визуальному подавлению всех типов нистагма (Courjon, Jeannerod, Flandrin, Schmid, 1977; Takemori, Cohen, 1974; Trevarthen, 1968); при этом выраженность указанного дефекта была тем выше, чем более высокую ступень занимало животное в эволюционном отношении. Вместе с тем сам факт регистрации оптокинетического нистагма и постнистагма (Takemori, Cohen, 1974) после двусторонней флоккулэктомии говорит о том, что генерирование этих форм глазодвигательной активности не зависит от функций мозжечка.

Несмотря на изящество и логическую завершенность экспериментальной парадигмы М. Ито и его последователей, она не является общепризнанной. Ряду исследователей (Collewijn, 1977; Precht, 1974) не удалось зарегистрировать адаптивные изменения ВОР в такой же мере, в какой они были получены М. Ито в идентичных экспериментальных ситуациях. Р. Линас и К. Уолтон (Llinas, Walton, 1977) вообще склонны отрицать моторное обучение как главную функцию мозжечковых цепей, полагая, что задача последних — участие в реализации точных и инвариантных двигательных программ.

Флоккулюс — наиболее изученная, но не единственная область мозжечка, участвующая в организации движений глаз. По крайней

мере, еще три зоны мозжечка имеют отношение к глазодвигательным функциям: некоторые отделы коры его полушарий, определенные участки коры червя («окуломоторный червь») и мозжечковые ядра (зубчатое и фастигиальное). Червь и фастигиальные ядра имеют вестибулярные входы и, по-видимому, связаны с реализацией ВОР (Precht, 1974).

Имеется клинический опыт анализа вестибуло-окулярных реакций с целью диагностики мозжечковых поражений (Krejčova, Filipova, 1978). Однако, как отмечают сами авторы, множественность функциональных связей мозжечка со стволовыми структурами затрудняет точность подобной диагностики.

Общность механизмов оптокинетического и вестибулярного нистагма

Рассмотренные выше аспекты взаимодействия зрительной и вестибулярной систем убедительно говорят о единстве центральных механизмов оптокинетического нистагма (ОКН) и вестибулярного нистагма (ВН). Главными аргументами для такого утверждения служат конвергенция ретинальных и лабиринтных афферентов на одних и тех же нейронах вестибулярных ядер и многочисленные данные об аналогичных реакциях стволовых структур как в одном, так и в другом случае*.

Клинический материал и опыты на животных показывают, что аномальные изменения вестибулярных функций приводят к одновременному нарушению стандартных характеристик ВН, ОКН и ОКПН (оптокинетического постнистагма). Поэтому теснейшая связь ОКН с ВН и общность их нервной организации подчеркиваются во многих исследованиях (Baarsma, Collewijn, 1974; Cohen, Matsuo, Raphan, 1977; Grant, Gueritaud, Horcholle-Bossavit, Tyc-Dumont, 1977; Pola, 1974; Raphan, Matsuo, Cohen, 1979; Takemori, Cohen, 1974; Uemura, Cohen, 1975; Yasui, 1975). Нельзя вместе с тем не указать, что до полной ясности в интерпретации названных глазодвигательных реакций еще далеко. Следует также отметить, что степень кортикализации моторных функций существенно влияет на последствия поражений стволовых структур и афферентирующих их рецепторов. Видимо, по этой причине аномалии лабиринта

---

* Проблемы кортикального контроля зрительно-вестибулярной координации выходят за рамки настоящего обзора.

у человека приводят к менее тяжелым нарушениям ВОР, чем аналогичные дефекты у животных (Zee, Yee, 1976).

Косвенным подтверждением общности нервных механизмов, генерирующих вестибулярные и онтокинетиические движения глаз, могут служить эксперименты на обезьянах-макаках (Wellace, Blaier, Westheimer, 1978), в ходе которых достигалась суперпозиция (алгебраическая сумма) ОКПН и ВН. Варьирование направления ВН достигалось тем, что в одних случаях происходила резкая остановка вращающегося кресла, а в других — скорость вращения так же резко удваивалась. Комбинированный нистагм, обусловленный двойственной афферентацией (лабиринтной и ретинальной), вызывали путем вращения животного при открытых глазах, в результате чего лабораторное окружение выполняло роль оптокинетиической стимуляции. Закрывание глаз обезьяны в момент остановки кресла (или в момент повышения скорости) приводило к сочетанию ОКПН с ВН. При этом направление ВН варьировало в зависимости от выбранного варианта: с остановкой кресла или его ускорением. Оказалось, что при совпадении направления двух нистагменных реакций скорости медленных фаз складывались, а в случае несовпадения результирующая скорость медленной фазы была равна разности между большей и меньшей скоростями.

Т. Рафан с соавт. (1979) приводит следующие аргументы в пользу общности механизмов ОКПН и послевращательного ВН: а) сходство временных изменений обоих типов нистагма; б) если имеет место дирекциональная асимметрия ОКПН, то она наблюдается и при ВН; в) если ОКПН адаптируется к повторной стимуляции, то к ней адаптируется и ВН; г) как ОКПН, так и ВН подвержены зрительному подавлению.

Моделирование ВОР

Вестибуло-глазодвигательное поведение стало объектом математического моделирования (Alley, 1977; Chun, Robinson, 1978; Davies, Melvill Jones, 1976; Robinson, 1977).

В предлагаемых схемах в разной степени выделяют те или иные связи, механизмы и принципы регулирования: подчеркивают роль нейронного (ретиккулярного) интегратора и значение локальных и глубоких обратных связей (Robinson, 1977); моделируют быстрый антикомпенсаторный компонент ВОР или принцип интеграции лабиринтных и ретинальных сигналов и т.д. К сожалению, несмо-

тря на естественный оптимизм авторов, все эти модели отражают в большой мере уже пройденные нейрофизиологией этапы, чем перспективы ее развития.

Заключение

Кратко резюмируя важнейшие результаты описанных выше исследований, целесообразно выделить следующие основные положения:

Связи вестибулярной и зрительной систем носят двусторонний характер. Вот почему специфика вестибуло-окулярных реакций определяется не только прямыми лабиринтными влияниями, но и обратными сигналами, поступающими из зрительной системы в вестибулярный аппарат.

Влияние зрительной системы на вестибулярные функции осуществляется по двум афферентным каналам — ретинальному и проприоцептивному (берущему начало в рецепторах глазных мышц).

Тесному взаимодействию двух систем — вестибулярной и зрительной — способствует наличие в вестибулярных ядрах группы нейронов, на которых конвергируют лабиринтные и ретинальные сигналы.

Движения глаз, афферентируемые вестибулярно, происходят с участием нервных структур, расположенных в ретикулярной формации моста. Интеграция разномодальных сигналов в ретикулярной формации понто-медуллярного уровня и широкая конвергенция проприоцептивных импульсов в вестибулярных ядрах обеспечивают координацию глазодвигательных реакций с другими формами моторной активности.

Адаптивные изменения в вестибуло-зрительных взаимодействиях обусловлены функциями вестибулярного отдела мозжечка.

Многочисленные факты говорят о том, что дальнейшее эффективное изучение вестибуло-окулярных взаимовлияний требует системного подхода, опирающегося на принципы иерархической организации функций, их гетерохронного развития, тесного интерсенсорного взаимодействия и неразрывного единства афферентных и эфферентных звеньев.

Глава 3

ИНТЕРСЕНСОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ У МЛАДЕНЦЕВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ*

В истории науки и человеческого общества можно обнаружить много парадоксальных совпадений. Например, в древней натурфилософии эволюция животного мира была представлена следующим образом. Первоначально отдельные части организмов существовали изолированно, без всякой связи между собой. Затем они объединялись в случайные комбинации, образуя массу уродливых существ. Неудачные комбинации были обречены на гибель, а удачные выживали и давали потомство (Лукреций, 1946).

Сегодня мы склонны оценивать такую «эволюционную» теорию как сверхнаивную. Однако при более критическом взгляде на наши собственные гипотезы приходится признать, что некоторые современные концепции воспроизводят в несколько трансформированном виде ту же древнюю идею. В соответствии с так называемой дифференциальной теорией сенсорного развития органы чувств формируются и начинают функционировать при рождении индивида как независимые образования и лишь через некоторое время вступают во взаимодействие на основании опыта, приобретаемого в раннем онтогенезе. Возникает естественный вопрос: намного ли такая трактовка логичнее, чем эволюционная схема, описанная Лукрецием? Тем не менее, дифференциальная теория доминировала в психологии в течение длительного времени, опираясь на достаточно солидное философское обоснование. Устойчивости этой концепции способствовали прочные позиции философии

---

* В основу текста положена лекция, прочитанная автором на 1-й европейской конференции по развитию сенсорных, моторных и когнитивных способностей в раннем младенчестве. Марatea (Италия), 1994, октябрь.

сенсуализма, которая, начиная с Дж. Локка (1960) и Дж. Беркли (1979), оказывала мощное влияние на развитие психологических взглядов. Наглядным примером может служить приводимое Э. Кондильяком (1935) широко известное описание аллегорической статуи, которая начинает познавать свойства окружающего мира в результате последовательного «оживления» всех органов чувств. В новейшее время сенсуалистический подход к проблеме интермодальных влияний был подкреплён непререкаемым авторитетом Ж. Пиаже (1969), предполагавшего, что при рождении органы чувств не связаны между собой.

Слабые стороны дифференциальной теории стали очевидны в свете последних нейрофизиологических данных и в результате объективного изучения поведения младенцев и их сенсомоторных возможностей. Микроэлектродные исследования нейрональной организации стволовых структур мозга, проведенные в условиях свободного поведения животных, позволили установить ряд факторов, принципиально важных для понимания механизмов мультисенсорной интеграции. Особенно показателен в этом отношении анализ импульсной активности нейронов верхнего двухолмия (ВД) в ответ на моносенсорную и мультисенсорную стимуляцию. Опыты на бодрствующих кошках показали следующее: а) наибольший процент нейронов в глубоких слоях ВД имеет мультисенсорную природу; б) на этих нейронах конвергируют зрительные, слуховые и соматосенсорные сигналы (в двойных или тройных сочетаниях), причем степень активности нейронов резко возрастает при мультисенсорной стимуляции; в) частичное перекрытие рецептивных полей у бимодальных зрительно-слуховых нейронов способствует адекватным поведенческим реакциям животного; г) активация бимодальных клеток осуществляется по принципу биологической целесообразности с учетом разной латентности зрительных и слуховых сигналов; д) в случае пространственного рассогласования сигналов разной модальности доминирует сигнал большей интенсивности, а воздействие сигнала меньшей интенсивности подвергается торможению (Meredith, Stein, 1986; Meredith, Nemitz, Stein, 1987; Stein, Meredith, 1990; Stein, Huneyen, 1988).

Принимая во внимание тот факт, что к моменту рождения ребенка мезенцефалические структуры достигают достаточной морфологической и функциональной зрелости (Дзугаева, 1975), можно предположить наличие у новорожденного аналогичных механизмов мультисенсорной интеграции, действующих на начальной стадии

развития по принципу жестких, генетически фиксированных программ. Правомерность такой аналогии подтверждается тем, что идентичные нейрональные механизмы сенсорной и сенсомоторной интеграции обнаружены при исследовании приматов (Joy, Sparks, 1987).

Психологические исследования сенсорных функций младенцев, проведенные Т. Бауэром (1979) и другими авторами (Lewkowicz, 1989; Marks, 1978; Rose, 1990), хорошо коррелируют с выводами, которые могут быть сделаны в соответствии с приведенными данными о механизмах сенсорного взаимодействия.

Объединение двух групп факторов (психологических и нейрофизиологических) существенно поколебало многолетние устойчивые позиции дифференциальной теории и привело к усилению позиций противоположной ей интегральной теории. В отличие от первой вторая теория рассматривает интерсенсорное взаимодействие как изначальную генетически детерминированную форму сенсорной организации, а возможность дифференцированной работы сенсорных каналов как результат жизненного опыта (Бауэр, 1979; Marks, 1978). Во главу угла ставится при этом целостность организма и взаимосвязь всех его функций. Независимая работа сенсорных систем представляется с такой точки зрения столь же абсурдной, как самостоятельное существование отдельных органов и частей тела, описанное в трактате Лукреция.

Таким образом, мы можем наблюдать стандартный путь развития научной мысли — от тезиса к антитезису. Наиболее вероятно, что следующим шагом станет корректный синтез. Каковы же должны быть основания для такого синтеза?

На сегодняшнем этапе развития науки стало достаточно очевидным, что принципы интермодальной интеграции не могут быть поняты без эволюционно-генетического подхода к изучению функций организма. Произносятся стандартные фразы, например: «Глаза нужны для того, чтобы видеть, уши — чтобы слышать», мы лишь используем привычные житейские понятия, а в научном плане отдаем определенную дань традиционному функционализму, сохраняющему в какой-то мере свои позиции в психологии. В действительности же все сенсорные системы «обслуживают» адаптивное поведение организма и потому должны изучаться в рамках поведенческих актов, которые в соответствии с теорией П. Анохина (1979) нацелены на достижение полезного результата. Это положение справедливо и в отношении человека и особенно-

стей его развития. В реальной человеческой деятельности образы восприятия не являются самоцелью — они лишь звенья в системе определенных действий и служат регуляторами последних (Рубинштейн, 1989). В соответствии с принципами системного подхода к анализу психических явлений и жизнедеятельности организма в целом (Ломов, 1984) работа сенсорных систем должна изучаться в тесном взаимодействии с моторными и вегетативными функциями. Сенсорные составляющие — неотъемлемые компоненты всех сторон психики человека. Они включены в процессы памяти и оперативного мышления, обязательны при выработке навыков и взаимосвязаны с эмоциональными состояниями индивида. Согласно концепции У. Нейсера (1981) так называемый «перцептивный цикл» представляет собой непрерывный процесс, включающий антиципацию ближайших событий на основе предварительной оценки ситуации в целом.

Адаптивное поведение организма в изменчивой среде предполагает адекватное функционирование сенсорных систем. Наиболее важное значение при этом на всех этапах эволюции имеют процессы пространственной ориентации в их тесной связи с организацией моторных функций, т.е. локомоцией и поведенческими движениями. Анализируя общие организации движений (построения движений в терминологии автора), Н. Бернштейн (1947) подчеркивает ту роль, которую сыграл у простейших организмов примитивный чувствительный центр, расположенный на переднем конце тела близ ротового отверстия и связанный с функцией питания. Именно этот центр положил начало дальнейшей интерсенсорной и сенсомоторной интеграции. Появление дистанторецепторов существенно расширило сенсорные возможности организма и, что особенно важно, — возможности антиципирующего поведения. В процессе эволюционного усложнения организмов и форм их взаимодействия со средой возникли и развились разные морфологические уровни сенсомоторной интеграции: спинальный, стволовый, таламический, кортикальный.

Различия в среде обитания привели к преимущественному развитию определенных сенсорных систем. Ранние этапы сенсомоторного развития ребенка отражают особенности эволюционного процесса. Например, склонность младенцев к манипуляции под контролем зрения несомненно имеет эволюционно-генетические корни. Не следует также забывать, что в биологическом аспекте человек — «зрительное животное».

В рамках психологии развития сегодня накоплен достаточно богатый эмпирический материал, свидетельствующий о наличии у младенца врожденных форм интерсенсорной и сенсомоторной интеграции. Так, обнаружено, что исходные координации «глаз — рука» имеют генетически фиксированную основу (Hofsten, 1991). Грубая зрительная оценка расстояния предшествует у новорожденных моторному опыту: ребенок демонстрирует реакцию испуга с отдергиванием головы в условиях быстрого приближения объекта к его лицу (Бауэр, 1979). Зрительная оценка размеров предмета и свойств его поверхности предшествует у младенцев тактильному контакту, влияя на последующее тактильное поведение (Бауэр, 1979; Rose, 1990; Strery, 1994; Tsonis, Stack, 1994). У младенцев существует обобщенное зрительно-слуховое пространство. Новорожденные смотрят в направлении источника звука, ожидая увидеть там какой-либо объект (Бауэр, 1979). В более конкретной ситуации новорожденный ожидает определенного совпадения между направлением звука и позицией говорящего (Сао, 1994). Пространственное совпадение и временная синхронизация разномодальных сигналов играют принципиально важную роль на начальном этапе когнитивного развития младенцев (Tsonis, Stack, 1994). Это положение наглядно подтверждается новыми данными, полученными при исследовании перцептивного развития зрительно депривированных детей (Сергиенко, 1995; Sergienko, 1994). На основании этих данных можно заключить, что зрение выступает в роли интегратора различных сенсорных и сенсомоторных систем. У младенцев с полной зрительной депривацией, обусловленной билатеральной катарактой, существенно нарушается развитие не только зрительно-моторных, но и аудио-моторных координации.

Подводя некоторые предварительные итоги, можно охарактеризовать наметившиеся направления указанного выше синтеза следующими теоретическими положениями.

1. Взаимодействие между сенсорными каналами разной модальности развивается в раннем младенчестве на основе исходной примитивной интеграции, опирающейся на врожденные механизмы.
2. Особенности интермодальной интеграции отражают весь процесс эволюции животного мира.
3. Интермодальная интеграция направлена в процессе своего развития на активную адаптацию к окружающей среде.

4. Эволюционное и онтогенетическое развитие всех сенсорных систем тесно связано с развитием и совершенствованием моторных функций.
5. Различные сенсорные модальности развиваются гетерохронно (как в фило-, так и онтогенезе) в соответствии с принципами гетерохромного развития отдельных структур и функций.
6. В соответствии с предыдущим тезисом на разных стадиях онтогенеза меняются особенности взаимодействия между разными модальностями. Каждая стадия характеризуется своими особенностями в отношении доминирования той или иной сенсорной модальности.
7. На основе жизненного опыта, приобретаемого в раннем онтогенезе, реализуются гибкие формы интеграции и дифференциации сенсорных систем.
8. Некоторые важные особенности сенсорного развития и сенсорной интеграции не могут быть поняты без признания того факта, что определенные структуры и функции развиваются раньше, чем становится возможным и необходимым их использование в реальном поведении. В этом случае их развитие происходит как бы «в запас», с ориентировкой на будущее.

В настоящее время одним из наиболее продуктивных направлений работ в области интермодального взаимодействия стало исследование так называемого кросс-модального переноса. В последние годы появилось большое количество публикаций, посвященных эмпирическому и теоретическому подходу к данной проблеме (Gottfried, Rose, Bridger, 1977; Maurer, Mondloch, 1994; Rose, 1988; 1990; Rose, Gottfried, Melloy-Carininar, Bridger, 1982). Суть такого переноса состоит в том, что информация, полученная с помощью одного из сенсомоторных каналов (например, зрительного), используется затем определенным образом в условиях функционирования другого сенсорного канала (например, тактильного). Исследование возможностей кросс-модального переноса у младенцев на фоне их поведенческих реакций существенно расширяет границы анализа феноменологии и механизмов интермодальной интеграции на ранних этапах онтогенеза.

Наиболее исследованными модальностями в их парном взаимодействии являются тактильная и зрительная. Для обнаружения самого факта кросс-модального переноса обычно применяется методика предпочтения новизны стимула (Rose, Gottfried, Mel-

loy-Carininar, Bridger, 1982). При этом направление переноса может изменяться в разных сериях экспериментов. Например, младенец знакомится с невидимыми для него объектами путем ощупывания, а затем видит их в сочетании с новыми объектами (или же такая последовательность меняется на обратную). Установлено, что «работа» аналогичным образом в рамках одной модальности, младенец, как правило, отдает предпочтение новым объектам, сосредоточивая на них свое внимание в течение более длительного времени. Поэтому о наличии или отсутствии кросс-модального переноса судят на основании того же временного критерия. В исследованиях, проводимых по этой популярной методике, ставятся два основных вопроса: какие свойства объектов переносятся и насколько идентичным может быть такой перенос? Полученные результаты позволяют составить перечень свойств, которые могут быть выявлены посредством разных сенсорных каналов. Это интенсивность, протяженность, длительность, пространственное положение, форма, количество, ритм (Rose, 1990). Некоторые авторы склонны выделять в данном перечне свойства низшего и высшего порядка, в соответствии с возрастом младенца, когда становится возможным перенос. Например, интенсивность и длительность относятся к низшему уровню, а форма и ритм — к высшему (Lewkowicz, 1989). Дискуссионным остается вопрос о признаках, на основе которых осуществляется перенос и различение новых и уже знакомых объектов. С одной стороны, имеются данные, говорящие о том, что при тактильно-визуальном переносе младенцы охотно ориентируются на отдельные признаки (например, при различении конуса и пирамиды решающую роль играет наличие у последней ребер). С другой стороны, экспериментально доказана способность младенцев к 12-ти месяцам выделять контур предмета, т.е. ориентироваться на целостный «гештальт» (Rose, 1988). В отношении точности переноса мнения разных авторов сильно расходятся (Bushneil, 1994; Molina, 1994), а в некоторых случаях высказывается предположение, что наблюдаемые в раннем младенчестве сходные реакции на разные стимулы — не более чем однотипно проявляющийся комплекс оживления (Turkewitz, Mellon, 1989). Большинство авторов согласны с тем, что механизмы, реализующие кросс-модальный перенос, имеют двойственную природу: базовую примитивную интермодальную интеграцию и связи, образующиеся в результате жизненного опыта (Rose, 1990).

В ограниченном характере кросс-модального переноса нет ничего удивительного. Поразительным было обратное: полная «взаи-

мозаменяемость» сенсорных систем, допускающая идентичный кросс-модальный перенос информации любой степени сложности. В таком случае следовало бы поставить естественный вопрос: «А зачем вообще нужны пять органов чувств, если они лишь дублируют друг друга?» В этой связи уместно вспомнить историческое предание, повествующее о том, как один из многочисленных завоевателей прошлого, пораженный богатством библиотеки в покоренной им Александрии, воскликнул: «Зачем же нужно такое непомерное множество книг? Если в них написано то же самое, что и в Коране, то они бесполезны. Если же они противоречат Корану, то они просто вредны. И в том, и в другом случае их следует сжечь!»

Очевидно, что огромное качественное многообразие информации, получаемой организмом через разные сенсорные каналы, является одним из важнейших достижений эволюции. При этом тонкость сенсорных дифференцировок достигается не только за счет врожденных механизмов, но и путем постоянного прижизненного совершенствования сенсорных функций (Ананьев, 1960). В то же время для оптимизации адаптивного поведения оказалось весьма полезным развитие различного типа синестезий (которые, кстати, у детей выражены сильнее, чем у взрослых (Marks, 1978; Maurer, Mondloch, 1994)), особенно важных при пространственной ориентировке организма. Таким образом, как дифференциация, так и интеграция сенсорных систем — две стороны единого процесса сенсорно-перцептивной адаптации организма к окружающей среде, сочетающей в себе изменчивость и постоянство. Одна из наиболее интересных и показательных особенностей кросс-модального переноса у младенцев — его асимметричный характер. Например, у младенцев определенного возраста возможен (и достаточно эффективен) тактильно-визуальный перенос, но невозможен (или менее эффективен) перенос в обратном направлении. При этом разные авторы получают противоречивые результаты, и даже одни и те же авторы — разные результаты у младенцев разного возраста (Rose, 1988; 1990; Rose, Gottfried, Melloy-Carininar, Bridger, 1982; Strey, 1994), что, естественно, порождает сомнение в научной достоверности всех результатов в целом (Mitkin, 1994).

По-видимому, такой разницей в экспериментальных данных имеет достаточное основание и может служить дополнительным доказательством гетерохронности развития отдельных функций. Сенсорные системы ребенка проходят в первый год жизни очень длинный и сложный путь морфологического и функционального

созревания (Бауэр, 1979; Atkinson, 1984). При этом может принципиально меняться характер интермодальных связей в зависимости от интенсивности развития каждой модальности в данный отрезок времени (Lewkowicz, 1994). Например, формирование у младенца в 4-хмесячном возрасте способностей к целенаправленному схватыванию предметов накладывает определенный отпечаток на особенности тактильно-визуального взаимодействия (Rose, 1990). Существенное и весьма быстрое изменение структуры поля зрения (Митькин, 1988; Mitkin, 1994) несомненно приводит к перестройке всей системы интермодальных отношений. Роль зрения повышается в течение всего периода младенчества, и к шести месяцам оно становится явно ведущей сенсорной модальностью, образующей базу для дальнейшего перцептивного, когнитивного и социального развития ребенка (Atkinson, 1984; Bushnell, Weinberger, 1987). Кроме того, следует учитывать, что кросс-модальный перенос вовсе не является самоцелью в поведенческом плане. В различных условиях и по отношению к разным объектам младенец решает разные поведенческие задачи, от специфики которых и зависит в конечном счете характер кросс-модального переноса. При этом нужно еще раз подчеркнуть отсутствие какой-либо «пропорциональности» в развитии сенсорных систем, способствующей монотонному процессу развития интермодального взаимодействия. Фактически имеет место весьма сложная и пока еще недостаточно изученная динамичная картина межсенсорных отношений, меняющаяся на разных стадиях онтогенеза в соответствии с изменением форм поведения. При описании феномена кросс-модального переноса некоторые авторы (Rose, 1990) используют для обозначения перечисленных выше свойств (интенсивность, протяженность и т.д.) термин «амодальные» свойства. Выбор этого философского понятия вряд ли можно признать удачным. Совершенно очевидно, что речь идет о возможности выделения некоторых свойств предметов и явлений посредством различных сенсорных каналов, в то время как приставка «а» лексически обозначает отсутствие признака, выраженного основной частью слова, т.е. в рассматриваемом случае — принадлежности к какой-либо модальности вообще. Тем самым понятие «амодальности» сближается с понятием «экстрасенсорности», что явно не соответствует описываемой феноменологии. Особенно алогичным представляется допускаемый иногда переход от «амодальности» свойств объектов к «амодальности» восприятия как психического процесса. Поэтому, на мой взгляд, значительно

корректнее предложенный Т. Бауэром (1979) термин «надмодальный». В таком случае можно, видимо, говорить о первой ступени обобщения признаков, осуществляемого на перцептивном уровне и служащего определенной подготовкой к формированию понятий на словесно-логическом уровне.

В контекст обсуждаемых проблем достаточно органично вписываются собственные исследования автора, нацеленные на анализ взаимодействия между зрительной и вестибулярной системами в раннем младенчестве. Эта форма интермодальных связей в отличие от других (таких как тактильно-визуальные, визуально-слуховые, взаимодействие «глаз–рука») исследована значительно меньше.

В схематическом виде зрительно-вестибулярное взаимодействие может быть представлено как результат функциональных связей между тремя блоками: зрительной афферентацией, вестибулярной афферентацией и глазодвигательными реакциями. Взаимодействие этих блоков направлено на реализацию базовых и наиболее универсальных форм поведения, связанных с пространственной ориентировкой индивида, которая необходима для адекватной оценки ситуации и выполнения соответствующих действий.

К наименее исследованным сторонам зрительно-вестибулярного взаимодействия относится прежде всего проблема взаимосвязанного генезиса данных систем в целом и особенно на стадии раннего онтогенеза. В какой мере вестибулоокуломоторные реакции детерминированы врожденными механизмами и какие компоненты этих реакций формируются после рождения? Насколько изменяются эти реакции в первые недели и месяцы жизни ребенка? Каков относительный вклад лабиринтных и ретинальных афферентов в совместную работу вестибулярной и зрительной систем на разных стадиях раннего постнатального онтогенеза?

Для получения ответа на эти и некоторые другие вопросы автором было проведено экспериментальное исследование на младенцах в возрасте от 2 до 16 недель. Естественная стимуляция лабиринта осуществлялась путем синусоидального вращения (поворотов) испытуемых вокруг оси, параллельной лонгитюдинальной оси тела. Во время эксперимента младенцы лежали в фиксированном положении на спине в специальной качалке. Диапазон поворотов составлял $\pm 40^\circ$ от среднего положения, частота колебаний варьировала от 0,25 до 2 Гц.

Условия эксперимента позволяли дополнить вестибулярную стимуляцию зрительной. Для этой цели над головой ребенка на

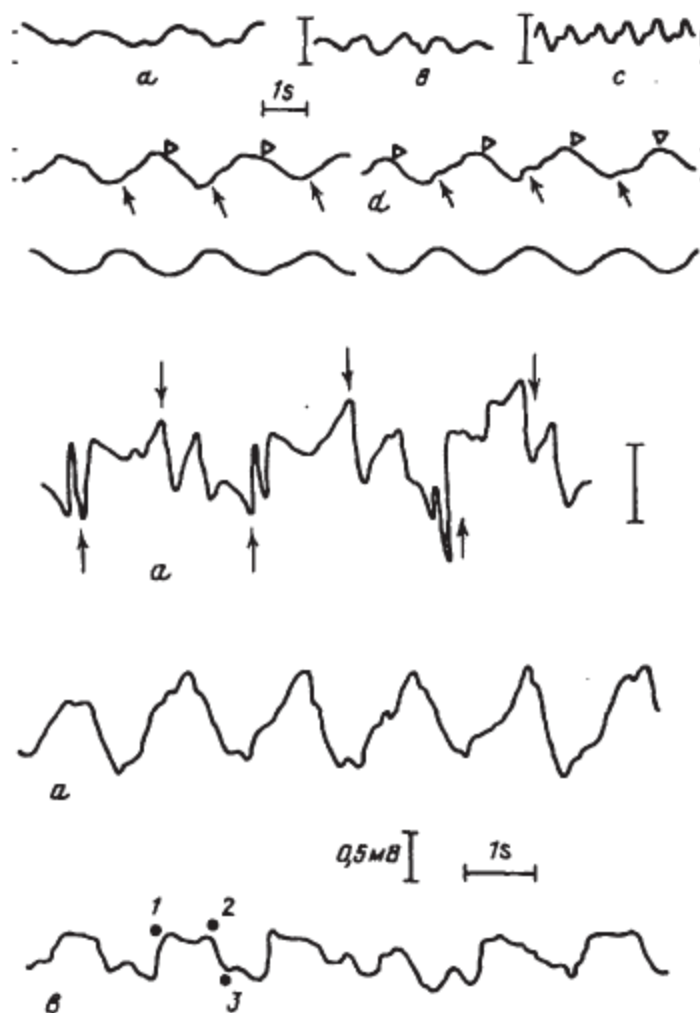

Рис. 1-3. Типичные электроокулограммы, записанные при вестибулярной и сетчаточной афферентации движений глаз (пояснения в тексте)

расстоянии 20–25 см от его переносицы помещался горизонтально расположенный тест-объект, представляющий собой прямоугольный полупрозрачный экран с чередующимися черными и белыми полосами. (Эффективность стимуляции такого типа проверена многими авторами.) Полосы шириной около 6 угловых граду-

сов были ориентированы вдоль оси тела ребенка; общие угловые размеры экрана составляли $75 \times 90^\circ$. Тест-объект крепился в одном случае к боковым сторонам кроватки, внутри которой помещалась качалка, а в другом — к стойкам самой качалки. В первом случае при поворотах качалки тест-объект оставался неподвижным, но перемещающимся в поле зрения младенца в направлении, противоположном направлению поворота. В такой ситуации глазодвигательная реакция ребенка стимулировалась двойственной, но согласованной визуально-вестибулярной афферентацией. Во втором случае тест-объект поворачивался вместе с качалкой и поэтому сохранял свое положение в поле зрения ребенка вопреки вестибулярным сигналам, вызываемым вращением качалки. Таким путем создавался конфликт между лабиринтной и ретиальной афферентацией движений глаз.

Для регистрации движений глаз использовался метод электроокулографии.

В ходе экспериментов исследовались ситуации четырех типов: 1. Вестибулярно-окуломоторные реакции во время сна. 2. Компенсаторные и антикомпенсаторные движения глаз у бодрствующих детей. 3. Глазодвигательные реакции в условиях согласованной визуально-вестибулярной стимуляции. 4. Глазодвигательные реакции в условиях конфликтной визуально-вестибулярной стимуляции.

Рассмотрим наиболее общие результаты всех серий. На рис. 1 представлены типичные окулограммы, записанные у спящих младенцев в возрасте 7–8 недель. На нижней записи показаны колебания качалки, на средней — движения глаз, совершаемые в антифазе (с некоторым сдвигом) по отношению к движению качалки. Вверху — монокулярные записи.

Глазодвигательные ответы на естественную стимуляцию лабиринта у спящих младенцев имеют, как правило, плавный тонический характер во всем диапазоне исследованных частот колебаний качалки. Очевидно, такие реакции не связаны с собственной активностью ребенка. Биологический смысл этих реакций — удержание объектов в поле зрения при пассивных поворотах головы.

Рис. 2 воспроизводит типичные записи антикомпенсаторных движений глаз у бодрствующего младенца в возрасте 14-ти недель.

В отличие от компенсаторных поворотов, имеющих плавный характер, антикомпенсаторные движения реализуются посредством саккад. Благодаря такому саккадическому переводу взора,

противостоящему вестибулярному влиянию, достигается быстрый зрительный «захват» объектов, расположенных в направлении поворота головы. Антикompенсаторные саккады служат показателем активности субъекта. Они типичны для бодрствующего состояния и отсутствуют у спящих младенцев. Стрелками на рис. 2 показаны саккады, направление которых совпадает с направлением движения качалки.

Обе описанные экспериментальные серии служили подготовкой к постановке и решению основной задачи — исследованию комбинированного воздействия зрительной и вестибулярной афферентации в различных условиях.

На рис. 3 показаны типичные окулограммы, полученные в условиях согласованной (верхняя запись) и конфликтной (нижняя запись) зрительно-вестибулярной стимуляции. Возраст младенца — 8 недель.

Различие между этими двумя паттернами достаточно очевидно. В чем же причина такого различия? Нужно напомнить, что в первом случае (верхняя запись) тест-объект на экране оставался неподвижным при поворотах качалки. В такой ситуации происходило как бы сложение (взаимодополнение) визуальной и вестибулярной афферентации движений глаз, и как результат — «уплощение» восходящей и нисходящей ветвей стандартной синусоиды (ср. с рис. 1), вызванное, по-видимому, включением быстрых глазодвигательных компонентов. При этом важно подчеркнуть, что данный феномен, свидетельствующий о зрительной активности субъекта, усиливается с возрастом.

Во втором случае, когда экран перемещается вместе с качалкой, возникало противоречие между визуальной и вестибулярной афферентацией. Записи, сделанные в таких условиях, приобретают трапециевидную форму. Такая трансформация синусоид может быть интерпретирована следующим образом. Когда направление движения качалки меняется, взор младенца, сопротивляясь вестибулярной стимуляции, продолжает фиксировать определенный участок тест-объекта (рис. 3, пункт 1). Как показывает запись, вестибулярная стимуляция способна вызвать перемещение взора, однако визуальная стимуляция остается доминирующей в течение некоторого отрезка времени, представленного на записи в виде плато 1–2. В пункте 2 вестибулярная стимуляция становится преобладающей, и глаза быстро переводятся на противоположную сторону тест-объекта (пункт 3). После этого весь цикл повторяется

с продолжительностью, равной примерно полупериоду колебаний качалки.

Результаты этих экспериментов целесообразно обсудить с точки зрения интерсенсорной и сенсомоторной интеграции, привлекая при этом к рассмотрению некоторые дополнительные сведения о сенсорном развитии ребенка.

На основе ранее проведенных автором исследований зрительных функций у младенцев в таком же возрастном диапазоне (т.е. от 2 до 16 недель) можно выделить две стадии в развитии зрительно-афферентируемого поведения (Митькин, 1988). Для первой стадии, соответствующей возрасту 2–8 недель, типично стремление к зрительному «захвату» и прослеживанию движущихся объектов, попадающих в поле зрения (Mitkin, 1994). Именно движущиеся объекты являются эффективными стимулами для младенцев данного возраста, а прослеживание их взором — наиболее развитой функцией зрительной системы. Такое сенсомоторное поведение коррелирует с преимущественным развитием периферического зрения в этот возрастной период.

На второй стадии (в возрасте от 10 до 16 недель) зрительное поведение младенцев становится значительно активнее. Они уже способны осуществлять путем саккадических движений глаз визуальный анализ интересных для них объектов, размещенных в разных частях зрительного пространства. Такое изменение в поведении коррелирует с процессом фовеализации сетчатки и развитием механизма произвольного и целенаправленного перемещения взора.

Результаты описанного выше исследования позволяют заключить, что вестибулоокуломоторные реакции также проходят в своем развитии аналогичные стадии. На первой стадии эти реакции направлены на удержание зрительного поля в целом в случаях пассивного перемещения младенца. На второй вестибулоокуломоторные реакции приобретают более активный характер, что выражается в доминирующей роли антикомпенсаторных саккадических движений глаз.

В контексте рассматриваемой проблемы интермодальной интеграции особенно важно подчеркнуть, что взаимодействие между зрительной и вестибулярной системами подчинено в своей возрастной динамике такой же стадийности. Данная закономерность достаточно хорошо проявляется в условиях столкновения двух афферентных каналов (зрительного и вестибулярного) и их

конкурентной борьбы за общий моторный выход — глазодвигательные реакции. В этом соревновании вестибулярная стимуляция занимает доминирующее положение у самых маленьких детей в возрасте 1–2 месяца, когда зрительная система еще несет на себе отпечатки морфологической и функциональной незрелости. Однако к четырем месяцам в развитии зрения происходит качественный перелом, связанный с фовеализацией сетчатки и формированием адекватного глазодвигательного поведения в ответ на зрительную стимуляцию (Митькин, 1988; Mitkin, 1994). В результате уже в этом возрасте при возникновении интермодальных противоречий зрительная система становится явно доминирующей. Следует отметить, что филогенетически древняя вестибулярная система обладает большей зрелостью, чем зрительная; к моменту рождения ребенка и в силу своей ригидности она менее подвержена прижизненному обучению.

Возвращаясь к теоретическим вопросам, поднятым в первой части статьи, и подводя итоги данного теоретико-экспериментального исследования, попытаемся сделать самые общие выводы. По-видимому, на современном этапе развития психологии и нейрофизиологии очень трудно отрицать тот факт, что все сенсорные системы организма как бы произрастают из «общего корня» и в основе их взаимодействия лежат генетически фиксированные связи. Вместе с тем было бы явным упрощением умалять специфические особенности каждой сенсорной модальности, широкие возможности их прижизненной дифференцировки и совершенствования, и, соответственно, очень широкий диапазон в установлении гибких функциональных интермодальных связей, зависящих от окружающей среды и адаптивных форм поведения. Синтез этих двух подходов (интегрального и дифференциального) и должен, на наш взгляд, способствовать адекватной интерпретации многочисленных (и часто противоречивых) данных, получаемых при исследовании сенсорного развития младенцев. Принцип динамической организации интермодальной интеграции, т.е. ее изменчивости на разных возрастных этапах может стать общей платформой при дальнейшем развитии этого интересного и многообещающего направления психологической науки.

РАЗДЕЛ II

РАЗВИТИЕ СИСТЕМ И СИСТЕМНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Человек всегда больше того, что он о себе знает... Никогда нельзя подвести окончательный итог и полностью понять как человека вообще, так и отдельного человека

К. Ясперс

Идеи совершают свой путь вместе с людьми и часто — наперекор той цели, которую эти люди имеют в виду.

Э. Ренан

Глава 4

НА ПУТИ К СИСТЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

В концептуальной позиции Б.Ф. Ломова системная организация психики неразрывно связана с процессами ее развития. Обращаясь к современным проблемам общей теории психологии, Ломов пишет: «Представляется, что наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т.е. предметом психологического исследования становится системогенез психики» (Ломов, 1984, с. 76).

Теоретические взгляды Ломова отражают и интегрируют сложившуюся в последние десятилетия традицию к сближению категорий развития и системности (Анцыферова, 1978, с. 5). В фундаментальном положении о психическом как процессе (Рубинштейн, 1989) динамизм психики представлен в качестве ее главного имманентного свойства. В то же время само понятие системы по определению включает в себя показатели развития. Т.е. любой системный объект должен обладать способностью к развитию, а процесс развития предполагает наличие сложной системной организации.

Современные представления о психике как развивающейся системе коррелируют с развитием системного подхода в биологии и нейрофизиологии. Так, принцип системогенеза стал одним из основных компонентов теории функциональной системы П.К. Анохина (1979).

Формирование психологических концепций в XX веке теснейшим образом переплелось с многочисленными попытками создания общих и частных теорий развития психики как в онтогенезе, так и в филогенезе. При ближайшем рассмотрении оказывается, что любая психологическая концепция в той или иной мере соприка-

сается с проблемой развития, а пестрота психологических теорий очень хорошо коррелирует с широкой вариативностью трактовок психогенеза.

Приходится признать, что представление о психологии как единой науке в значительной степени иллюзорно. Большинство исследователей сходятся сегодня на том, что существует много разных психологий в зависимости от конкретной области исследования. При этом решающее значение имеет форма постулирования понятия о природе и сущности психического и вытекающий отсюда выбор адекватного метода исследования.

Понятно, что при такой «разноликости» психологической науки становится неизбежным многообразие концептуальных подходов к проблемам психического развития. В конечном счете, генетические интерпретации разных авторов и обсуждаемые ими закономерности напрямую зависят от выбранного ими аспекта рассмотрения проблемы, связанного с ответом на вопрос: что, когда и как развивается?

Сегодня мы наблюдаем крайне пеструю картину в отношении концептуальных подходов к психологии развития. Достаточно сослаться хотя бы на то, что в последнем (третьем) издании книги У. Крэйна (1992) рассмотрены 16 (!) теорий психического развития (не считая ранних концепций Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо).

Вот перечень этих концепций в выбранной автором последовательности:

- теория созревания А. Гезелла (1945),
- «этологическая» теория в ее нескольких вариантах: К. Лоренц (1965), Н. Тинберген (1951), Дж. Боулби (1953),
- психолого-педагогическая теория М. Монтессори (1936),
- организационная теория Г. Вернера (1957),
- теория когнитивного развития Ж. Пиаже (1954; 1974),
- теория морального развития Л. Колберга (1969),
- условно-рефлекторная теория (И. Павлов, 1951; Дж. Уотсон, 1928; Б. Скиннер, 1953),
- теория социального обучения А. Бандуры (1962),
- культурно-историческая теория Л. Выготского (1982),
- психоаналитическая теория З. Фрейда (1965),
- стадийная теория Э. Эриксона (1963),
- теория аутизма Б. Беттельгейма (1967),
- теория развития детского опыта Э. Шехтеля (1959),

- теория подросткового периода К. Юнга (1933),
- теория лингвистического развития Н. Хомского (1965; 1972),
- теория развития в гуманистической психологии (Maslow, 1954).

К этому перечню следует, видимо, с достаточным основанием добавить:

- деятельностный подход к развитию (Запорожец, 1967; Леонтьев, 1981; Рубинштейн, 1989),
- теорию поэтапного формирования умственных действий (Гальперин, 1966),
- теорию системогенеза (Системогенез, 1980).

А из зарубежных концепций, не рассмотренных автором:

- экологическую теорию Дж. Гибсона (1988),
- теорию динамических систем (Greet, 1994).

Этот перечень можно было бы расширить, но и в таком своем виде он уже включает 21 теорию! Разумеется, обилие и многообразие теорий, касающихся одной общей проблемы, говорит скорее о слабости, чем о силе каждой из них. Если считать, что все названные теории претендуют на познание истины, то на любую из них приходится лишь малая ее доля! Однако вполне допустим и более оптимистический взгляд на эту картину: можно предположить, что сторонники разных теорий не просто, «делают» некую общую истину, а, учитывая несомненную сложность и многогранность проблемы, заведомо подходят к ней с разных сторон. Действительно, многие из перечисленных концепций имеют явно выраженный «локальный» характер и не претендуют на всеобщность. Например, автор затрагивает лишь одну ограниченную сферу психических явлений: развитие речи, формирование моральных установок, или анализирует только один возрастной период (детство, подростковый возраст). В то же время следует отметить, что даже авторы частных концепций склонны расширительно трактовать ту конкретную фактологию, на которую они опираются. Однако эти попытки ни в коей мере не приближают нас к созданию единой интегрированной концепции психического развития, а вопрос о принципиальной возможности и целесообразности такой интеграции остается, видимо, открытым.

Широта и многообразие теоретических подходов к обсуждаемой проблеме (каждый из которых достаточно обоснован) красноречиво говорят о возросшем интересе к психологии развития, вы-

двигающем ее на одно из ведущих мест среди других направлений психологической науки.

Наиболее полное современное руководство по психологии развития (Kail, Wicks-Nelson, 1993) исходит из плюралистических установок в отношении теории, подчеркивая лишь общую цель, на которую должна быть направлена любая теория. Эта цель состоит в том, чтобы проводить анализ изменений психических функций, процессов и состояний во времени, ориентируясь при этом на проявление данных изменений в конкретных формах поведения. В ходе такого анализа решаются три глобальные задачи:

Описываются изменения, происходящие в режимах одной или нескольких форм поведения.

Описывается взаимодействие разных форм поведения в их динамике, т.е. как изменения в одной сфере влияют на изменения в другой.

Объясняется общая направленность описываемых изменений.

Как явствует из приведенного текста, столь общая дефиниция допускает практически неограниченное пополнение и без того широкого списка уже предложенных теорий. Возвращаясь к этому списку, естественно задаться вопросом: а нельзя ли как-то классифицировать содержащиеся в нем теории? По-видимому, это достаточно сложная задача, поскольку в таком случае мы столкнемся с разными основаниями для деления: возрастной периодизации и выделяемого возрастного этапа; анализируемой психической функции (или стороны психики); концептуального подхода к природе психического. К тому же при ближайшем рассмотрении разных авторских позиций легко установить, что в большинстве теорий указанные основания тесно переплетаются.

К этому надо добавить, что границы психологии развития довольно размыты. Например, в указанном выше стандартном зарубежном руководстве (Kail, Wicks-Nelson, 1993) последовательно анализируется онтогенез человека, начиная с пренатального периода и кончая юношеством. В то же время на Первой всероссийской конференции по психологии (Москва, 1996) психология развития была представлена более широко, включив в себя (наряду с ранним онтогенезом) эволюционную психологию (т.е. зоопсихологию в старой терминологии), психологическую антропологию и некоторые проблемы обучения.

При слишком настойчивом стремлении провести хоть какую-нибудь классификацию теорий развития психики она крайне условно

может быть представлена (по третьему из приведенных оснований деления) следующим образом: биологизаторские теории (более ранние концепции в зарубежной психологии); социологизаторские теории (советский период в отечественной психологии); теории, пытающиеся исходить из принципа биосоциального единства человека (современные тенденции в мировой психологии).

В задачи настоящей главы не входит анализ и сравнительная оценка отдельных теорий развития. Автор предпринимает попытку очертить основные тенденции и возможный путь дальнейшего поступательного движения этого раздела психологической науки, накопившего сегодня немалый эмпирический материал в сочетании с пышным многоцветием самых разнообразных концепций.

Автор солидаризируется с уже высказанной точкой зрения, согласно которой системный подход и принцип развития образуют единое концептуальное целое (Анцыферова, 1978), что, по-видимому, не может не влиять на исторически и логически складывающуюся направленность дальнейших эмпирических и теоретических изысканий в сфере психологии развития. Какие же аргументы могут быть приведены в пользу данной точки зрения?

Прежде всего, следует, видимо, еще раз повторить и постулировать исходное положение о том, что развитие — неотъемлемая имплицитная форма существования любой системы. Означает ли это допустимость логической инверсии с утверждением, что всякое развитие имеет системный характер? В приведенных ниже фрагментах сделана попытка показать и подтвердить наличие такой двусторонней связи.

Любая система образована разнородными элементами, обладающими разными свойствами (Блауберг, Юдин, 1973), но связанными в единое целое. С этими исходными (по определению) качествами системы коррелируют базовые характеристики любого процесса развития, в том числе — психического. В силу этого отдельные стороны (функции) психики развиваются *гетерохронно* при сохранении ее целостности на всех этапах (Ананьев, 1977).

Связи между элементами системы *динамичны*, т.е. изменяются во времени. Такая же системная закономерность обнаруживается при разных аспектах рассмотрения процесса психического развития, например при анализе динамики интерсенсорного *взаимодействия* в раннем онтогенезе (Митькин, 1988; 1995).

Интегральные характеристики системы в большей мере зависят от особенностей взаимодействия ее элементов, чем от их отдельных

свойств. Отсюда вытекает очень важное, на наш взгляд, требование к системному анализу развития психики: больший акцент на специфику взаимодействия функций, а не на их сепаратное развитие. В перечисленных выше концепциях этой проблеме уделено явно недостаточное внимание. (Отрадно отметить, что в нашем Институте сделаны одни из первых шагов на пути конкретного исследования корреляций между интеллектуальными действиями и личностными особенностями (Пономарев, Пастернак, 1995).)

Системы различаются по своей сложности и соответственно — по степени структурированности, которая выражается в членении системы на несколько *уровней* разного порядка, объединенных *иерархическими связями* (Ломов, 1982).

Проблему уровневой организации психики и вопрос о динамике взаимодействия уровней по мере развития психики следует отнести к разряду наиболее дискуссионных и, несомненно, требующих дальнейшего обсуждения. К настоящему времени накопилось достаточно фактов и концептуальных построений, подкрепляющих как положительное, так и критическое отношение к уровневой схеме. Например, в нейрофизиологической фактологии (и соответствующих теориях) достаточно убедительно показана эволюционная последовательность развития разных уровней управления движениями и другими функциями организма (Бернштейн, 1947). Очевидно, что увеличение числа уровней нельзя рассматривать как появление неких добавочных «этажей» (или фрагментов), надстраиваемых над уже готовой частью «здания». Очень показательны в этом отношении данные из той же сферы науки, свидетельствующие о том, что вертикальная архитектоника коры больших полушарий воспроизводит с большой степенью сходства послойную организацию четверохолмия (Stein, Meredith, 1990). Здесь мы получаем еще одно подтверждение бережливого отношения природы к своим находкам: удачные решения, полученные на разных (даже самых ранних) этапах эволюции, не «отбрасываются» при дальнейшем развитии, а сохраняются в модифицированном и усовершенствованном виде.

Таким образом, принцип уровневости (даже в организменном контексте) не исключает, а, скорее, предполагает одновременное признание целостной системной организации всех уровней (т.е. наличие своего рода «общего плана строения» для всех уровней).

В контексте психологии развития проблема уровневого строения психики и связей между уровнями представлена в виде принципа *стадиальности развития*. В разных теориях этот принцип

акцентирован в различной степени, а в некоторых (как, например, в генетической концепции Пиаже) поставлен во главу угла. Такое акцентирование вполне естественно, поскольку данный принцип относится к одной из универсальных закономерностей любого развития (Обухова, 1995; Эльконин, 1994; Erikson, 1963; Piaget, 1954). Кроме того, переход от одной стадии к другой сопряжен с возникновением новой (или, как минимум, обновленной) организации соответствующих уровней и определенной динамикой в рамках всей системы.

Проблеме стадийности психического развития было уделено должное внимание в ходе работы методологического семинара, организованного Л.И. Анцыферовой еще на начальном этапе становления нашего Института и посвященного проблемам развития психики. Длившийся несколько лет семинар и опубликованная работа «Принцип развития в психологии» (1978) по праву являются первым шагом на пути формирования системной концепции психического развития. Уже тогда Я.А. Пономарев (1978) представил интегральное системное понятие интеллекта, определившее его как «аппарат специфической для живых систем ориентации во времени и пространстве» (с. 64), а в качестве адекватного инструмента для исследования интеллекта был предложен «системно-структурный подход, построенный на принципе трансформации этапов развития явления в структурные уровни его организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий» (там же).

В рамках того же семинара А.В. Брушлинский выдвинул аргументированные возражения против финалистских взглядов на процесс развития, характерных для концепций Пиаже (1954) и Вернера (1957), и показал, что развитие столь сложной системы, как психика человека, не может быть ограничено каким-либо «конечным состоянием» (Брушлинский, 1977).

Ограниченность концептуальной схемы Пиаже, построенной по принципу жесткого разграничения стадий развития образного и абстрактно-логического интеллекта выявил А.В. Запорожец (1978), который показал на экспериментальном материале, что зачатки логического мышления складываются уже на наглядно-образном уровне его развития. Такие результаты авторской позиции коррелируют с общим философским принципом, согласно которому при переходе с одного этапа развития на другой достижения предыдущего этапа сохраняются на последующем в «снятом» (по терминологии Гегеля) виде.

Надо отметить, что членение процесса развития психики на стадии, этапы, фазы, ступени и т.п. очень типично для подавляющего большинства зарубежных и отечественных концептуальных схем. Сама по себе такая процедура членения не представляет большой сложности и открывает каждому автору широкие возможности собственного творчества. Следует, однако, учитывать, что при чрезмерном увлечении последовательным дроблением уже выделенных этапов и стадий неизбежно возникает вопрос об объективности выбранных для этого критериев и степени условности границ между элементами всей конструкции.

По-видимому, с позиций системного подхода важнее не констатация стадильности развития как таковой, а выявление очень сложной и динамичной картины взаимосвязей между стадиями и уровнями, дающей представление о том, как факторы обновления сочетаются с преемственностью и какие интегральные адаптивные качества всей системы в целом при этом возникают (Ананьев, 1977; Барабанчиков, 1990; Лисина, 1997; Рубинштейн, 1989; Системогенез, 1980).

Касаясь проблемы стадильности развития, нельзя не отметить, что С.Л. Рубинштейн подчеркивает несостоятельность как унитарной, так и стадильной концепции. В первом случае теряется качественное различие между отдельными этапами, а развитие в целом понимается как монотонный процесс. Во втором (наиболее ярко представленном у Пиаже) — различия между ступенями «превращаются во внешние противоположности, лишённые внутреннего единства: нужно выйти из одной стадии или “структуры” для того, чтобы войти во внешнюю ей другую. Каждая стадия понимается только как противоположность последующей, а не одновременно и подготовительная к ней ступень. При этом стадии развития превращаются в формальные структуры, зависящие только от возраста...» (Рубинштейн, 1989, с. 188).

И далее Рубинштейн пишет: «Вразрез с вышеуказанными точками зрения, в действительности психическое развитие человека с раннего возраста до зрелых лет протекает как единый процесс, внутри которого выделяются качественно различные ступени...» (там же).

5. Проблема взаимодействия *биологического и социального* занимает одно из ключевых мест в теориях психического развития индивида (Брушлинский, 1977). Как уже указывалось выше, именно по этому принципу возможна наиболее общая и примитивная

группировка всех теорий. Взгляды разных авторов по данному вопросу колеблются в очень широком диапазоне: от признания неоспоримого примата биологических факторов на протяжении всего онтогенеза человека (при чисто внешнем их подавлении социумом) до полного отрицания биологической принадлежности человека. К компромиссным позициям можно, например, отнести концепцию Эриксона (1963), утверждающего возможность успешной социальной адаптации индивида (при наличии исходной биологической основы его развития), и концепцию Бандуры (1962), ставящего во главу угла процесс социального научения индивида.

В гуманистической психологии была предпринята попытка вообще уйти от данной проблемы путем признания психики индивида некой «высшей сущностью», в равной мере независимой как от телесной организации человека, так и от системы общественных отношений (Maslow, 1954).

В системной концепции Ломова (1984) вопросу соотношения биологического и социального на разных этапах онтогенеза уделено достаточно большое внимание. Критически оценивая биологизаторские и социологизаторские тенденции в подходе к развитию психики, он опирается на монистическое понимание человека в соответствии с тем эволюционным фактом, что становление вида *homo sapiens* было неразрывно связано с общественным способом его существования (Ломов, 1984, с. 345). При этом автор подчеркивает многогранность проблемы «биологическое и социальное», за которой стоят такие аспекты жизни человека, как связь природы и общества, общества и индивида, человека и биосферы.

Таким образом, данная проблема в ее современном системном звучании выходит за рамки стандартного противостояния биологических инстинктов и социальных норм, перерастая в вопрос о специфической двойственной роли человека, который одновременно является и частью природы, и ее преобразующим звеном.

Продолжая системный анализ психического как процесса и преломляя проблему «биосоциального» через призму психологии субъекта, Брушлинский (1994) пишет: «...субъект, осуществляющий психическое как процесс — это всегда и во всем неразрывное живое единство природного и социального... в психике человека нет ничего, что было бы только природным, но не социальным или только социальным, но не природным; вопреки широко распространенной точке зрения, даже на высших этапах духовного развития личности психическое не перестает быть природным и не становится “чисто”

социальным. Оно сохраняет в себе их органическое единство, поскольку эти высшие уровни природного возникают и эволюционируют лишь в ходе антропогенеза...» (с. 34).

Антропологический подход к объяснению сущности человека и особенностей его психической организации становится в последние годы одним из ведущих направлений в развитии научной мысли (Слободчиков, Исаев, 1995). В зарубежных дискуссиях все чаще высказывается сомнение в правомерности попыток представить развитие человека как процесс соединения его биологических и социальных корней и отдается предпочтение унитарной антропологической концепции. Одновременно делается предостережение от различных форм социального редукционизма, поскольку последний всегда замешан на определенных идеологических и политических мотивах (Kenshur, 1996).

С антропологических позиций «культурный детерминизм» оценивается как форма бихевиоризма, в рамках которой стандартное понятие «обуславливание» всего лишь заменяется понятием «окультуривания», способного однозначно действовать на индивида безотносительно к функциям его мозга и сознанию (Fox, 1996, с. 331).

Представление об органическом единстве природы человека, обусловленном всем процессом эволюции, не снимает вопроса о наличии определенных противоречий, сопутствующих индивидуальному развитию. Однако такие противоречия далеко выходят за сравнительно узкие рамки биосоциальных коллизий и охватывают все аспекты специфической человеческой жизнедеятельности, взаимосвязанные сложными системными отношениями. Поэтому при анализе жизненного пути человека, который изобилует неизбежными колебаниями между гармонией и конфликтом (что отмечается в большинстве теорий развития), следует, по-видимому, исходить из динамики всей потребностно-мотивационной сферы и возрастных особенностей формирования личности (Абульхапова-Славская, 1991; Асеев, 1978; 1993).

6. Развитие индивида протекает в определенной социальной среде и неразрывно связано с ее особенностями. Если в соответствии с древним принципом «человек есть мера всех вещей» принять отдельного человека за исходную «базовую» систему, то общество должно рассматриваться как некая метасистема по отношению к индивиду. В рамках такой логики мы вступаем в сложнейшую сферу межсистемных отношений, сохраняя за собой определенное право

выбирать между признанием примата общества над индивидом или индивида над обществом. Можно, конечно, согласиться с тезисом о гармонии личного и общественного, но тогда область «движущих сил» в развитии социума окажется сильно обедненной.

В соответствии с теорией динамических систем (Greet, 1994) и другими теориями развития (Корсунцев, 1995) процесс осцилляции рассматривается как одна из обязательных закономерностей развития любой системы. Можно предположить, что наблюдаемые на разных этапах истории колебания в оценке значимости «субъективного фактора» и в соответствующих идеологических и социальных установках в конечном счете способствуют эволюции вида *homo sapiens*. При этом акцент на примат личности закономерно делается в моменты исторических кризисов социума, когда роль индивидуального творческого поиска новых путей развития общества становится особенно важной.

Проблема формирования индивидуального сознания, развивающегося в неразрывной связи с сознанием общественным, рассматривалась Ломовым как одна из центральных задач системного анализа психики. «Будучи общественным по своей сути феноменом,— пишет он,— сознание существует не над индивидами, и не между ними, и не помимо них, а в их головах. Общественные идеи, взгляды, настроения и т.д.— это не нечто “ витающее ” над людьми, а формирующиеся в процессе развития общества идеи, взгляды, настроения конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях» (Ломов, 1984, с. 179).

По-видимому, сегодня мы испытываем острый дефицит в исследованиях, позволяющих выявить конкретные связи между динамикой общественного сознания и равных его форм, с одной стороны, и особенностями развития индивидуального сознания — с другой. Приходится учитывать размытость и абстрактность самого понятия «общественное сознание», которое якобы способно непосредственно воздействовать на сознание индивида, минуя многочисленные социальные звенья, в которые включен каждый конкретный индивид. Реально мы имеем дело с очень сложной и лабильной организацией горизонтальных и вертикальных связей, т.е. с динамической системой, определяющей (с достаточно широкой вариативностью) характер взаимодействия индивидуального и общественного сознания на данном этапе развития общества.

Так называемая культурно-историческая концепция психики, ограничивающая связи индивидуального и общественного созна-

ния знаковым опосредованием, позволяет, по сути дела, уйти от более широкого и конкретного обсуждения специфики этих связей.

Ограниченность культурно-исторической концепции в подходе к трактовке онтогенеза сознания проявляется в том, что она рассматривает лишь одно направление развития — от общественного к индивидуальному. При этом совершенно игнорируется другое направление движения — от индивидуального к общественному (Брушлинский, 1994, с. 55). С такой постановкой вопроса коррелирует широко используемое понятие «зоны ближайшего развития», согласно которому развитие ребенка в процессе обучения детерминируется постановкой задач со стороны взрослых при явно недостаточном учете самостоятельности и самобытности ребенка как субъекта, психического развития (Брушлинский, 1994, с. 57). Между тем, оставляя без внимания то обстоятельство, что развитие индивида осуществляется под влиянием двух противоположных тенденций — стремления к подражанию окружающим и самостоятельности и выделению из среды, — просто невозможно объяснить поступательный ход истории при смене поколений.

Одним из важнейших факторов, определяющих системный (и, соответственно, динамичный) характер взаимодействия по линии «индивид — социум», является *многомерность человека*, который одновременно выступает и как субъект (носитель активного начала и «распорядитель» собственных действий), и как личность (представитель общества, отражающий в своем сознании его специфику), и как индивидуальность (носитель уникальных, самобытных и неповторимых черт) (Слободчиков, Исаев, 1995). Степень гармоничности в сочетании этих разных измерений может служить интересным показателем при анализе индивидуального сознания и особенностей развития социума.

Следует, наконец, указать еще на два существенных момента, оказывающих несомненное влияние на взаимосвязанный процесс развития индивидуального и коллективного сознания.

Во-первых, на него накладывают определенный отпечаток очень сложные и по-своему тоже системные механизмы индивидуальной и коллективной рефлексии, играя в одних случаях корректирующую роль, а в других — ускоряя динамику в желательном (объективно полезном) или нежелательном (объективно вредном) направлении (по принципу положительной обратной связи).

Во-вторых, нельзя, видимо, не учитывать взаимодействия разных уровней сознания индивида с разными уровнями массового

менталитета, включая его глубинный слой («коллективное бессознательное», по терминологии К. Юнга (1996)).

К этому надо добавить, что роль последнего фактора существенно повышается в тех условиях, когда резко изменяется или утрачивается вообще главный вектор социодинамики, отражаемый в коллективном самосознании.

Подводя итог, можно с достаточной уверенностью предположить, что обретение психологией развития своей «системной ипостаси» позволит успешно (а главное, с новых современных позиций) продвинуться в решении целого комплекса проблем, в которых сложнейшим образом переплетается динамика индивидуального и социального развития.

Глава 5

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На многовековом пути развития философской и психологической мысли сложились два противоположных подхода к анализу истоков и содержания человеческого сознания. Одно из них — антропоцентрическое — рассматривает особенности коллективного сознания как результат взаимодействия и интеграции сознания отдельных индивидов. Другое — социоцентрическое, — напротив, выводит специфику индивидуальной психики из структуры общественных отношений и общественного сознания. (Здесь не рассматриваются теологические и мифологические трактовки сущности человека, приведенные Гуревичем — Гуревич, 1997, — поскольку они выходят за рамки сциентистской логики.)

Уже накопленный немалый опыт различных философских, социологических и антропологических школ говорит о том, что ни первое, ни второе направления в их «классической» форме непригодны для построения непротиворечивых концептуальных схем. Именно поэтому сегодня выдвигается тезис, согласно которому «в социальных науках на смену множеству парадигм должна прийти *многомерная* модель объяснения, позволяющая описывать социальное действие как одновременно интенциональное и объективно детерминированное коллективными нормами и инструментальное по отношению к индивидуальным целям...» (Андреева, 1996; с. 80). Значительно проще и конкретнее высказывается на эту тему Э. Фромм (1998). «Одним из существенных достижений психоанализа, — пишет он, — является то, что он преодолел ложное различие между социальной психологией и индивидуальной психологией» (с. 15). Хотелось бы только заметить, что заслугу такого достижения следует отнести, на мой взгляд, не только к психоаналитическому, но и к другим направлениям современной психологии.

Исторически сложившееся в комплексе психологических наук вычленение направления, ориентированного на анализ индивидуального сознания, и направления, нацеленного на изучение коллективного (группового) сознания, оказывается, при ближайшем рассмотрении, достаточно искусственным, что подтверждается сложностью установления четких границ между социологией, социальной психологией и психологией (Андреева, 1996). Дело в том, что при попытках изолированного рассмотрения указанных направлений мы неизбежно обедняем и искажаем реальное содержание очень сложного и динамичного, а главное, неразрывного взаимодействия обеих этих форм сознания. По-видимому, только та грань, на которой разворачивается все многообразие такого обоюдонаправленного взаимодействия, и может дать исследователю достаточно надежную и адекватную информацию, обработка которой способна привести к построению в какой-то мере правдоподобной картины эволюции сознания (в его индивидуальных и социальных аспектах). В противном случае мы неизбежно попадаем в одну из разновидностей порочного круга. С одной стороны, изучать социальные явления в рамках социологии можно, только учитывая личностные особенности индивидов, образующих соответствующие общности. Но, с другой — в структуре личности представлены особенности общественных отношений (по определению!).

А вот иной подобный круг. «Историю делают люди», но каждый индивид — сам «продукт истории», а потому «делать историю» он способен лишь в рамках тех знаний, опыта и возможностей, которые предоставляет ему его историческая эпоха. Откуда же тогда взяться так называемому «историческому прогрессу»?

Существует ли выход из этих порочных кругов? По-видимому, его следует искать на пути признания сложного диалектического взаимодействия индивидуального и коллективного начал (с довольно запутанными и многозначными каузальными отношениями): не дуализм, но и не метафизическое единство, а диалектическое единство в противоречии.

Попытка такого рода предпринята в предлагаемом ниже тексте, имеющем достаточно очевидный дискуссионный характер. При этом автор отдает себе отчет в том, что текст грешит некоторыми упрощениями и схематизацией, избежать которых очень трудно при любом аналитическом подходе.

Диалектическое взаимодействие индивидуальных и групповых форм поведения уходит своими корнями к самым истокам органической эволюции. Простейшие одноклеточные организмы, размножавшиеся простым делением и обладавшие своего рода бессмертием, имели очень ограниченные возможности адаптации к среде. Биологический смысл возникшей в дальнейшем ходе эволюции индивидуальной жизни — приобретение принципиально новых способов адаптации к изменяющейся среде. Соединение двух форм существования (видового и индивидуального) привело к слиянию двух противодействующих и взаимодополняющих начал — стабильности и изменчивости. Благодаря одной из величайших «находок» природы — генетическому коду — видовые формы жизни получили определенную устойчивость, необходимую для сохранения вида, а функцию достаточно быстрой адаптации к внешним условиям приняли на себя отдельные особи. Таким разделением функций и был обусловлен процесс эволюции, протекавший по схеме, воплощенной в классической дарвиновской триаде (наследственность, изменчивость, отбор).

Расширению возможностей индивидуальной адаптации способствовал возникший на определенном этапе эволюции половой диморфизм, в результате которого большая вариативность активной поведенческой адаптации стала привилегией мужского пола, а сохранение стабильных видовых форм поведения — задачей женского пола (Геодакян, 1989).

Изменение условий жизни на Земле в ходе ее геологического развития шло возрастающими темпами. Соответствующая этим изменениям биологическая эволюция и появление новых видов, способных обживать новые экологические ниши, существенно зависела от индивидуального многообразия особей, образующих эти виды. Последовательное расширение границ вариативности индивидуального поведения, реализуемого в рамках данного вида (так называемой «нормы реакции» (Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека, 1988)), стало одним из важнейших факторов эволюции, обеспечившим переход от низших животных видов к высшим. Интимные механизмы такого индивидуального многообразия нашли отражение в специфике генетического кода. В этой связи К. Лоренц (1965; 1977), описывая адаптивные модификации поведения, подразделяет (вслед за Э. Майером) генетическую информацию на «открытые программы» и «закрытые программы».

На заре человеческой истории динамика взаимодействия вид-индивид сыграла решающую роль. Только очень высокая степень многообразия и пластичности (связанной с обучаемостью) индивидуального поведения, достигнутая на уровне древних приматов, позволила нашим наиболее отдаленным предкам — австралопитекам, которые были вынуждены покинуть привычную лесную среду обитания и переселиться в саванну, выжить в новых условиях, вписав тем самым первую страницу в историю антропогенеза. Как подчеркивает Н.Н. Моисеев (1995), такая видовая трансформация, состоявшаяся в рекордно короткие (в масштабах эволюционного времени) сроки, сопровождалась чрезвычайно жестким отбором.

На этой же стадии антропогенеза обрела свои базовые контуры сложная диалектика отношений индивид-вид, прошедшая затем через всю историю человечества. Противоречивость этих отношений имеет глубокие биологические корни, нисходящие к стадному образу жизни обезьяноподобного предка человека. Уже тогда, в условиях существования первобытных родовых и племенных объединений, групповые интересы вошли в противоречие с интересами индивида: биологическая агрессивность как важный атрибут борьбы за индивидуальное выживание столкнулась с необходимостью альтруистических форм поведения, выражающихся в готовности индивида жертвовать своими интересами и даже жизнью во имя сохранения и процветания группы. На этой основе возникли первые социальные «законы» (племенные табу), важнейшим из которых стал запрет на убийство соплеменника (Моисеев, 1987). (Автор воздерживается от сопоставления альтернативных точек зрения на истоки антропогенеза, достаточно полно представленных в современных изданиях — см.: Гуревич, 1997.)

На пути такой «правовой регламентации» каждый член племени обрел немаловажную «социальную защиту», а племя в целом — возможность более эффективной групповой борьбы за существование. Было бы, однако, большой натяжкой считать, что таким способом удалось создать базу для достижения «гармонии личного и общественного». Следует заметить, что провозглашение возможности (и даже реализации!) такого рода гармонии оказалось в гораздо большей степени идеологическим лозунгом, преследующим политические цели, нежели результатом научного анализа.

Противоречия между индивидом и социумом сохранялись (с колеблющимися показателями напряженности) на протяжении всей истории человечества. Именно эти противоречия стали

мощнейшим стимулом технического, культурного и социального прогресса, найдя свое отражение в специфике развития индивидуального и общественного сознания. Подобно тому как на уровне биологической эволюции взаимодействие индивида и вида выполняет определенные адаптивные функции, так и в историческом развитии сознания (коррелирующем, разумеется, с определенными социальными действиями) его индивидуальная и коллективная составляющие вступают в сложное динамичное соотношение, имеющее важное значение для процессов саморегуляции и поддержания устойчивости социума.

Это базовое противоречие достаточно рельефно отражается в специфике индивидуального и коллективного сознания. Если для первого важнейшими показателями являются его пластичность и динамичность, то второе характеризуется ригидностью и стремлением к устойчивости. Такое соотношение служит не только хорошим регулятором темпов исторического развития, но и обеспечивает проверку многочисленных «личных инициатив» на их корректность. Ослабление фильтрующей роли инертного коллективного сознания приводит к тому, что весьма сомнительные прожекты активных индивидов слишком легко «запускаются в производство», нанося ощутимый урон в хозяйственной и идеологической сферах.

Соотношение двух рассматриваемых здесь форм сознания изменчиво в разные исторические эпохи и в разных этносах. Многие аспекты в динамике этих изменений стали объектом социально-психологического анализа (Абульханова-Славская, 1991; Андрущак, Левкович, 1996; Ле Бон, 1995; Моисеев, 1995; Моль, 1973; Московичи, 1998; Сорокин, 1994; Тойнби, 1995). Для исторического процесса в целом, по-видимому, типичны периодические флуктуации приоритета индивидуального или коллективного сознания, коррелирующие с темпами и направленностью развития: преобладание первой формы служит показателем и важным фактором происходящих перемен, гегемония второй формы свидетельствует о стабильной исторической ситуации (см. Митькин, 1997). Флуктуации такого рода следует отнести к механизмам саморегуляции процесса развития, социума, необходимым для поддержания определенного социального гомеостаза.

На фоне наблюдаемой в последние годы увлеченности многих психологов и социологов концепцией К. Юнга (1994) такие понятия, как «коллективное бессознательное» и «архетип», получили

широкое хождение и охотно применяются для объяснения многих психических феноменов, в том числе инертности общественного сознания. Мне представляется, что в последнем случае нет никакой научной необходимости использовать эти термины, заимствованные в большей мере из мифологии, чем из конкретных исторических анализов (как это справедливо отмечают критики Юнга (Хьелл, Зигнер, 1997)). Можно, конечно, надеяться на обнаружение в будущем пока еще неизвестных нам таинственных механизмов передачи генетической или какой-либо иной информации в потоке человеческих генераций (такая логика теперь часто допускается в научной среде), однако уже сегодня есть все основания говорить о реальных и доступных эмпирическому наблюдению путях преемственности при передаче определенных особенностей массового сознания (национального, этнического и др.). Этот процесс, проявляющийся в сохранении устойчивых социальных стереотипов в поведении и сознании людей, опирается на непосредственную передачу традиций от предшествующих поколений к последующим. При такой передаче заимствуются не только стереотипы бытового и трудового поведения (коррелирующие с соответствующим укладом сознания), но и «преданья старины глубокой», в которых миф тесно переплетается с реальностью. Социальные стереотипы очень ригидны по отношению ко всякого рода «новым веяниям». А. Моль (1973) удачно обозначил это явление термином «демографическая вязкость» (с. 360). Важнейшую роль в данном случае играют впечатления и навыки раннего детства, оставляющие неизгладимый след в дальнейшем развитии сознания индивида. Именно поэтому в периоды насаждаемых сверху идеологических ломок массового сознания практикуется отчуждение детей от семьи и их раннее объединение в детские организации, находящиеся под эгидой государства.

Формирование этнических менталитетов, динамика развития этносов и межэтнических отношений сыграли немаловажную роль в истории человечества. Уходящее в глубину веков разделение вида *Homo sapiens* на конкурирующие этнические группы (переросшее затем в конкуренцию цивилизаций (Тойнби, 1995)), несомненно, оказало положительное влияние на исторический процесс в целом. Подобно тому как индивидуальные различия членов группы повышают ее адаптивность, так и этническое многообразие способствовало усовершенствованию адаптивных возможностей человечества.

К этому надо добавить, что само по себе групповое поведение, по-видимому, таит глубоко скрытое диалектическое противоречие, усиливающееся по мере перехода от малых групп к большим.

Инертность поведения и сознания, выражающиеся в склонности к «демпфированию» внешних воздействий, сочетаются с потенциальной возможностью реакций эмоционального «взрывного» типа, возникающих под влиянием так называемого кумулятивного эффекта, т.е. постепенного накопления малозаметных мелких изменений. Здесь мы сталкиваемся с так называемым феноменом толпы, неоднократно описанным в литературе (Ле Бон, 1995) и особенно подробно — в современной монографии С. Московичи (1996), где массовая психология резко противопоставляется психологии индивида. «Внешние события, — писал Ле Бон, — родились не из рационального, а из иррационального. Рациональное создает науку, иррациональное направляет историю» (цит. по: Московичи, 1996, с. 185). Отсюда — тезис об иррациональности истории и принципиальной невозможности прогнозирования исторического процесса, что хорошо коррелирует с представлениями, развиваемыми в современной теории хаоса (*Chaos theory in the social sciences*, 1996). Продолжая логику Ле Бона, Московичи (1996) пишет: «...люди, составляющие толпу, ведомы беспредельным воображением, возбуждены сильными эмоциями, не имеющими отношения к ясной цели. Они обладают удивительной предрасположенностью верить тому, что им говорят... Любой, кто намеревается управлять людьми, должен был бы проникнуться идеей, что психология масс отворачивается от психологии индивидов» (с. 61). В психологии масс возрождается иррациональность, причем ее роль возрастает и укрепляется в процессе развития цивилизации (там же). Как подчеркивает автор цитируемой книги, две главные «силовые линии» определяют трактовку проблемы массовой психологии: первая — это «индивид и массы», вторая — «массы и вождь». Индивид разумен (или, по крайней мере, может быть разумным), масса иррациональна. Даже на высоком уровне эмоционального начала масса безынициативна в выборе действия; такое действие, сопровождаемое броским лозунгом, задает ей вождь, преследующий свои политические цели.

Отдавая должное яркости и многоцветию авторского описания событий нашего века, связанных с войнами и образованием тоталитарных государств, приходится признать ограниченность и упрощенность такого способа социального анализа, которые становятся

достаточно очевидными при попытке объяснения сложнейшей исторической социодинамики уходящего столетия на основании концептуальной схемы, состоящей из двух указанных «силовых линий». И здесь нельзя не согласиться с приведенными в книге критическими замечаниями относительно абстрактности самого понятия «психология толп», лишенного исторической конкретики (там же, с. 450). Столь же правомерна ссылка автора на то, что с позиции психологии толп трудно объяснить этиологию демократических преобразований, поскольку эта психология «противоречит демократии и превозносит единичную власть» (с. 451). Необходимо также отметить, что в своей более поздней монографии Московичи существенно расширяет вслед за Э. Дюркгеймом неразрывную связь рационального и эмоционального начал в историческом процессе, признавая принципиальную важность коллективного творчества, в результате которого возникли языки, поэзия, мифы, песни и религии (Московичи, 1998, с. 86). Двойственность человеческой природы в том и состоит, что каждый из нас «является одновременно существом индивидуальным и коллективным. Одержимость объединяет людей и придает им новые силы» (там же, с. 88). Все это лишний раз говорит о многофакторности исторического процесса и о невозможности вычленения какой-либо одной «движущей силы» данного процесса, о чем писал еще П.А. Сорокин (1994).

В истории психологической науки проблема соотношения индивидуального и общественного сознания занимает одно из центральных мест. Кратчайшая «выжимка» из результатов многочисленных дискуссий на эту точку зрения выглядит так. В данной проблеме необходимо выделить ее *онтологическую и генетическую* составляющие. Онтологический постулат гласит: все человеческое сознание социально по своей природе. Согласно генетическому постулату социальная природа человеческого сознания возникает в процессе интернализации внешнего социального опыта в сознании индивида в процессе социализации индивида (Valsiner, Van der Veer, 1988).

Следствия из этих постулатов стали главной теоретической и практической проблемой в психологии XX века, несколько модифицируясь в зависимости от направленности той или иной школы.

«Внутреннее сознание социально организовано в результате внесения в него социальной организации внешнего мира», — так писал Дж. Мид в 1912 г. (с. 406). Через несколько лет независимо

от Мида аналогичный тезис был сформулирован Л.С. Выготским (1983). У преемников Выготского в психологии советского периода принцип интериоризации внешнего социального действия во внутреннее содержание сознания получил аксиоматический статус. Согласно этому принципу высшие психические функции возникают первоначально как феномены интерпсихические (т.е. формы взаимодействия и сотрудничества между людьми) и только затем как феномены интрапсихические, свойственные отдельному человеку (Тихомиров, 1981).

Мне представляется, что правомерность этого получившего широкое хождение принципа весьма сомнительна в силу содержащегося в нем логического противоречия. Если сознание индивида служит лишь зеркалом, отображающим картину внешних социальных отношений, то какова роль индивида в формировании этих отношений? Не становится ли он в позицию постороннего наблюдателя? Или следует признать возможность своего рода «двухтактной» схемы: сначала индивид только впитывает в себя социальный опыт («набирается ума»), а лишь затем переходит к социальным действиям? И не превращаются ли члены общества в марионеток, вынужденных сначала действовать бездумно и лишь потом (на основе результатов своего взаимодействия) понимать, что они натворили? И как может возникнуть что-нибудь принципиально новое в человеческой культуре, если социализация каждого поколения ограничивается отображением в его сознании социального опыта предшественников? (Надо заметить, что аналогичные критические суждения в адрес концепции интериоризации уже были высказаны А.В. Брушлинским (1994; 1996).) Рассматриваемая схема социализации индивида фактически лишает его надежд на превращение в самобытную и «самоценную» личность, вступая в очевидное противоречие с установками современного гуманистического направления в психологии. Ведь при таком подходе процесс приобщения индивида к социуму сводится к механизму «духовного клонирования» по некоторой фиксированной во времени социальной матрице. Концепции такого рода достаточно удобны в идеологическом плане в периоды социальной стабилизации (в этой связи можно сослаться на жесткую систему социального научения Б. Скиннера), но мало пригодны в периоды социальных кризисов.

В качестве реальной антитезы социологизаторскому уклону в трактовке взаимодействия «индивид–общество» выступает

направление, выдвигающее на первый план такие понятия, как «self («самость»), «эго» и «Я». (Два последних, несмотря на лингвистическую идентичность, имеют разные смысловые оттенки.) Рассмотрение исторических корней и конкретного многообразия в применении этих понятий никоим образом не входит в задачи данной статьи. Следует лишь отметить, что в нашем столетии понятие «self» применялось уже цитированным выше Дж. Мидом (1913), заняло соответствующее место в психологии индивидуальности Г. Олпорта (1960) и обрело гражданство в новейших изысканиях психологии развития (Meltzoff, 1994). Понятие «эго» стало центральным в психоаналитическом направлении и в эго-психологии Э. Эриксона (1996).

В соответствии с логикой настоящей статьи важно отметить, что во всех модификациях указанных направлений подчеркивается один непреложный факт: целостность психики индивида и многие особенности межиндивидуальных связей невозможно понять, не признав существования в сознании человека некоего сугубо индивидуального «ядра», невыводимого из характера социальных отношений. Именно это ядро служит той базой для формирования сложной человеческой личности, в которой индивидуальное и социальное переплетаются в диалектическом противоречии. В концепции З. Фрейда это противоречие оказывается практически неразрешимым: вытеснение биологических инстинктов из психики индивида под влиянием социального прессинга неминуемо приводит к образованию невротических комплексов. Идеи Фрейда — А. Адлер и Э. Эриксон — существенно изменили исходную схему своего учителя. Хотя в процессе социализации индивид проходит через цепь кризисов, принципиальная возможность социальной адаптации заложена в природе человека.

Богатейший материал по обсуждаемой проблеме предоставляет фактология онтогенеза человеческого индивида. Оставляя в стороне такие вопросы, как «когда ребенок становится личностью?» или «в какой мере социален новорожденный?», мне хотелось бы подчеркнуть здесь следующее важное положение. Несмотря на социальную сущность человека, определенная степень противостояния индивида и социума присутствует на протяжении всего онтогенетического развития, приобретая на разных его этапах различные формы выражения. Эта общая эволюционная закономерность (отмеченная выше диалектика взаимодействия в системе «вид–индивид») становится на уровне вида *Homo sapiens* наиболее

сложной и многообразной в соответствии со сложностью и уникальностью человеческого сознания. Особенности онтогенетического развития могут служить убедительным подтверждением наличия такого противоречия. Один из главных принципов органической эволюции — одновременное приспособление к среде и выделение из среды — получает здесь специфическое выражение. Например, подражательное поведение, имеющее глубокие генетические корни и, несомненно, очень важное для вхождения индивида в социум (Bandura, 1977), сочетается со столь же явно выраженным стремлением к самостоятельности и противодействию социальным нормам. Заинтересованность индивида в том, чтобы идентифицировать себя с определенной социальной группой (Эриксон, 1996), вступает в противодействие с его желанием сохранить личную независимость. Поэтому детский эгоцентризм и негативизм, рассматриваемые обычно как нежелательные явления и своего рода издержки в системе воспитания, на самом деле играют положительную роль в процессе отстаивания индивидом своего права на поиск нестандартных путей для решения тех задач, которые возникают на его жизненном пути. Ведь только таким способом формируется тот творческий потенциал, который (проявляясь в разной степени и в различной форме) выступает в качестве имманентного свойства любого человеческого индивида (Варламова, Степанов 1998; Пономарев, 1976; Райков, 1998).

Касаясь онтогенетических аспектов обсуждаемой проблемы, нельзя не указать на то, что соотношение индивидуального и коллективного в сознании человека очень динамично и нелинейно на протяжении всего его жизненного пути. Недаром Б.Ф. Ломов (1984), отстаивавший положение о биосоциальном единстве человека, одновременно считал необходимым подчеркнуть гетерохронность развития основных компонентов этого единства и сформулировал очень важный, на мой взгляд, принцип смены детерминант в процессе развития.

Согласно современным системным представлениям, телесно-психическая организация человеческого индивида имеет многоуровневую иерархическую структуру с очень сложными, многозначными и динамическими связями между уровнями (Базылевич, 1998; Русалов, 1979). Многогранность человеческой природы выражается в том, что человек является одновременно *индивидом* (представителем вида, имеющим определенные видовые характеристики), *индивидуальностью* (т.е. обладает неповторимой уникаль-

ностью), *личностью*, отражающей в своем сознании определенные социальные отношения и установки, *субъектом*, планирующим и реализующим свои действия, и носителем высших духовных ценностей (Слободчиков, Исаев, 1995). Мне представляется, что, принимая эту достаточно всеобъемлющую схему, надо все-таки учитывать условность столь жесткой дизъюнкции, поскольку уникальность человека пронизывает все перечисленные здесь грани. Более того, чем выше поднимаемся мы по иерархической лестнице телесно-психической организации человека, тем шире становится варьирование его индивидуальных особенностей. Психогенетические исследования последнего времени говорят о том, что по широте фенотипической изменчивости человек несопоставимо превосходит все биологические виды. Именно это его свойство стало залогом «взрывного» развития человеческих цивилизаций.

* * *

Сочетание двух объективных факторов — необозримой обширности обсуждаемой проблемы и ограниченного объема журнальной статьи — заставляют автора придерживаться фрагментарного стиля изложения. Вопрос о взаимодействии индивидуального и коллективного сознания имеет прямое отношение к вопросу о роли индивида и социума в историческом процессе. Сегодня сложились две противоположные тенденции в попытках дать ответ на эти вопросы. Одна из них в своем крайнем выражении апеллирует к религиозному и бытовому фатализму, а в научном плане — к модернизированному детерминизму лапласовского типа. Другая крайняя позиция опирается на экзистенциальную философию и психологию, провозглашающих полную свободу и «самодостаточность» человеческой личности. Как нетрудно заключить из предшествующего текста, автор статьи, отрицая обе крайности, придерживается эволюционной (а точнее коэволюционной) концепции, наиболее полно и убедительно представленной в монографиях Н.Н. Моисеева (1987; 1995), в которых человеческая история рассматривается как продолжение земной эволюции на качественно новом уровне, а философия истории как одна из важнейших глав общей теории самоорганизации. В концептуальной схеме Моисеева проблеме взаимодействия индивидуального и коллективного начал в поведении и сознании людей уделено соответствующее внимание. Человек выступает «в качестве активного участника мирового про-

цесса самоорганизации, вносящего изменения в характер процесса развития. И не только своей активной производственной и иной деятельностью, но и самим фактом изучения законов и тенденций мирового процесса самоорганизации, фактом развития своего мышления...» (Моисеев, 1995, с. 251).

Моисеев подчеркивает наличие тесной связи между проявлением творческого начала и активацией индивидуального сознания. «Весьма заметная тенденция в развитии духовного мира европейца — рост индивидуализма... Я рискну утверждать, что не только европейцев, но и всего рода человеческого. Одна из причин — усиление роли творческого начала в производственной деятельности людей, в обеспечении гомеостазиса популяции *Homo sapiens*. Эта тенденция проявляется и в социальной, и в политической жизни... Расширение возможностей проявления личностного начала, таланта личности — залог развития общества, государства» (там же, с. 258). Вместе с тем он считает, что «было бы ошибкой выводить эту тенденцию из условия непосредственной полезности». «Раньше всего она, как мне кажется, проявилась в религии, в которой переход от соборности, к глубоко индивидуальному восприятию общения с Богом наметился еще задолго до промышленной революции» (там же).

Говоря о духовной модернизации современного человека и коррелирующих с этим изменениях в канонизированной картине мира, Моисеев указывает на одну из главных угроз на этом пути. Он связывает ее «с монополизацией информации и возможностями ее воздействия на массовое сознание. Эта опасность не менее страшная, чем загрязнение окружающей среды, перенаселенность и т.д. Монополизацию информации и загрязнение информационного пространства я бы назвал основной причиной кризиса экологии духа. Самое страшное, что может случиться с нашей цивилизацией, — *отказ интеллектуальных датчиков*. (Выражающийся в том, что поглощенный мелочными заботами народ перестает слышать слова мыслителей и ученых.)» (там же, с. 260). Способ противостояния этой угрозе автор определяет однозначно: «Единственным реальным заслоном против подобной катастрофы, против монополизации информации и предотвращения искажения массового сознания мне представляется тоже личностное начало» (там же).

Итак, творчески мыслящий индивид — главная движущая сила социальных и духовных трансформаций. Нельзя, однако, не принимать в расчет довольно простую истину: каждый индивид (именно в силу

своей уникальности) имеет все основания для составления своей картины мира и своей «стратегии жизни» (Абульханова-Славская, 1991). Центральный постулат индивидуальной психологии А. Адлера (1997) — способность индивида выбирать, вырабатывать и формулировать цель своей жизни. Каким же образом в данном случае предотвращается полный социальный хаос в результате столкновения огромного множества частных целей и их воплощения в действие? (Учитывая, что вероятность содержания такого рода целей в видовом генетическом коде очень мала.) Ответ на этот принципиальный вопрос высказан Моисеевым на уровне гипотезы, хотя мне представляется, что данный тезис уже доказан всем ходом истории. «Для устойчивого развития той или иной общественной структуры, — пишет автор, — племени, народа, необходимо, чтобы разнообразие поведения, индивидуальных особенностей, стремлений, желаний находилось бы в каких-то рамках, было бы подчинено некоторой общей и осознаваемой людьми цели или системе целей... Но для этого соответствующей человеческой общности необходимы некоторые объединяющие идеи. Эти *высокие* идеи не могут не быть достаточно абстрактными, так как они призваны *работать* в различных и всегда изменяющихся условиях (Моисеев, 1995, с. 282). И далее: «Тот феномен, который мы называем духовным миром, не может быть понят без синтеза собственного Я человека и некой общей абстрактной *высокой* идеи... Отсутствие общих идей, общей цели или веры, которая часто и есть цель, приводит к безысходности и нравственной деградации общества» (там же).

Столь же однозначно, но более аподиктично отвечает на аналогичный вопрос Э. Фромм. Он пишет: «...нам [людям — А.М.] нужна также цель, которая указывала бы, куда идти. У животных нет таких проблем. Ими руководят инстинкты — они дают им и карту мира, и цели. Однако утратив инстинктивную детерминацию поведения и обладая мозгом, позволяющим нам обдумывать самые различные направления, которым можно следовать, мы нуждаемся в объекте всеобщего поклонения... чтобы интегрировать свои усилия в одном направлении, выйти за пределы своего изолированного существования со всеми его сомнениями и ненадежностью удовлетворить наши потребности в осмыслении жизни. Социальноэкономическая структура, структура характера и религиозная структура неотделимы друг от друга» (Фромм, 1997, с. 336).

Сложная диалектика взаимодействия индивидуального и коллективного сознания фактически пронизывает весь исторический

процесс. Индивидуальное новаторство, воплощаясь в определенные формы групповой активности, неизбежно наталкивается на инерцию социальных стереотипов. Поэтому сплошь и рядом многие, казалось бы, радикальные преобразования оказываются на поверку лишь внешним и недолговечным эффектом. Отсюда — колебательный характер исторического процесса. «Многие революционеры, — пишет Фромм, — считают, что следует сначала радикально изменить политическую и экономическую структуру, а затем на втором этапе почти необходимо изменится также и человеческое сознание: как только будет создано новое общество, почти автоматически возникнет и новый человек. Они не понимают, что новая элита, обладающая прежним социальным характером, будет стремиться воссоздать условия старого общества в новых социально-политических институтах, созданных революцией; что победа революции обернется ее поражением как революции — хотя, может быть, и *не как исторической фазы развития общества* (выделено мной — А.М.), проложившей путь к такой социоэкономической структуре, которая остановилась в своем бурном развитии. Хрестоматийным примером служит Французская революция и революция в России» (Фромм, 1997, с. 332). (Умерший в 1980 г., Э. Фромм не имел возможности дополнить к этим примерам достаточно выразительные результаты недавней «демократической революции» в России.)

Выделенная мной в приведенной цитате фраза заслуживает, на мой взгляд, внимания. Независимо от исхода и последующих реверсивных процессов, социальные революции следует, видимо, рассматривать как обязательный этап исторического развития, а происходящую на этом этапе поляризацию действующих сил — как условие выведения общества из аморфного и инертного состояния.

Обсуждение проблемы взаимодействия в системе индивид-коллектив требует еще одного существенного дополнения. Любое качество в случае его гипертрофированного выражения переходит в свою противоположность или же порождает внутренние процессы, разрушающие это качество. В этом — неоднократно отмеченная естествоиспытателями и философами диалектика развития. Аналогичные процессы можно наблюдать и в отношении флуктуации индивидуального и коллективного начала на разных этапах истории. По мнению Ю.Н. Афанасьева (1997), индивидуализм, сыгравший значительную роль в формировании современного западного общества, сегодня уже выявил свою исчерпанность (на-

ряду с такими базовыми ценностями западной цивилизации, как частная собственность и ничем не сдерживаемый экономический рост). Поэтому его дальнейшее развитие влечет за собой нигилизм и моральный релятивизм, характерные для современного кризиса. Отсюда — необходимость особого внимания к традиционным общественным институтам, сохранившимся в России и способным противостоять необоснованно ускоренной модернизации.

Соглашаясь с цитируемым автором, хочется сделать несколько дополнительных замечаний, взглянув на сегодняшнее положение России в ракурсе обсуждаемой проблематики. В сложном переплетении политических, экономических, демографических и морально-идеологических факторов, породивших системный кризис (Никонов, 1995), определенное место отведено взаимодействию «индивид–коллектив». Одна из бед России состоит в том, что на протяжении уже нескольких столетий ее правители стремятся проводить реформы в ускоренном темпе (после явно затянувшихся периодов «застоя»), действуя «сверху» и преимущественно насильственными методами. Такие действия, в основу которых «поставлен» принцип «реформа любой ценой», наталкиваются на сопротивление стереотипов массового сознания и поведения, порождая невиданных социально-экономических монстров. В условиях реальных демократий индивидуальные властные решения проходят тщательную фильтрацию через традиционные общественные институты, что делает эти решения приемлемыми для коллективного сознания и исключает их «непредсказуемость».

Второй немаловажной причиной наших неудач стал откровенно подражательный (да к тому же еще эклектичный) характер реформ. Подражание — очень важный механизм в рамках индивидуального развития. Но оно приводит к негативному эффекту при попытках формального переноса стереотипов социальной организации (соответственно, коллективного сознания) из одной культуры в другую.

Третья и, пожалуй, самая важная причина коренится в утрате обществом идеологических и нравственных ориентиров. «Суть идеологического кризиса состоит в том, — пишет А.А. Никонов (1995), — что вместо отвергнутого и утратившего свое влияние на умы людей марксизма-ленинизма не предложено ничего цельного, что могло быть принято обществом» (с. 432). Как уже отмечалось выше, устойчивое состояние и позитивная динамика больших общностей возможна только при наличии идеала, интегрирующего активность индивидов в направлении, не противостоящем интересам

социума. При отсутствии такого интегрирующего начала индивиды вынуждены (в силу своей видовой общественной природы) искать и находить иные формы объединения. Отсюда — наблюдаемая сегодня тенденция к этноцентризму (Андруцак, Левкович, 1996) и «группоцентризму» и явное преобладание корпоративных интересов над государственными.

Это далеко не полный перечень причин кризиса (остальные выходят за рамки темы), но и их достаточно, чтобы превратить реформы в псевдо- и антиреформы.

Какова же роль индивидуального и коллективного сознания в поисках выхода из кризиса (и не только в масштабах России, поскольку российский кризис — лишь наиболее яркое отражение мирового)? Здесь сложились две крайние оценочные позиции. Одни считают, что ни индивид, ни коллектив не способны влиять на ход истории, законы которой остаются для нас тайной за семью печатями. Такой далеко не новый фатализм находит сегодня определенный отзвук в современной теории хаоса и в ее приложении к социальным процессам (*Chaos theory in the social sciences*, 1996). Другие настаивают на необходимости принятия срочных мер, расходясь лишь в их масштабах. Первая тенденция противоречит активной природе человека, доказанной всей его историей. Вторая, наиболее полно представленная в широко известных рекомендациях Римского клуба, не способствует оптимистическим настроениям, поскольку гуманистические начинания этой организации оказались очень мало действенными и вместо предполагаемого разумного консенсуса мы можем видеть сегодня жесточайшую межгосударственную и межклановую конкуренцию за остатки природных ресурсов, территории, рынки сбыта и т.д.

Поэтому выход приходится искать (как это обычно и бывает) на промежуточном, «третьем пути». Разум человека (индивидуальный и коллективный), выступая в качестве активного начала, остается в то же время частью Природы, обладающей мощными механизмами саморегуляции. Эти механизмы в качественно преобразованном виде действуют и на уровне социума. Сознательная активность человека — важная составная часть этого механизма, заложенная в специфику общественной саморегуляции. Примером такой саморегуляции может служить сформулированный П.А. Сорокиным (1993) закон поляризации, согласно которому активизация в период кризиса деструктивных сил в сфере религии и морали («негативная поляризация») неизбежно приводит к противостоящей ей «пози-

тивной поляризации» в тех же сферах. Именно эта закономерность предотвращает, по мнению автора, гибель человечества в результате самоуничтожения.

Принципы социальной саморегуляции пока еще ждут своих исследователей. Сегодня же можно говорить лишь о необходимости более осмотрового подхода к оценке возможностей позитивного воздействия индивидов и групп на исторический процесс. Выполнение этого требования должно, видимо, выражаться в том, что прежние представления о жесткой детерминированности (или случайности) исторического процесса следует заменить более современным понятием «детерминизма нового типа», в котором частично содержится логика синергетической концепции (Князева, Курдюмов, 1992; Митькин, 1998). Суть этого понятия состоит в том, что в критические периоды неустойчивого состояния социума неизмеримо возрастают возможности индивидуального вмешательства в ход событий (малые усилия могут привести к масштабным социальным сдвигам); при этом соответственно растет и мера ответственности индивидов за свои решения и действия.

Что же касается путей выхода из российского кризиса, то здесь мы сталкиваемся с очень нестандартной ситуацией, искажающей всю систему общественных связей, в том числе, в подсистеме «индивид–коллектив». В условиях грозящего коллапса производственно-экономической и финансовой систем, утраты страной значительной доли государственной и финансовой самостоятельности, противостояния власти и народа (в сочетании с разобщенностью власти и дезинтеграцией обнищавшего в своей основной массе населения) и беспрецедентной демографической ситуации, обозначенной в зарубежном лексиконе как «русский крест» (самый низкий в мире коэффициент рождаемости, а смертность — на уровне стран, ведущих боевые действия), в таких условиях уместнее говорить не о кризисе, а об аварийной (как минимум — предаварийной) ситуации. В аварийной же ситуации главное — быстрое действие и надежность принимаемых мер. В инженерной психологии существует правило, вошедшее в производственные инструкции для операторов больших человеко-машинных систем: при сбоях системы, грозящих аварией, действия оператора должны выполняться по жесткому, предельно простому, предварительно разработанному алгоритму, исключающему возможность ошибки. Аналогичным образом в современной социальной ситуации, когда приходится действовать в условиях предельно «сжатого» времени,

требуется очень быстрый выбор из очень ограниченного числа проверенных вариантов. Такой выбор заведомо может оказаться не самым лучшим, но он, по крайней мере, предотвратит окончательный «системный» крах. Взаимодействие индивидуального и коллективного сознаний обретает при решении такой задачи новую характеристику: они выступают объединенно в форме массового «мозгового штурма», в котором «сливаются» интеллектуальный и эмоциональный компонент.

Можно, конечно, задаться привычным для россиян вопросом: а надо ли что-то делать, если (в силу принципа социальной самоорганизации) все само собой «образуется»? На этот вопрос есть простой ответ: разумеется, можно и так, но тогда в недалеком будущем большинство окажется *вынужденным* к активным действиям, начинать которые придется с гораздо худшей «стартовой площадки»!

Глава 6

САМООРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМ ИЛИ СИСТЕМНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ?

Проблема взаимосвязи «свободы и судьбы» прошла длинный и сильно разветвленный путь теолого-философского развития, который остался незавершенным и не привел к какому-либо определенному решению. «Противоречие между свободой воли и детерминизмом — одно из тех, которые проходят через философию от ранних времен до наших дней, — пишет Б. Рассел, — принимая разные обличья в разные времена» (цит. по: Пуанкаре, 1983, с. 310). Интеллектуальные поиски в этом направлении обрели «новое дыхание» в эпоху Просвещения на фоне бурного роста научного эмпирического знания. Впечатляющие успехи сциентизма в познании законов природы и возможностей их практического применения в сочетании с укреплением материалистических тенденций в философии привели к возникновению новых мировоззренческих понятий и новых парадигм, претендующих на научное объяснение общих принципов организации Вселенной.

Сложившиеся в итоге основные варианты подхода к проблеме детерминизма и возможностям ее решения могут быть представлены так.

1. Порядок в мироздании заложен актом творения и поддерживается Божественным Провидением (теистический и деистический варианты модификаций Фомы Аквинского, Августина Блаженного и др.).

2. Мироздание детерминировано законами механики и физики. Индетерминистические тенденции обусловлены нашим незнанием. При достаточной полноте знания мы могли бы наблюдать и описывать вполне детерминированную картину мира (позиция Лапласа и ее варианты, обусловленные расширением числа детерминирующих факторов).

3. Установка на принцип детерминированности Вселенной несостоятельна, поскольку такая установка предполагает однозначные причинно-следственные связи, а последние — условны и не соответствуют реальности (позиция Юма).

4. Феноменальный мир лишен какой-либо упорядоченности. Порядок в познание этого единственно доступного нам мира мы вносим в своем сознании, опираясь на трансцендентные категории пространства, времени и причинности (позиция Канта).

5. Детерминизм присутствует в мироздании, но степень его выраженности очень различна в разных ситуациях, она варьирует от жесткого детерминизма часового механизма до мягкого детерминизма меняющейся конфигурации облаков в небе (позиция К. Поппера).

6. Главный фактор развития Вселенной и ее элементов — случайность. Детерминизм играет при этом лишь условную и ограниченную роль в периоды стабилизации ситуации. Порядок в организации мироустройства достигается благодаря широко представленным и эффективно действующим механизмам самоорганизации (позиция И. Пригожина).

Сегодня, как и много веков назад, проблема детерминизма, обретя обновленный в соответствии с эпохой имидж и существенно расширив ареал своего влияния, несомненно, сохраняет и теоретическую, и практическую остроту.

Принимая во внимание фактическую безбрежность данной проблемы, было бы бессмысленно пытаться в рамках ограниченного текста охватить все ее аспекты. Поэтому автор, заведомо ограничивая себя, ставит более сдержанную задачу: сравнить в форме критического анализа основные особенности соприкоснувшихся в настоящее время *синергетического и системно-психологического* подхода к обозначенным проблемам. Приведенный ниже текст носит явно дискуссионный характер, не претендует на завершенность суждений и оставляет широкие возможности для дальнейшего обсуждения.

Здесь же следует подчеркнуть, что Б.Ф. Ломов, отстаивая позиции системного подхода к анализу психики, уделял пристальное внимание понятию детерминизма в его философском содержании и проблеме детерминации психических явлений, рассматривая при этом каузальные связи как одну из форм детерминизма. «Вообще вопрос о соотношении причин и следствий во времени,— писал он,— имеет для психологического исследования исключительно большое значение и требует специального методологического рассмотрения» (Ломов, 1984, с.123).

Синергетическое направление, охватившее сегодня различные области научного знания, представляется иногда как закономерная перспектива дальнейшего развития системного подхода в науке (см., например, Прангишвили). Разработка основных положений данного направления связана преимущественно с двумя авторами — И.Р. Пригожиным (Пригожин, 2003), обозначившим эту область науки как «теорию хаоса», и Г.Хакеном (Хакен, 1985), который и ввел термин «синергетика».

В настоящей главе оба эти концептуально созвучные направления объединены под общим названием «синергетика». Ниже приведены в кратчайшем изложении важнейшие положения синергетики (в ее принятом сегодня интегральном понимании), которые в их стандартных формулировках выглядят следующим образом.

1. Порядок и организация возникают из беспорядка и хаоса спонтанно на основе принципа *самоорганизации*. Вселенная состоит из множества закрытых и открытых систем. Последних большинство, и к ним принадлежат биологические и социальные системы. В открытых системах постоянно происходит обмен энергией, веществом и информацией с окружающей средой. Стабильность и устойчивость — лишь частные и ограниченные во времени формы существования открытых систем. Главную роль в мироздании играют неустойчивость, неравновесность и нелинейность развития.

2. Подсистемы, входящие в состав систем, непрерывно флуктуируют. В результате положительной обратной связи флуктуации могут стать настолько сильными, что прежняя организация системы разрушается. В этот переломный момент, называемый точкой бифуркации, принципиально невозможно предсказать, перейдет ли система в хаотическое состояние или же на более высокий уровень организации (станет так называемой диссипативной структурой). В момент такого «фазового перехода» система становится менее сложной и менее хаотичной. В силу некоторых имманентных причин в ней спонтанно происходит «сжатие информации» — переход от многочисленных «параметров состояния» к очень немногочисленным «параметрам порядка». При этом в соответствии с так называемым «принципом подчинения» большое число параметров состояния оказывается в прямой зависимости от ограниченного количества параметров порядка. Вместе с тем сохраняется двусторонняя связь тех и других параметров: в соответствии с прин-

ципом, названным Хакеном «круговой причинностью», векторы состояния влияют, в свою очередь, на параметры порядка, что и приводит к слаженной работе системы в целом. Устойчивости системы способствуют так называемые «аттракторы» (точки притяжения), которые могут выполнять две функции: фиксировать состояние системы в определенном положении или выводить ее на периодический режим работы. Отправной точкой в построении синергетической концепции послужила критика лапласовской схемы жесткой механической детерминированности всей системы мироздания. Нельзя не согласиться с обоснованностью этой критики, опирающейся на математические модели и современные достижения квантовой физики (см. Пригожин, 2003). Однако при переходе к позитивной части концепции авторы прибегают к использованию не совсем ясной терминологии и далеких от однозначности умозрительных схем, чем вызывается ряд критических замечаний, представленных ниже.

По меткому определению одного из авторов многогранного философского анализа синергетики, «символом серы» для данного направления стало понятие *самоорганизации*, которая есть «причина самой себя» и рождает природу (отождествляемую с бытием) — пространство, время, системы и их структуры...» (Тарасенко, 1997, с. 123). Некоторая нарочитость приведенных формулировок позволяет, на мой взгляд, уточнить реальную ценность центрального (и исходного) понятия синергетики. Действительно, если самоорганизация изначально заложена в систему мироздания, то мы всего лишь возвращаемся к базовому теологическому понятию «первопричины». Если же вытекает из каких-либо иных факторов, то первая часть сложного слова (само-) оказывается неуместной.

Другой фундаментальной опорой синергетики служит понятие хаоса. (Надо заметить, что Хаос и Космос уже присутствовали в космологической системе Платона, образуя основу бытия.) Порядок возникает из хаоса. Такое утверждение вызывает естественные вопросы: «Всякий ли хаос способен породить порядок и какими свойствами должен обладать хаос, чтобы “самоорганизоваться в систему?”», в попытке ответить на эти вопросы синергетика вынуждена признать присутствие организации внутри хаоса и прибегнуть к таким алогичным словосочетаниям, как «детерминированный хаос». «Но как только мы квантифицируем или квалифицируем тем или иным способом хаос, начинается разговор не о хаосе, как о структуре небытия... а о бытийственном временном хаосе, то есть

о космосе — порядке, пусть даже достаточно сложно и замысловато организованном. С введением таких представлений исчезает противопоставление хаоса и порядка...» (Тарасенко, 1997, с. 125). (Аналогичные замечания см. Митькин, 1998.)

3. Не обращая особого внимания на очевидную размытость границы между хаосом и порядком, синергетика рассматривает конкретные механизмы, обеспечивающие переход из первого состояния во второе. Решающая роль отводится при этом бифуркационным процессам и понятию «точки бифуркации», т.е. такого временного момента, в который «выбор» между двумя направлениями дальнейшего развития оказывается равновероятным и зависит исключительно от слепой случайности. Надо сказать, что авторы теории хаоса не исключают периодов детерминированного развития, но сохраняют за ними лишь способность к стабилизации ситуации (Тоффлер, 1986).

Признание главенства бифуркационного принципа потребовало бы, в свою очередь, дополнительных допущений. Прежде всего, пришлось бы признать существование изолированных *внесистемных* «точек бифуркации», наделенных определенной «сепаратностью». Между тем трудно не согласиться с одним из недавних критиков обсуждаемой парадигмы, который подчеркивает тот факт, что реальные системы никогда не изолированы друг от друга (Brichmont, 1996, с. 147). А если так, то «судьбоносный» эффект отдельно взятой точки бифуркации резко снижается или вообще нивелируется под воздействием других элементов системы. Неопределенность в поведении единичных элементов вовсе не обязательно вызывает дезорганизацию в работе системы: «... существование хаотических динамических систем фактически скорее поддерживает универсальный детерминизм, чем противоречит ему» (там же, с. 135). (Показателен сам заголовок статьи: «Наука о хаосе или хаос в науке».)

Надо заметить, что одной из идейных основ синергетики стали революционные достижения квантовой механики и многочисленные описания стохастичности, присущей элементарным частицам микромира. Но отсюда вовсе не вытекает необходимость и правомерность однозначного переноса обнаруженных закономерностей на принципы организации макромира. Хаотичность, наблюдаемая на уровне *микромира*, не препятствует, а, по-видимому, способствует проявлению достаточно строгой детерминированности на уровне *макромира*. Таким образом, адепты синергетической парадигмы

совершают своеобразный «логический пируэт»: выступая против механицизма и атомизма, они в конечном счете становятся на тот же путь. Сначала некоторое явление (событие) вырывается из общей связи явлений и рассматривается изолированно, а затем обнаруженная частная закономерность (или ее субъективная интерпретация) возводится в общий принцип, присущий мироустройству в целом.

Другое условное допущение касается пространственно-временной организации Универсума. Дело в том, что адекватная оценка любого события (в том числе — по степени его случайности) требует установления его координат в *пространственно-временном* континууме. Без этого грань между детерминизмом и индетерминизмом просто стирается. Например, в составе стохастических перемещений микрочастиц можно выделить такой пространственно-временной отрезок, в пределах которого их поведение будет предсказуемым. И напротив, отказавшись от пространственно-временных ограничений, мы не можем говорить о какой-либо детерминированности даже в масштабах космических макроизмерений. Вообще же проблема «бифуркационной» равновероятности событий напрямую завязана на математическое понятие бесконечно малой величины. Предельность и своего рода «ирреалистичность» бесконечно малых величин ни в коей мере не служит препятствием к выполнению на их основе точнейших математических и физических расчетов. Аналогичным образом, даже соглашаясь с существованием «бифуркационных» феноменов, мы вовсе не обязаны рассматривать их в качестве неопровержимого доказательства принципиальной несостоятельности детерминизма!

4. Для сциентистской и отчасти философской оценки канонизированного синергетикой принципа *случайности* приходится хотя бы вкратце, не вдаваясь в бесчисленные нюансы, затронуть проблему *причинности*. Говорить о степени случайности или детерминированности событий можно лишь тогда, когда нам известна вся совокупность каузальных связей. Но это в принципе невозможно, так как любая цепочка взаимосвязанных явлений (рассматриваемых в качестве причин и следствий) уходит в бесконечность, а количество таких параллельно действующих цепочек не поддается учету и также теряется в бесконечности. Умозрительный экскурс по этому пути неизбежно приводит нас к классической третьей антиномии И. Канта (Кант, 2003) скепсису Д. Юма в отношении каузальности и далее — к известным

философско-религиозным дебатам о «первопричине», «перводвигателе» и т.п. (Тиллих, 2000). Постановка вопроса об исходных причинах или онтологической «сущности» явлений не имеет смысла в рамках сциентистского подхода. Можно говорить лишь об относительной степени свободы и детерминизма, определив исходные *условия, границы и задачи* для обсуждения каждой конкретной проблемы.

В таком случае возможным становится лишь *вероятностный* подход, исключаяющий как «абсолютную» свободу, так и «абсолютный» детерминизм. Все оцениваемые события располагаются при этом вдоль бесконечной оси, один конец которой стремится к свободе (как пределу), а другой — к детерминизму.

Удачной иллюстрацией неисчислимой множественности каузальных связей может служить пример, приведенный М. Томпсоном (Томпсон, 2000). Камень, брошенный на гладкую поверхность пруда, создает круговую волну, которая вызывает ритмические колебания оказавшегося поблизости поплавка, поддающиеся описанию и расчету. Картина существенно изменится, если в тот же пруд будут брошены новые камни, и возникнет сложная интерференция многих волн, в том числе отраженных от берегов. В результате в какой-то момент перемещения поплавок приобретут хаотический характер. Предположив, что количество брошенных камней стремится к бесконечности, мы получим наглядное представление о фактической бесконечности причинных связей и взаимодействий в масштабе Универсума.

Рассуждение такого рода красноречиво говорит о нецелесообразности смешения философского и сциентистского понятий каузальности, что подчеркивал еще А. Пуанкаре (Пуанкаре, 1983, с. 324). Он же высказал свое отношение к проблеме случайности в ее научной интерпретации: «Наши слабые силы не дают нам возможности охватить всей Вселенной, и это заставляет нас разрезать ее на слои. Мы стараемся выполнить это наименее искусственно, и, тем не менее, иногда оказывается, что два различных слоя влияют один на другой. Результаты такого взаимодействия мы склонны приписывать случаю».

Мне представляется, что синергетическая парадигма в значительной мере допускает слегка завуалированные перескоки с логики научных изысканий на умозрительно философские построения и наоборот.

Экспансионизм синергетической парадигмы, свойственный любому претендующему на популярность начинанию, инициировал многие попытки переноса ее принципов (сформулированных в исходном варианте на базе анализа неживой природы) на особенности развития и функционирования *органического мира*. Не отрицая ограниченной допустимости такого рода аналогий, хотелось бы, тем не менее, обозначить основные демаркационные линии, разделяющие синергетику и *системный подход* в науке в его современном междисциплинарном звучании.

Возражения против такого переноса обусловлены в первую очередь неизбежностью признания многообразия форм существования Универсума на разных его уровнях. И это — не философская догма, а результат многогранного естественнонаучного анализа эволюционного процесса. Развитие органического мира связано с коренными преобразованиями способов взаимодействия природных элементов. Последовательное совершенствование органических форм потребовало решения двух взаимосвязанных задач: а) обеспечить *устойчивость* биологических форм и б) найти надежные способы *адаптации* организмов к изменчивым условиям существования, предусмотрев для этого специфические (по сравнению с неживой природой) варианты взаимодействия организма и среды. Первая задача была успешно решена на заре органической эволюции, когда возник достаточно стабильный генный аппарат, способный хранить и передавать видовую наследственную информацию. Решение второй задачи перманентно продолжается в течение всей эволюции благодаря возникновению и последовательному усложнению нервной системы, пластичность которой позволяет быстро и адекватно ответить на внешние воздействия. Устойчивость и гибкость диалектически объединились. Исследованием сложнейших механизмов взаимодействия генного аппарата и нервных структур на разных этапах развития организма занимается сегодня одно из новейших направлений в науке — нейробиология (Малых, 1998). Следует заметить, что контраст между формами существования органического и неорганического мира намного превышает различие в закономерностях динамики и термодинамики, которое подчеркивают авторы теории хаоса (Пригожин, 2003).

Изменчивость и наследственность в сочетании с отбором образуют классическую триаду дарвинизма — краеугольный камень эволюции. Ответ на «кошмарный» для Дарвина и нерешенный им

вопрос о механизме стабилизации спонтанно возникших биологических изменений найден в контексте неodarвинизма, принявшего на вооружение принцип генетических мутаций.

Сторонники синергетической парадигмы склонны рассматривать мутационный феномен как абсолютно случайный, а потому — подкрепляющий валидность и всеобъемлющий характер их теоретических установок. В этой связи допустимы, как минимум, два замечания. Во-первых, трудно согласиться с утверждением о полной случайности мутаций, поскольку многочисленные факты из области экологии и результаты целенаправленных экспериментов говорят о возможности спровоцировать мутационный процесс. Во-вторых, вероятностный характер мутаций, при которых принцип случайности присутствует лишь на уровне отдельных генов, в конечном счете содействует общей направленности эволюции в сложном объединении ее различных линий. Стабилизирующую роль в этом отношении играют сложные закономерности *биоценоза*, описываемые с позиций естественно-научной каузальности, а не на основе всесия слепого случая.

К этим замечаниям необходимо добавить еще один очень важный аргумент. Органическая эволюция стала возможной потому, что природе удалось «найти» механизмы противостояния «живого вещества» *энтропийным* процессам, непреодолимым в рамках неорганического мира (Прангишвили, 2000). Эти механизмы прошли сложнейший путь развития от примитивного метаболизма одноклеточных до изоциренных форм адаптации высших животных. Без такой природной «находки» органическая эволюция просто не состоялась бы.

Таким образом, термин «самоорганизация» оказывается при ближайшем рассмотрении в значительной мере иллюзорным, поскольку реализация любой «самости» предполагает опору на конкретные закономерности, которым всегда присущи элементы детерминизма. Это легко пояснить простым примером. За 21 день из куриного яйца может развиваться очень сложный организм цыпленка. Однако, чтобы этот процесс состоялся, необходимы, по крайней мере, три условия: а) жесткая генетическая программа, заложенная в зиготе, б) резервы развития в виде питательной среды яйца и в) постоянный приток тепловой энергии из внешней среды. При отсутствии хотя бы одного из перечисленных условий процесс развития не состоится (или не завершится), а яйцо, потеряв свежесть, станет разлагаться с выделением тепла во внешнюю среду.

Проблема детерминизма приобретает специфическое звучание при попытках приложить ее к интерпретации особенностей и возможностей человеческого сознания и человеческого поведения. Претендуя на унификацию физико-математических закономерностей в масштабах мироздания, сторонники синергетической парадигмы готовы перенести ее принципы на объяснение психологических, социальных и культурных процессов (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 274–276). Такие претензии заставляют нас акцентировать внимание на некоторых вопросах, имеющих принципиальное значение для современной психологической науки.

- Допустимо ли концептуальное и методологическое единообразие при описании физических и психических процессов?
- Можно ли детерминизм и индетерминизм, обнаруживаемые на разных уровнях Универсума, трактовать в одних и тех же понятиях?
- Могут ли свободные аналогии, проводимые между явлениями разных уровней, служить доказательством *научной целесообразности* синергетической экспансии на все формы бытия?
- Правомерно ли пытаться интерпретировать человеческое поведение, полностью игнорируя такой ведущий фактор, как субъектные *качества* человека?
- И наконец, следует ли согласиться (особенно на фоне очевидных коллизий современной техногенной цивилизации) с таким радикальным тезисом авторов теории хаоса: «Старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо?» (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 275.)

Ответы на эти вопросы с разной степенью развернутости и в произвольном порядке даются ниже.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что обращение к проблеме детерминизма на уровне человеческой психики невозможно без рассмотрения *субъектности* человека (оставшейся за бортом синергетической парадигмы). О своем понимании категории субъектности я скажу в дальнейшем, а сейчас кратко затрону тот аспект этой сложной и очень многогранной проблемы, который, на мой взгляд, имеет прямое отношение к основной теме статьи — к так называемой «свободе воли».

«Серьезные психологи» стараются обойти молчанием это несколько устаревшее понятие, предполагая, видимо, что его метафизичность выводит нас за рамки научной психологии. Мне же представляется, что возврат к этому термину снова стал актуальным в сегодняшней ситуации, когда индивид оказался «вброшенным», по выражению Хайдеггера, в реальный социальный (а не синергетический!) хаос мира.

Наиболее заземленное и одновременно логически безупречное звучание вопрос о свободе воли (или ее детерминированности) получил у Канта в его широко известной третьей антиномии чистого разума (Кант, 2003, с. 254–257), где предельно четко интегрируются главные итоги многовекового философско-теологического диспута и фактически даются пролегомены к возможным продолжениям этого диспута. Антиномия сформулирована следующим образом: «Тезис. Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо допустить свободную причинность. Антитезис. Нет никакой свободы, все совершается в мире точно по законам природы».

Человеческий разум не способен объединить тезис и антитезис, не впадая при этом в неразрешимое логическое противоречие. С одной стороны, «если все происходит только по законам природы, то всегда имеется лишь подчиненное, а не первое начало, и потому вообще нет никакой полноты ряда на стороне происходящих друг от друга причин. Между тем закон природы состоит именно в том, что ничто не происходит без достаточно определенной а priori причины. Следовательно... нельзя допустить, что причинность по законам природы есть единственная причинность... /и/ необходимо допустить *абсолютную спонтанность* причин — /способность/ *само собой* начинать тот или иной ряд явлений... стало быть, трансцендентальную свободу, без которой... ряд явлений на стороне причин никогда не может быть завершен» (к тезису).

Однако... трансцендентальная свобода противоположна закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство опыта и которого, следовательно, нет ни в одном опыте; стало быть, она есть пустое порождение мысли.

...Свобода (независимость) от законов природы есть, правда, *освобождение от принуждения*, но также и возможность не *руководствоваться* какими то ни было правилами... если бы свобода

определялась законами, она была бы уже не свободой, а природой. Следовательно, природа и трансцендентальная свобода отличаются друг от друга, как закономерность и отсутствие ее. Из них первая, правда, возлагает на рассудок трудную задачу искать происхождение событий в ряду причин...

...Ложный же блеск свободы обещает, правда, пытливому рассудку дойти до конечного звена в цепи причин, приводя его к безусловной причинности, начинающей действовать сама собой, но так как она сама слепа, то она обрывает руководящую нить правил, без которой невозможен полностью связанный опыт» (из антитезиса).

Это несколько громоздкое цитирование бесчисленное число раз проанализированного классического текста сделано здесь с определенной целью: документально показать философскую архаичность претенциозных «новаторских» построений синергетики, нашедших в идеологизированной России благодатную концептуальную почву и внимательную аудиторию.

В дальнейших разделах Кант расширяет границы обсуждения данной антиномии, связывая ее с попытками установления некоего «центра» душевной жизни. Он пишет: «...вместо эмпирического понятия (о том, что представляет собой душа в действительности)... разум берет понятие эмпирического единства безусловным и первоначальным, создает из него понятие разума (идеи) о простой субстанции, которая, будучи сама по себе неизменной (тождественной как личность), находится в общении с другими действительными вещами, одним словом, разум создает понятие простого мыслящего существа» (Кант, 2003, с. 364). На этом пути возникает понятие о «едином субъекте», которое есть не более чем «регулятивный принцип» (схема) нашего мышления, а вовсе не «действительное основание для свойств души». Принимая данную «схему», «...исследование разума направляется... на то, чтобы по возможности свести основания для объяснения в этом субъекте к одному принципу; все это достигается лучше всего и даже единственно и исключительно посредством такой схемы, как *если бы* этот субъект был действительной сущностью. Психологическая идея и не может означать ничего иного, кроме схемы регулятивного понятия» (там же, с. 364–365).

Обращение к атрибутам (предикатам) души не дает нам возможности постичь ее сущность, поскольку такая сущность трансцендентна. Человек *свободен* в своей *трансцендентной* составляющей и причинно *обусловлен* в рамках *природного* мира. Антиномичность

в вопросе выбора между причинностью и свободой лишь углубляется в результате интеллектуального экскурса, предпринятого Кантом.

На фоне поражающе виртуозных, но не всегда вполне прозрачных формулировок Канта знаменитая максима Гегеля «Свобода есть осознанная необходимость» привлекает своей четкой лаконичностью и звучит, на первый взгляд, достаточно убедительно. Однако при более пристрастном рассмотрении оказывается, что оба понятия в определяющей части далеко не однозначны при попытке уточнения их содержания.

Формы «необходимости» могут быть очень разными (физическая, моральная и др.), а степень «осознания» ситуации и своих возможностей варьирует в еще более широких пределах.

Наиболее радикальный ответ на вопрос о свободе (или несвободе) человека в его волевых интенциях и поведении мы находим у представителей экзистенциальной философии, которые, пренебрегая тонкостями теологических схем и кантовского анализа, разрубили одним ударом гордиев узел «проклятой проблемы».

Конкретным примером экзистенциалистского радикализма может служить текст раннего Ясперса, который писал так: «Чтобы охватить взглядом жизнь человека, следует увидеть, как он живет в самый Момент. Момент есть единственная реальность, это — реальность в себе, в жизни души. Момент... есть Тотальность Действительности, единственная конкретная вещь... Человек находит существование и Абсолют в конце концов только в Моменте» (цит. по: Поппер, 1992, с. 373).

Такая трактовка «судьбоносности» момента — подобная той, какую приписывает синергетика «точке бифуркации», — требует определенной аргументации. Для объяснения своей позиции сторонники экзистенциализма делают довольно смелое, но плохо согласующееся с фактами допущение: принципиальную независимость будущего от прошлого, которая достигается благодаря свободе человека в каждый текущий момент времени.

К. Поппер характеризует философскую позицию К. Ясперса (со ссылкой на приведенную выше цитату) как «истерический романтизм в сочетании с brutальным варварством» (там же, с. 373). Несмотря на некоторую резкость данной оценки, трудно не признать ее принципиальную точность. В установках экзистенциализма, на мой взгляд, действительно проявляется истерическая реакция индивида на собственное социальное бессилие. Вместе

с тем несомненные эстетические достоинства и «дух бунтарства», легко приложимый ко всем формам социального сопротивления и диссидентских настроений, позволяют данному направлению сохранить свою привлекательность и по сей день.

Наиболее ярким и последовательным (в своих интенциях) «певцом» экзистенциальной свободы следует, видимо, признать Сартра. Принципиальная свобода человека и ее реальные воплощения — лейтмотив его фундаментального труда «Бытие и ничто» (Сартр, 2000).

Последовательность мысли философа, представленная в кратких тезисах-цитатах, выглядит так. Человек *обречен* на свободу. Абсолютная свобода означает одновременно и абсолютную ответственность. Бытие сводится к действию: «...человеческая реальность не существует сначала, чтобы действовать, но для нее быть — значит действовать, а прекратить действие — значит перестать быть» (Сартр, 2000, с. 486). Было бы, однако, упрощением сводить действие к его внешнему проявлению (движению), поскольку «определение к действию само есть действие» (там же, с. 486). В другом месте: «Человек не может быть то свободным, то рабом — он полностью и всегда свободен или его нет» (там же, с. 452).

Декларативность звучных заявлений Сартра становится достаточно очевидной, а вместе с тем тускнеет, выражаясь словами Канта, «ложный блеск свободы», как только философ переходит к конкретным бытовым примерам. Здесь сразу выявляется, что «свобода» индивида вовсе не означает его независимости от внешней ситуации. Во многих случаях человек не способен изменить ситуацию (пример со скалой, оказавшейся на пути), но он может использовать эту ситуацию наиболее выгодно для себя (например, залезть на скалу). В итоге «свобода» переносится во внутренний план и выступает уже в форме интенций, «проектов» предстоящих действий и проблемы выбора. «Впрочем,— пишет Сартр,— если действие не является чистым движением, оно должно определяться посредством интенции... [которая] освещает мир, начиная с еще не существующей цели (там же, с. 486–487). И далее: «Таким образом, свобода не является просто-напросто случайностью, поскольку она обращается к своему бытию, чтобы прояснить его в свете своей цели, она есть постоянный уход от случайности. Она есть интериоризация, уничтожение и субъективация случайности, которая, таким образом измененная, переходит в произвольность выбора» [там же, с. 488].

Казалось бы, философ находит более-менее устойчивую логическую конструкцию. Однако последующее развитие мысли вскрывает иллюзорность данного предположения. «Но как раз потому, — уточняет Сартр, — что речь идет о выборе, этот выбор в той мере, в какой он происходит, намечает в общем другие выборы в качестве возможных. Возможность этих других выборов не разъясняется, не ставится, но она переживается в чувстве неоправданности, и именно она выражается фактом абсурдности моего выбора и, следовательно, моего бытия. Таким образом, моя свобода подтачивает мою свободу» (там же, с. 489).

Подводя условный итог, можно заключить, что человек не только «награжден» свободой, но и «проклят» ею, будучи обречен на постоянный беспокойный поиск, который он не способен ни завершить, ни прекратить. Но именно такая трагичность ситуации и делает человека человеком!

Острота вопросов, поднятых философами-экзистенциалистами (и в первую очередь — связанных с проблемой человеческой свободы) перешла сегодня в контекст экзистенциальной *психологии*, которая приобрела определенную популярность и на фоне очередной «смены вех» выступает иногда в качестве «теоретической базы». Психологи, в роли наследников традиционного экзистенциализма, оказались приобщенными к уже сложившемуся *феноменологическому* анализу тех свойств человека, наделенность которыми не дает никаких оснований считать его гармоничным и счастливым существом.

В первую очередь, это постоянное чувство *одиночества* человека в мире, лишившегося большинства своих природных связей. Социальные контакты не способны преступить это чувство, так как «другие» для индивида — лишь «проекция» его собственного феноменального мира. (К тому же, по образному выражению одного из героев пьесы Сартра, «ад — это другие».)

Далее — это *страх* смерти, поскольку экзистенциалистское сознание не может примириться с неизбежностью гибели «главной ценности» — феноменального мира индивида. Жизненный путь индивида становится «бытием-к-смерти», а *тревога* («забота») — постоянной составляющей эмоционального состояния. Затем следует неизбежное чувство *вины*, логически вытекающее из высокой *ответственности* индивида за любой осуществляемый им *выбор*. С позиций свободного «экзистенциального самосознания», выбор, действительно, становится крайне сложной задачей по целому ряду

причин. Если главным (а может быть, и единственным) критерием для выбора служит собственная позиция индивида, то на чем зиждется сама эта позиция? (Свобода выбора на свободном основании — круг замкнулся, а «точка опоры» исчезла!) Значительная длина (или же вообще незавершенность) алфавита возможных вариантов делает вероятность ошибки выбора очень высокой. Наконец, всегда остается неизбежное сомнение в том, что реализованный выбор оптимален по сравнению с другими вариантами — по пословице «Лучшее — враг хорошего».

В результате свободный индивид, осуществляя свободный выбор, оказывается в заманчивой, но малорадостной и даже опасной своими возможными последствиями ловушке, пребывание в которой вызывает у него только отрицательные эмоции. (Напомню приведенные выше слова Сартра: «Моя свобода подтачивает мою свободу»).

А. Маслоу оценил настроение европейских экзистенциалистов, «твердящих о страхе, страдании, болезни и тому подобном», как «высокоинтеллектуальное хныканье на возвышенные темы» (Экзистенциальная психология, 2001, с. 48). Вместе с тем он, соглашаясь в К. Вильсоном (Wilson, 1967), считает нужным провести четкую границу между «позитивными» экзистенциалистами и «негативными» экзистенциалистами Маслоу (1997, с. 42). Первые из них, в отличие от вторых, зафиксированных на трагических сторонах бытия человека, видят свою задачу в том, чтобы помочь индивиду, болезненно переживающему утрату иллюзий и тяготы существования, обрести свою идентичность и способность к сопротивлению внешним обстоятельствам. Наряду с перечисленными выше негативными «экзистенциалами» реальной психики (закрывать глаза на которые, видимо, бессмысленно) человек, несомненно, располагает *достаточным* (и это доказано антропогенезом) ассортиментом позитивных «экзистенциалов», базирующихся на таких биосоциальных качествах человека, как а) уникальность положения среди других существ на Земле; б) сложнейшие двусторонние связи человека с предметным миром; в) непревзойденные возможности интеллектуального анализа и соответствующего выбора в рамках конкретно поставленных *задач*; г) широкие возможности саморегуляции своего поведения и своих состояний (Холл, Линдсей, 1997, с. 338–342).

В ситуации повышения интереса к проблематике экзистенциальной психологии и расширения сферы ее приложения А. Сутич

(Sutich, 1949) ввел для обозначения данной ветви психологической науки понятие *онтопсихология*.

С точки зрения А. Маслоу, экзистенциальную психологию при всей ее противоречивости и разнородности (в европейском и американском вариантах) можно рассматривать как эффективное и прогрессивное направление, открывающее психологам новые горизонты. Именно это направление позволяет преодолеть «картезианский раскол между субъектом и объектом» и обеспечить перемены в науке, «потребность в которых вызвана включением *psyche* и чистого опыта в сферу реальности» (Маслоу, 1997, с. 40). Однозначно придерживаясь «позитивной» линии экзистенциализма, Маслоу подчеркивает, что «ни одна психологическая теория не будет полной, если ее центральным звеном не является концепция, согласно которой будущее человека находится в нем самом, будучи активно в каждый момент настоящего». А поэтому «самоактуализация бессмысленна, если она не связана с реальным будущим» (там же, с. 40). Однако на этом пути не только исследователь, но и любой индивид сталкивается с задачей предельной сложности. «Мы также должны понять,— пишет Маслоу,— что будущее — это *единственное*, что в принципе неизвестно и непознаваемо, а это значит, что все привычки, все механизмы защиты и нападения — сомнительны и двусмысленны, поскольку они зиждутся на былых ощущениях. Только гибкая творческая личность может по-настоящему управлять будущим, *только* такая личность может уверенно и бесстрашно взглянуть в лицо новизне. Я убежден, что большая часть того, что мы в настоящий момент называем психологией,— это изучение хитростей, с помощью которых мы пытаемся избавиться от боязни абсолютной новизны, заставляя сами себя поверить в то, что будущее будет таким же, как и прошлое» (там же, с. 41).

Отталкиваясь от этой краткой, но в высшей степени насыщенной заключительной цитаты, уместно, видимо, вернуться к вопросу о «свободе воли», акцентированному в данном разделе статьи.

Мне представляется, что человек, лишенный, в отличие от животного, определенной «запрограммированности» своего поведения, идет в своей жизни по очень тонкой и не очень ясно различаемой грани между свободой и необходимостью, он вынужден нащупывать каждый следующий шаг и быть готовым к таким изменениям ситуации, на которые в арсенале его навыков отсутствуют готовые ответы. При этом свобода воли (свобода выбора) есть *вмененная* любому нормальному индивиду форма существования, *застав-*

ляющая его активно и осмысленно (подчас за счет предельного интеллектуально-эмоционального напряжения) принимать решения и осуществлять действия, в которых его личные устремления оптимально согласуются с общей ситуацией (в том числе — с его собственными *возможностями*). В этом — имманентная «сущность» человека и специфика «субъект-объектного взаимодействия». Никакой «счастливый случай» (в его теологической или синергетической ипостаси) не избавляет человека от *необходимости* самому решать такого рода задачи, исполняя свое человеческое предназначение. И надо обладать очень жестко детерминированной психикой, чтобы стараться во что бы то ни стало втиснуть всю сложность и принципиальную *неисчерпаемость* коллизии внутреннего мира человека в узкий круг синергетических понятий!

Человек наделен (и одновременно — «обречен») чувством свободы, без которого его поведение и сознание выходят за рамки человеческой нормы. Что же касается «реального» соотношения «свободы и судьбы» в жизни человека, то мне хотелось бы предположить попытку ответа на этот вопрос два текстуальных примера.

В одной из современных философских работ, посвященной проблеме субъекта (Schott, 1994), автор в перечне субъектных качеств человека подразделяет (с достаточным, на мой взгляд, основанием) субъектность как *внутреннюю* установку индивида и субъектность в ее *внешнем* проявлении для других людей. Смысл такого разделения хорошо иллюстрирует другой современный автор (Томпсон, 2001), приводя такое описание. Человек, осуществляя выбор между вариантами своего дальнейшего поведения, склонен оценивать эти варианты как равнозначные, а сам выбор — как проявление своей *свободной* воли. В то же время близкий знакомый этого человека, хорошо знающий его психологические особенности, без особого труда и с высокой степенью достоверности *предскажет* выбор своего приятеля. Означает ли этот пример, что наша внутренняя свобода иллюзорна? Разумеется, нет. Данному примеру можно противопоставить немало случаев «непредсказуемых решений». По-видимому, жизнь человека была бы в равной мере невозможна как в полностью детерминированном, так и в абсолютно случайном мире. Тот же автор в другом месте пишет: «Если я обладаю свободой, то акты выбора, свободно совершаемые мной, войдут в общее число условий, существующих во Вселенной, что, в свою очередь, будет влиять на все, что произойдет в будущем» (Томпсон, 2001, с. 239).

Философско-психологическую сущность обсуждаемой проблемы С.Л. Рубинштейн (1997) определил в терминах «открытости» мира человеку и человека — миру.

В философских эссе позднего периода творчества М. Хайдеггера одно из ведущих мест занимает проблема *истины*. Свою интерпретацию данной проблемы автор строит на основе сопоставления двух сложившихся в истории философии противоположных тезисов: «Истина есть приравнивание (в латинском варианте *adaequatio* — *А.М.*) вещи к познанию и «Истина есть приравнивание познания к вещи» (Хайдеггер, 1991, с. 11). Не принимая ни первое, ни второе утверждение, Хайдеггер противопоставляет им свои условия подхода к истине: «...процесс задавания (ситуации познания — *А.М.*) наперед свободен для открытого и господствующего в нем откровения, которое вносит связь в процесс представления». А главное, «открытость поведения как внутренняя возможность для правильности имеет основу в свободе». Отсюда — знаменитая максима Хайдеггера: «Сущность *истины* есть свобода» (там же, с. 15).

Можно, разумеется, не принимать экстремизм феноменологической позиции Хайдеггера, унаследованной им от его учителя Э. Гуссерля, но нельзя не подчеркнуть принципиальную важность провозглашаемой им субъект-объектной открытости, которая снимает жесткий картезианский дуализм субъекта и объекта. Одновременно нельзя не отметить, что субъект-объектные связи (как и субъектность вообще) остаются за рамками синергетической парадигмы, чем, в конечном счете, и обусловлена невозможность ответа на вопрос о принципах распределения и чередования случайных и детерминированных процессов в системе мироздания.

Принцип обоюдной субъект-объектной открытости вошел в теоретико-методологический арсенал современных психологических исследований, развивающих традиции системного подхода. На основе этого принципа бытие вещей и бытие человеческого сознания объединяются понятием «*со-бытия*», а психические процессы, начиная с *восприятия*, обретают свой онтологический статус и рассматриваются как «непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему» (Барабанчиков, 2002, с. 5).

Связь индивида с миром реализуется преимущественно путем его *социальных* контактов во всем многообразии их цивилизацион-

ных форм. Именно эта непреложная закономерность остается вне поля внимания «классического» европейского экзистенциализма, укоренившегося в своем изначальном феноменологическом индивидуализме, и в большей мере — пожеланием, нежели результатом в рамках синергетической парадигмы. В исследованиях проблемы детерминизма, проводимых в контексте системного анализа, данная закономерность по праву занимает центральное место. Интересна и показательна в этом отношении точка зрения А. Маслоу, оценивающего экзистенциализм с позиций *гуманистической* психологии. Вот что он пишет: «Ударение, которое экзистенциалисты делают на предельном одиночестве и единственности индивида, является не только полезным напоминанием нам, чтобы мы занимались дальнейшей разработкой концепций принятия решений, ответственности, выбора, самосознания, автономности, идентичности и т.п. Это также придает остроту проблеме связи между людьми в их единственности, понимания посредством интуиции и сопереживания...» (Маслоу, 1997, с. 38–39).

Более резко на эту же тему высказывается Т. Адорно: «Ошибка этики, которую многие из вас считают самой передовой, а именно этики экзистенциальной, заключается в абсолютизации протеста против существующего мира, в абсолютизации спонтанности, субъекта, при всей его неопределенности...» И далее: «...если сегодня что-то еще следует называть моралью, то это что-то непременно должно быть связано с определением пути развития мира» (Адорно, 2000).

Отталкиваясь от этой цитаты, легко перейти к попытке ответа на последний вопрос в перечне, предложенном в начале данного раздела, а именно — правомерности претензий синергетики на стирание различия между *научными* и *этическими* ценностями. Синергетика базируется на математическом аппарате, и в этом — ее непререкаемая возможность взаимодействия с точными и отчасти естественными науками. Однако допустимость прямого переноса далеко не однозначных понятий синергетики в сферу человеческого сознания, а тем более — в предельно сложную область нравственных установок, вызывает серьезное сомнение. Для этого потребовалось бы, во-первых, постулировать возможность математизации «пути развития мира» — ведь этические ценности не существуют «сами по себе» (а как тогда быть со «случайностью»?); Во-вторых, это неизбежно ограничило бы (в соответствии с принципом детерминизма!) открытость и спонтанность человеческого сознания, выступающего

в качестве наиболее активного элемента в известной нам сегодня части мироздания.

Попытка решить этическую проблему с помощью простого арифметического расчета уже имела место в философии утилитаризма — Бентам и его последователи (см. Рассел, 1998), но не привела к положительному результату. Что же касается современных аналогичных попыток с привлечением более сложного математического аппарата (см., например, Лефевр, 2003), то такой путь, на котором математическая формализация предваряет содержательный анализ феноменов сознания («подгоняемых» в упрощенном виде к модели), вряд ли способен реально «обогащать» психологическую науку.

Как истина, так и нравственность неотделимы от свободы. Следование установленным этическим правилам (сколь бы ни был обширен их перечень) еще не есть проявление нравственности. Подлинно нравственный поступок предполагает свободный выбор индивида из взаимоисключающих вариантов при столкновении этических норм и необходимости *собственной* оценки конкретной конфликтной ситуации. Показательно в этом отношении сопоставление категорического императива Канта, провозглашение которого потребовало отхода от типичного для данного философа диалектического стиля мышления, с более «гибкой» нравственной позицией Вл. Соловьева. Последний, в отличие от Канта, отказывается от применения неизменного «шаблона» во всех случаях возникновения этических проблем и склоняется к варьированию нравственных критериев в соответствии со спецификой ситуации, сохраняя за индивидом право и обязанность свободного выбора. Автор такого сравнительного анализа (см. Знаков, 1997) отдает предпочтение этической системе Соловьева, с чем, на мой взгляд, трудно не согласиться.

М. Хайдеггер ввел понятие «калькулирующегося мышления», противопоставив его «осмысляющему раздумью» — высшей форме проявления человеческого интеллекта, которая и стала *сущностной* характеристикой человека. Дисбаланс в сторону вычисляющего мышления привел к тому, что «сегодняшний человек спасается бегством от мышления», поскольку для реализации этого процесса в его подлинном значении «подчас необходимы высшие усилия» (Хайдеггер, 1991, с. 104). Итогом примата первой формы мышления стал отрыв человека от природных корней и порабощение его современной техникой. Хайдеггер не затрагивает здесь проблему нравственного мышления, однако сам собой возникает попутный

вопрос: к каким же «достижениям» может привести попытка приложения «калькулирующего мышления» к этой сложнейшей сфере человеческого бытия?

Завершая эти фрагментарные и во многом спорные соображения, мне хотелось бы подчеркнуть два момента.

Допускаемый автором аподиктический тон критических замечаний в адрес синергетической парадигмы вовсе не свидетельствует о *принципиальном* отрицании возможной эффективности этой парадигмы. Напротив, мне представляется, что синергетика, уже занявшая определенную теоретико-методологическую нишу в современной науке, будет и далее способствовать расширению горизонтов науки на пути междисциплинарных контактов. Одна из таких возможностей — интеграция усилий психологии и синергетики в области социальной психологии (например, исследование условий, вызывающих неравновесное состояние социальных структур).

Вместе с тем при обращении к проблеме детерминизма в наиболее сложных формах его проявления (на уровне человеческого сознания) на первый план неизбежно выступает содержательный системно-психологический анализ, который только и может облегчить нам получение ответа на один из самых злободневных вопросов — вопрос о месте и *реальных возможностях* индивида в современном мире, обусловленных его внешней и внутренней свободой.

РАЗДЕЛ III

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА В ПСИХОЛОГИИ

...и познаёте истину, и истина сделает вас свободными.

Иоанн 8, 32

Человек проклят своим стремлением к свободе; дважды проклят невозможностью ее достижения и трижды проклят неспособностью отказаться от своего стремления.

Ж.- П. Сартр

Глава 7

ГРУППОВОЙ СУБЪЕКТ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МЕТАФОРА?

Анализ субъектных качеств человека входит в число актуальных проблем современной психологии. В настоящей статье рассматривается один из аспектов этой многогранной проблемы, сложность и дискуссионность которой усугубляются ее особым положением в пересекающихся сферах психологического и философского знания.

При расширительном толковании субъектности и введении понятия «групповой субъект» (Брушлинский, 1994; 1996; Журавлев, 2000) возникают три допустимых варианта авторского подхода.

- Простой перенос термина «субъект» с индивида на группу.
- Принципиальное отрицание самой возможности приложения данного понятия к группе людей.
- Признание присутствия субъектных качеств как у индивида, так и у группы, но при условии, что главное внимание должно уделяться различиям в проявлении этих качеств.

Первый вариант приходится, видимо, отвергнуть, поскольку он допускает необоснованное нивелирование различий в структуре поведения и его психологической организации у индивида и группы, с чем крайне трудно согласиться. Кроме того, возникает неясная ситуация, при которой реальная субъектность индивида становится сомнительной. Парадокс состоит в том, что наделение группы (или более широкой общности) и индивида одинаковыми субъектными качествами фактически лишает индивида его субъектных преимуществ. Обладающие субъектностью общности (группы) получают тем самым неотъемлемое право на собственное коллективное осмысление проблемы, принятие соответствующего (выгодного для общности) решения и реализацию определенных коллективных действий (далеко не всегда совпадающих с интересами отдельных

индивидов) (Шихирев, 1999). Ситуация возвращается «на круги своя»: индивид противостоит и сопротивляется общности, а общность «давит» на индивида, ограничивая его возможности своей коллективной волей.

Выбор второго варианта может апеллировать к привычному для психолога тезису об уникальности внутреннего мира индивида и принципиальной невозможности какой-либо интеграции этих индивидуальных миров в масштабе группы. Например, современный французский социолог Р. Будон пишет: «...распространение таких концептов, как «воля», «сознание», «психика», на коллективных «субъектов» — не более чем метафора. Понятие «классовое сознание» можно считать полностью приемлемым, если придавать ему индивидуалистический смысл, т.е. интерпретировать его как меняющуюся шкалу мнений индивида по поводу его принадлежности к определенному классу. Понятие *коллективного сознания* еще более неопределенно. Что же касается такого выражения, как *психология толпы*, то оно является не более чем метафорическим нагромождением, основанным на сомнительной риторике» (Будон, 1998, с. 66–67).

Мне думается, что в приведенной цитате корректно ставится вопрос об условности переноса психологических характеристик индивида на психологические особенности группы. Действительно, вряд ли можно рассматривать проявление групповой субъектности как однозначный результат интеграции индивидуальных черт всех членов группы. Вместе с тем, определяя субъектность как способность к оценке ситуации, принятию решения (на основе такой оценки) и реализации действия (Корсунцев, 1999), будет, видимо, логично обратиться к рассмотрению сходства и различий в проявлении этой способности на индивидуальном и групповом уровне (выбрав тем самым третий из перечисленных вариантов подхода к обсуждаемой проблеме).

Следуя этому третьему пути, мы легко убедимся в том, что основные характеристики субъектности по-разному проявляются у индивида и в группе. Прежде всего, это касается, очевидно, познавательных процессов, необходимых для оценки ситуации. Еще Э. Дюркгейм писал: «Мышление групп иное, нежели отдельных людей; у него свои собственные законы» (Дюркгейм, 1995, с. 14). И далее: «Коллективное мышление целиком, как его форма, так и содержание, должно изучаться само по себе, для самого себя, с ощущением того, что в нем есть специфического, и нужно оставить на будущее забо-

ту о том, чтобы обнаружить, в какой мере оно подобно мышлению отдельных людей» (там же, с. 17). Анализ конкретной специфики коллективного мышления так и оставлен сегодня на будущее. Очевидна наивность предположения, что десять умных людей образуют «умную» группу, способную принимать мудрые решения. В иллюзорности такой установки убедился Наполеон, предоставивший высшие государственные должности крупнейшим ученым Франции и очень быстро вынужденный исправить свою оплошность. А вот мнение одного из виднейших специалистов по логике науки А.А. Зиновьева: «...есть проблемы, которые может решить только один человек. Если за проблему берутся два человека, она уже становится трудноразрешимой. Если берутся десять, она почти неразрешима. А когда сотни, тогда — это уже абсолютно неразрешимая проблема» (Русский интеллектуальный клуб, 2000, с. 217). Результаты, получаемые иногда с помощью так называемого «мозгового штурма», не очень убедительны. Если успех и достигается, то причиной здесь служит общее эмоциональное напряжение, выступающее в качестве «катализатора» индивидуальных находок.

Нельзя вместе с тем не отметить, что сравнительная эффективность индивидуального и группового решения проблем существенно зависит от характеристики задач.

Оценка ситуации и принятие решения осуществляются «групповым субъектом» по значительно упрощенной (по сравнению с индивидом) схеме. Решающим фактором здесь становится не итог углубленного анализа, а структурная организация группы (роль лидера, внутригрупповые отношения и т.д.). Например, под давлением авторитетного лидера, преследующего личные цели, может быть принято почти любое, даже абсурдное решение.

Можно было бы продолжить сопоставление двух видов субъектности, но важнее перейти к некоторым промежуточным обобщениям.

Индивидуальный и групповой субъект, по-видимому, весьма различны. Они формируются и проявляются (в своих представлениях и действиях) разными путями и под влиянием разных факторов. Индивидуальный субъект более реален, но обладает большей «таинственностью», выражающейся в большей непредсказуемости его действий. Групповой субъект менее реален, но более предсказуем в своем поведении. Полярность личностных качеств индивидов нивелируется в группе за счет алгебраической суммы, что приводит к меньшей вариативности психологических характеристик.

Групповой субъект более управляем (обмануть тысячу человек легче, чем одного).

Целеполагание и мотивация по-разному реализуются в индивидуальном и групповом плане, а приписываемые групповому субъекту «общность мотивов и целей» следует отнести к разряду идеологических мифов. Внешняя социализированная мотивация и ее внутренняя (часто не до конца осознаваемая) подоплека далеко не однозначны. За социальными масками «свободы», «равенства», «демократии», «прав человека» и т.д. в индивидуальном плане могут скрываться зависть, месть, страх, жадность, стремление к «красивой жизни» и т.п. Все эти качества маскируются эффектным лозунгами, особенно тогда, когда эти лозунги обретают массовое «все-народное» звучание. Наличие таких объединяющих лозунгов и их «разнотчтение» на индивидуальном уровне способствуют любому масштабному социальному движению. Например, в коллективном действии, направленном на смену власти, одни индивиды руководствуются своими честолюбивыми замыслами, другие — корыстью, третьи — желанием мести, четвертые — стремлением уйти от ответственности за сделанное ранее и т.д. В целом же происходит социальная революция, масштабы и характер которой определяются количеством задействованных лиц и преобладанием тех или иных установок. Широта же охвата народных масс зависит, в свою очередь, от того, насколько выдвинутые идеологические лозунги соответствуют внутренней мотивации (обычно скрываемой) отдельных индивидов и малых групп.

Таким образом, прогноз, целеполагание и выбор решения, приписываемые нередко коллективу («коллективному разуму») фактически не являются его уделом, чем, возможно, ставится под сомнение само понятие «групповой субъект». «Технология» этих процессов обеспечивается иной схемой, где инициатива на всех стадиях принадлежит отдельным индивидам. «Выбор», формально реализуемый группой, в большинстве случаев лишь фиксирует predetermined решение. В этой связи приходится признать, что многократно раскритикованная теория заговора («история как заговор» со стандартной последовательностью событий: активность харизматических лидеров — создание активных малых групп — формирование больших общностей — массовое движение) заслуживает большего доверия, нежели апелляция к «самосознанию народных масс». Именно по такой схеме разворачивались все крупнейшие революции и политические движения.

Групповая субъектность требует, видимо, наличия определенного группового отношения к окружающей действительности. Широкое распространение получила детально разработанная С. Московичи и его продолжателями концепция социальных представлений (Московичи, 1995; Якимова, 1999; Moscovici, 1984). По этой концепции главная характеристика социальных представлений — их общепризнанность в результате коммуникаций. Постулируется существование двух форм бытия (двух универсумов): материализованного и конвенционального. Первая форма — это мир науки, доступный узким специалистам. Вторая — общедоступные социальные представления (т.е. воспроизводятся довольно старая дихотомия представлений на научные и обыденные). Для перехода научных представлений в ранг социальных необходимо включение новых понятий в ранее известные схемы, чем достигается «ощущение социального комфорта и непрерывности бытия» (здесь и далее цит. по: Якимова, 1996, с. 27). Происходит так называемая «анкеровка» — привязка нового к уже известным категориям и прототипам. Категоризация — это выбор прототипа из всей массы матриц, хранящихся в социальной памяти, «помещение объекта в сеть социальных конвенций». Тем самым исчезает различие между образом и реальностью. Образ становится «конвенциональной реальностью», а «понятие» приобретает авторитет естественного факта» (Якимова, 1996, с. 33). Отсюда неизбежно вытекает информационная ограниченность социальных представлений. Их удел — оперирование упрощенными популяризированными понятиями, ставшими привычными для данного общества.

Как же в таком случае возможно обновление содержания социальных представлений? Новое возникает лишь постольку, поскольку оно способно «оживить диалог», вдохнуть новую струю в коммуникацию, «спасти мир от рутинности повторяемости» (Якимова, 1996, с. 33).

Соответствующая трансформация (в сторону упрощения) происходит при трактовке социальной причинности. На уровне «социальных конвенций» широко используется замена поиска реальных каузальных связей упрощенным объяснением скрытых мотивов поведения. Например, назвав политического девианта «врагом народа», обыватель обретает конкретный физический образ, легко укладывающийся в привычные для него понятийные схемы. (Аналогично действуют, видимо, в современном обществе

такие социальные штампы, как «противники реформы», «международный терроризм» и т.п.)

Мир человека таков, каким он дан ему в его социальных представлениях. Отсюда — их первостепенная роль в качестве объекта социальной психологии.

Значительный интерес, проявленный к концепции Московичи, обусловлен в основном тем, что, по мнению ее сторонников, она призвана противостоять бихевиористской (скиннеровской) схеме жесткой государственной детерминации социального поведения и потому хорошо согласуется с современной тенденцией всемерной демократизации общества. При этом предполагается, что люди, освободившиеся в своей массе от идеологического прессинга «сверху», начинают сами создавать картину мира по принципу свободного творчества.

Однако при ближайшем рассмотрении этиологии социальных представлений желанная духовная свобода группового субъекта оказывается явно иллюзорной. Реальные возможности такого социального «творчества» ограничиваются усвоением информации, уже накопленной в мире науки. Но и такая примитивная активность становится возможной лишь при участии целенаправленно подготовленного отряда специалистов, которые адаптируют сложные научные сведения для их массового употребления. Что же касается индивида, то его участь оказывается совсем незавидной, поскольку он (индивид) лишь «актуализирует в себе аккумулированный поколениями социальный опыт мышления» и «как бы мыслит заново уже “помысленным» до него» (Якимова, 1996, с. 23). На наш взгляд, такая идиллия возможна разве что в очень стабильной социальной ситуации, когда довольный жизнью обыватель благодушно «впитывает» стандартные представления процветающего «традиционного» общества. В условиях нарушенного социального равновесия только индивидуальные находки могут привести к новому решению возникающих проблем. Здесь индивид выступает в качестве «индикатора» социальных аномалий по принципу: человек недовольный — надежда общества.

Следует, правда, признать, что обсуждаемая концептуальная схема содержит (в скрытой форме) неплохие практические рекомендации для властных структур. Любая власть должна в своем общении с народом, видимо, стремиться к тому, чтобы

а) искаженно объяснять каузальные связи, подменяя реальные причины надуманными;

б) оправдывать высокими целями любые средства (сколь бы неблагоприятны они ни были), маскируя при этом реальные задачи заинтересованных лиц и групп;

в) при идеологическом воздействии на массы опираться на уже сложившиеся стереотипные понятия типа «прогрессивное человечество», «цивилизованные страны» и т.п.

Реализация таких форм влияния на социум сегодня предельно облегчена четкой организацией информационных служб. Но при этом возникает закономерный вопрос: в какой мере информационный тоталитаризм лучше более грубых способов социального давления?

При некоторой «моде» на концепцию Московичи, сложившейся в условиях масштабного идеологического обвала, она вызывает обоснованные критические замечания со стороны ведущих психологов. Английские психологи Маккинли и Дж. Поттер полагают, что, оставаясь в рамках этой концепции, трудно получить ответ на вопросы о критериях «правильности» социальных представлений, позволяющих соотнести их с «внешним» реальным миром. Вызывает также сомнение состоятельность разграничения двух «универсумов»: научного мира «голых фактов» и мира обыденных понятий. По мнению этих же авторов, остается неясным сам механизм формирования социальных представлений, туманно описываемый как «схватывание» и вовлечение незнакомого в когнитивный процесс, а также жесткая «историческая детерминация», в результате которой творчески активные индивиды оказываются заложниками прошлых представлений (цит. по Якимова, 1996).

Английский философ Р. Харре указывает на то, что французская школа описывает не реальные структурированные группы, а идеальные образования, сформированные самим наблюдателем (вместо того чтобы брать реальные отношения людей в сети социальных ролей). При этом стираются различия между совокупностью индивидов и группой, обладающей надындивидуальными свойствами. В отличие от французских коллег, Харре гораздо корректнее, на мой взгляд, определяет задачу социальной психологии, решая которую исследователь должен получить ответ на вопрос, как теория (идеология, верование) может «имплицитно присутствовать в *действиях* (выделено мной — А.М.) людей, неявно участвуя в их социальной или материальной практике» (Harre, 1984, с. 931).

Немецкий социальный философ Ю. Хабермас без ссылки на Московичи и с элементами критицизма обобщает суть идейной

«модернизации», порожденной капиталистическим обществом и заключающейся в том, что «доминирующие составные части культурной традиции все больше *теряют* характер мировоззрений, следовательно, характер интерпретации мира, природы и истории в целом». При этом «когнитивное притязание постичь реальность уступает место постоянно меняющимся популяризаторским обобщениям данных науки и искусства...» (Хабермас, 1995, с. 285).

Дополняя цитированные замечания, нужно отметить достаточно очевидную уозость подхода школы Московичи к вопросу о конкретных источниках социальных представлений. Наряду с популяризацией научных данных (а это всего лишь обновленный вариант просветительской деятельности!) несомненное влияние на формирование социальных представлений оказывают такие факторы, как

- политические установки и соответствующая им идеология (Шихирев, 1999);
- национальные и народные традиции;
- религиозные взгляды (в их ортодоксальном и трансформированном виде);
- влияние лидеров и активных малых групп, каждая из которых заинтересована в реализации своей социальной «модели»;
- наконец, существующий хозяйственно-экономический уклад с соответствующим данному историческому этапу агитационными лозунгами (типа «Обогащайтесь!» и т.п.).

Интегрируя перечисленные замечания по концепции Московичи и оценивая их сравнительную валидность, нужно вернуться к приведенному выше высказыванию Харре. Но для большей ясности в подходе к проблеме социального действия обратимся сначала к сравнительно недавним эмпирическим находкам американских психологов. Л. Фестингер, А. Уикер и Р. Эйбелсон (цит. по Майерс, 1997) были немало удивлены, когда обнаружили в своих исследованиях, что по психологическим установкам людей нельзя прогнозировать их поведение. Если связь между этими элементами и существует, то она, скорее, обратна той, которая предписывается классической схемой бихевиоризма. Поведение выполняет роль лошади, а установка — телеги. По выражению Р. Эйбелсона, мы «очень хорошо научились и очень хорошо находим причину того, что делаем, но не очень хорошо делаем то, чему находим причины» (цит. по Майерс, 1997, с. 155). На этом основании делается вывод, что

в ситуациях, не терпящих отлагательства, следует ориентироваться не на мнение людей и даже не на их личностные характеристики, а на то, как люди реагируют.

Таким образом, сложившаяся тенденция рассматривать социальные представления в качестве исходного и ведущего звена в социальной динамике, а тем более наделять их неким «самобытием» и «саморазвитием», оказывается весьма уязвимой при ее оценке с позиций современных реалий социальной жизни. Идиллия неспешного усвоения обществом умеренного количества научных достижений могла существовать в эпоху Просвещения. Сегодня же, когда потоки информации сменяются примерно втрое быстрее смены поколений, когда динамика событий зачастую требует от индивидуального и группового субъекта практически немедленных решений и действий, роль стабильных социальных представлений в организации поведения людей значительно снижается. Решающими факторами становятся механизмы подражания и готовность к поверхностно мотивированным действиям, нацеленным на достижение сиюминутного успеха. В сочетании с небывалой атомизацией общества, эти факторы предельно облегчают процесс манипулирования сознанием и поведением людей.

Разумеется, из этого вовсе не вытекает ненужность или невозможность научного анализа коллективной «образной сферы». Просто для этого нужно согласиться с тем, что в реальном поведении группового субъекта представления и действия неразрывно связаны. Адекватное поведение индивида возможно благодаря теснейшему взаимодействию сенсорных и моторных процессов (образ выступает в качестве регулятора действия). Точно так же, но гораздо сложнее и вариативнее переплетаются в реальном социальном поведении социальные представления и социальные действия. Более того, как в поведении индивида нередко наблюдается инверсия мысли и действия (сначала сделал, потом подумал), так и в социальной динамике очень велика вероятность аналогичных перестановок. История изобилует примерами того, как социальные действия, выполненные по принуждению или путем подражания, в дальнейшем становятся базой для определенных идеологических построений. В совокупности субъектных качеств (индивидуальных и групповых) именно *действие* выступает как системообразующий фактор и главный показатель «субъектности». Здесь уместно вспомнить известную оценку Ф. Бисмарком реальной значимости общественного мнения: «Меня не интересуют их намерения,

меня интересуют их возможности» (цит. по Заславская, 1996, с. 9). В философской антропологии А. Гелена (Helen, 1962) действие представлено как основная характеристика человека, поскольку только в действии снимается дуализм процесса и результата, души и тела, субъекта и объекта.

Один из парадоксов развития социальной психологии состоит в том, что теория социальных представлений и теория социального действия никак не связаны между собой. Причина этого достаточно очевидна: теория социальных представлений ориентирована на *социологизм* Дюркгейма (им введено понятие коллективных представлений), а теория социальных действий, наиболее развернуто выраженная в позиции М. Вебера (и сохраняющая, по мнению Будона, свою валидность на сегодня), берет начало в *психологизме* Дж.Ст. Милля и экономической схеме А. Смита. В первом случае за точку отсчета принимается социальная группа, индивид же (как было показано выше) лишь впитывает в себя ментальные достижения группы. Во втором — активность отдельных индивидов, простая сумма действий которых приводит к групповому действию. При этом нивелируется разнообразие индивидуальных мотивов действия и предполагается, что индивид сначала приобретает опыт действовать самостоятельно и лишь затем переходит к групповым действиям.

Мне представляется достаточно очевидной неэффективность такого исторически сложившегося движения исследовательской мысли по разным путям и необходимость объединения усилий социальных психологов в направлении целостного анализа всего *континуума* социального поведения с учетом сложных противоречий во взаимодействии индивидуального и коллективного сознания (Митькин, 1999).

Анализ проблемы межгруппового взаимодействия, закономерно обсуждаемой социальными психологами (Агеев, 1990), выходит за рамки данной главы. Здесь же следует отметить наблюдаемую сегодня резкую дифференциацию социальных групп по степени их субъектных возможностей, имеющую аналогию на индивидуальном уровне. Индивиды обретают сегодня дополнительную шкалу различий по своей склонности (и возможности) к «макиавеллизму» (скрытому манипулированию другими людьми (см. Знаков, 2000)). В терминах другого автора, в условиях современного постмодерна и западного типа знания происходит «закабаление мира в качестве объекта: установление такой асимметричности отношений, когда

«другой» становится все более предсказуемым для меня, а я становлюсь все менее предсказуемым для другого. Собственно, в этой асимметрии и заключено главное прельщение власти: субъект сохраняет свободу воли, тогда как «объект» ее полностью лишается (Панарин, 1999, с. 11).

По такому же принципу и с тенденцией к расширению этого процесса осуществляется дифференциация малых и больших (включая государства) социальных групп.

Возвращаясь к постановочной части главы, следует, видимо, задать закономерным вопросом: как же изменяется «качество субъектности» при переходе от индивида к группе и от малой группы к большой? Допуская некоторую степень условности и определенную схематизацию, можно выделить две противоположные тенденции на этом пути.

Первая характеризует изменения когнитивной составляющей поведения (целенаправленный отбор информации, интеллектуальный анализ, умозаключение). Здесь возможности индивида превосходят возможности группы. Чем многочисленнее «субъект», тем сильнее снижается его субъективность по данному параметру. Группа может выступать в роли своеобразного «демпфера» индивидуальной инициативы. Творческие находки индивида «вязнут» тогда в стереотипности массового сознания и возвращаются на уровень индивидуального сознания в упрощенном и усредненном виде, лишившись многих элементов своей новизны.

Вторая тенденция касается эмоционально-волевой составляющей поведения. Здесь субъектность группы получает явный приоритет. По словам Гёте, самое трудное — это переход от мысли к действию. В группе такой переход осуществляется значительно проще за счет механизмов подражания, эмоционального «заражения», «чувства локтя», снижения групповой ответственности и т.д. Здесь роли индивида и группы инвертируются. Теперь уже «думающий индивид» может демпфировать чрезмерную импульсивность группы. Но он же неминуемо испытывает обратное влияние: групповой энтузиазм (при всем многообразии форм его выражения и различиях в масштабе) становится стимулом и определенным этическим эталоном для индивидуального поведения. В конечном счете, на пути эмоционально-волевой интеграции больших общностей формируются нравственно-религиозные и сциентистски объясняемые идеалы, имеющие важное значение для исторического процесса и служащие основанием для представлений о мессианской

роли тех или иных социальных образований (наций, классов), «пассионарности» определенных этносов и т.п.

Социальная «саморегуляция» предполагает тесное взаимодействие обозначенных тенденций. Вместе с тем это взаимодействие в его наиболее сложных формах (выхода на уровень мировоззренческих категорий) приводит к противопоставлению рационального и иррационального, эмпирического и трансцендентного.

В первом понятии каждой пары в большей мере представлено индивидуальное сознание, а во втором — коллективное.

Приведенная дихотомия созвучна введенному Б.Ф. Ломовым (1999) принципу выделения в составе целостной психики *когнитивной* подсистемы и *регулятивной* подсистемы, включающей эмоционально-волевые процессы.

Гармоничное сочетание индивидуальной и групповой субъектности (в их описанной специфике) — условие эффективности *социального действия* как базового элемента социодинамики. В форме социальных аномалий выступают крайние варианты: чрезмерная групповая саморефлексия, ведущая к социальной пассивности и лишенная когнитивного регулятора эмоциональность, порождающая многократно описанный эффект толпы.

При попытках предельного (в земных масштабах) расширения понятия субъектности и приложении этого понятия к человечеству в целом как «субъекту истории» (Хабермас, 1995) мы попадаем в сферу интересных и очень далеких от завершения дискуссий, где старые футурологические претензии переплетаются с модными синергетическими схемами (Будон, 1998) и умозрительным поиском философской антропологии (Гуревич, Степин, 1997).

Ю. Хабермас приходит к мотивированному отрицательному ответу на вопрос о реальности «субъекта истории». Характерные для философии истории понятия «самоконструирующегося» и «само-создающегося» человечества он сравнивает с проблемами теодицеи: «история, конструируемая ...как история эмансипации, всегда имеет субъекта, который, подобно Богу в еретической мистике, должен совершить парадоксальное действие: быть тем, что в известной мере уже существует, но, с другой стороны, еще не существует. Понятийная мотивация в обоих случаях строится по принципу дополнительности: единый и всемогущий Бог должен оказаться ниже порога Своего всеислия; а человеческий род, опираясь на свою собственную ограниченную силу, должен возвыситься над самим собой» (Хабермас, 1995, с. 286).

Попутно автор высказывает сомнение в принципиальной возможности приложения понятия «субъект» к человеческим «действующим единствам». «Даже Маркс,— пишет он,— не всегда ясно представлял, что атрибуты, которые он приписывал классам (классовое сознание, классовые интересы, классовые действия), ни в коем случае нельзя понимать как проекцию качеств индивидуального сознания на коллектив» (там же, с. 289).

По утверждению автора, «история — это результат, а не что-то изначально гарантированное благодаря деятельности субъекта, который в процессе воспитания сам себя создает» (там же, с. 288). А общий вывод звучит так: «Сам себя создающий субъект истории был и есть фикция» (там же, с. 289).

Степень фактической субъектности индивида и группы существенно зависит от реалистичности социально-исторических прогнозов и выявления тех границ, в которых принципиально возможен выбор действий. «История заканчивается сегодня»,— утверждает К. Поппер (1992, т. 2, с. 486). «Прежде всего нам следует расстаться с одной нелепой привычкой: мы не должны думать, что мудрец способен предсказать, что *произойдет*» (там же). Однако при этом автор считает, что «мы можем влиять на будущее, можем приложить все силы, чтобы сделать его лучше» (там же). Здесь Поппер впадает в очевидное противоречие. Если исторический прогноз абсолютно невозможен, то какой смысл имеют наши попытки «влиять на будущее»? И как можем мы знать, приведут ли наши усилия к «лучшему» или «к худшему»? Ведь все масштабные политические движения (в том числе опирающиеся на диаметрально противоположные идеологические основы) совершались и совершаются «во имя светлого будущего»!

С.Л. Франк (1992), подходя к вопросу о границах человеческой свободы, вводит понятия «эмпирическая необходимость» и «онтологическая необходимость». Первая позволяет человеку (индивиду и группе) производить выбор намечаемых действий и варьировать пути решения поставленных задач. Вторая требует строгого соблюдения «внеисторических» и «вневременных» законов, нарушение которых грозит человеку тяжелыми последствиями (немедленными или отсроченными). Сложность положения человека остается одной и той же на протяжении всей истории: как отличить возможное от невозможного и откуда почерпнуть необходимую для этого «мудрость»?

Вместе с тем эта проблема звучит как вопрос о рациональности или иррациональности исторического процесса, о наличии в нем

высшего (или хотя бы какого-либо преходящего) смысла и о реальных возможностях человеческого воздействия на ход истории. Идущая в западной философии от Платона и укрепленная Гегелем мысль, согласно которой человеческий разум имеет надежные корни в Абсолюте (Космосе), чем и гарантируется разумность действий человека, серьезно поколебленная сегодня, когда большой резонанс приобретают слова Блаженного Августина, сказавшего, что разум — одно из самых сомнительных свойств человека (цит. по Гуревич, Степин, 1994).

Вот что пишет А.С. Панарин о «парадоксе Запада», обусловленном его стремлением к реализации утопии порядка: «Технологии растущего упорядочивания мира таят нечто роковое: порядок, устанавливаемый в результате их активного применения, оборачивается в конечном счете большим беспорядком, чем тот, с которым инициаторы накануне обещали расправиться. Пятисотлетняя эпопея модерна со всей наглядностью демонстрирует этот парадокс: каждая последующая фаза в процессе упорядочивания мира оказывается чреватой гораздо большими потрясениями и катаклизмами, чем предыдущая» (Панарин, 1999, с. 11). В последующем тексте той же статьи цитируемый автор несколько смягчает явно мрачноватый (хотя и обоснованный) тон этого абзаца, возлагая некоторые надежды на то, что Восток, в отличие от Запада, сумеет найти более достойный ответ на очередной «вызов Истории» (употребляя терминологию А. Тойнби (1995)).

Мне думается, что сегодня нужно разнести три очень разных по степени сложности и важности вопроса.

Оценка всякого рода футурологических, подчас весьма наукообразных прогнозов и пророчеств, неизбежно насыщающих идеологический вакуум. Ответ на этот вопрос не требует больших научных усилий.

Отношение к замаскированным под высокую научную объективность пропагандистским прогнозам перспектив мирового развития (сопровождаемым соответствующими действиями), примером которой могут служить проводимые сегодня с целью ослабления «коллективной идентичности Востока... игры вестернизации, связанные, разумеется, не с перераспределением прибыли в пользу Востока, а с культурным и нравственным разложением и расколом его, с провоцируемыми водоразделами между западной элитой и изгойской туземной массой» (Панарин, 1999, с. 203). Ответ на этот вопрос — преимущественная

компетенция политиков, но и позиция ученых должна играть определенную роль.

Оценка реальных возможностей человека (индивидуальных и групповых) по активному воздействию на социальные процессы. Здесь психологам и социологам принадлежит далеко не последнее слово.

Историко-философская мысль продолжает свою флуктуацию между двумя крайностями: тезисом о зависимости истории от человеческого разума и тезисом о случайном, иррациональном характере истории. На самом деле вопрос стоит так: какова роль человеческой субъектности (т.е. возможности адекватного восприятия и понимания, планирования действий и их реализации) в процессе *самоорганизации* общества. Все перечисленные компоненты *включены* в процесс исторического саморазвития: отрицать это так же нелепо, как отрицать наличие рассудка у индивида. Решает ход событий не мифологический «планетарный Разум», который якобы призван «спасти» человечество, и не «случайность», оставляющая за сознанием роль эпифеномена, а *взаимодействие* сознания (во всех его проявлениях) с механизмами саморегуляции. К последним наряду с влиянием прямых и обратных связей следует, видимо, отнести имманентные силы биосоциогенеза, направленные на видовое самосохранение и обозначаемые некоторыми авторами (А. Вебер, С. Франк) как видовой «энтелехия». Поэтому от человека требуется «совсем немного» — разумно относиться к своей собственной природе.

Один из парадоксов человеческого поведения состоит в том, что степень и форма активного сопротивления «судьбе» (объективным условиям), дающие *реально* полезный результат, так же неизвестны человеку, как степень и форма пассивной покорности судьбе. Трудно, однако, согласиться с утверждением некоторых религиозных течений (например, суфизма), отрицающих принципиальную разницу в этих двух установках, поскольку человек активен по своей натуре и вся его история — это ступени противостояния внешним условиям и собственным внутренним тенденциям.

Вместе с тем многократно воспроизводимый вопрос о смысле истории и ее конечной цели (Ясперс, 1991) (при его несомненной правомерности) выходит за рамки сциентистской проблематики. Даже для условного ответа на этот вопрос требуется выйти за пределы земного человеческого бытия с присущей ему системой измерений и понятий, т.е. занять позицию внешнего наблюдателя, обладающего более масштабным «метасмыслом». В этой связи

уместно вспомнить Спинозу, сказавшего когда-то, что цели есть только у Бога, люди же руководствуются одними иллюзиями. Беспристрастный взгляд на историческую ретроспективу заставляет признать (соглашаясь со Спинозой), что в истории действительно преобладает иллюзорность целей, неадекватность средств для их достижения и результаты, противоположные тем, которые предполагались.

Как это ни парадоксально, но такой «ход истории» — вовсе не причина для пессимизма и полного неверия в силы человека. Гораздо трагичнее для человечества была бы обратная ситуация: беспрепятственная реализация всех идей, посетивших головы политиков и вдохновивших активные социальные группы. Здесь мы можем убедиться еще раз в мудрости механизмов биосоциального, строго проверяющих идеи на их «жизнеспособность», подобно тому, как элиминируется подавляющее большинство биологических мутантных форм.

Разумеется, постоянное присутствие в истории хорошо отлаженных механизмов «автоматического» регулирования (Василькова, 1999), способных откорректировать чрезмерные претензии человеческой мысли, не снимает вопрос о «субъектных» качествах больших социальных групп и человечества в целом. Сегодня это качество проходит очередное и не самое легкое испытание. Одним из парадоксов современности стал тот факт, что процесс политико-экономической и информационной глобализации общества одновременно породил такой информационно-идеологический «белый шум», в котором индивид «глохнет» и, потеряв всякие надежные ориентиры, стремится к социальной самоизоляции. Отсюда проистекает небывалая атомизация общества и появление широчайших возможностей манипуляции сознанием с разделением социума на манипуляторов и манипулируемых. Отсюда же — возможность почти неограниченной спекуляции псевдоидеями и лжеценностями. При этом заманчивые призывы к созданию процветающей планетарной общности на деле оборачиваются откровенным прагматизмом идеологов новой системы, отстаивающих интересы уже сложившейся мировой элиты и демонстрирующих полное невнимание к аргументации, противоречащей этим интересам.

Примеров тому более чем достаточно. Неопровержимые выводы из работ Римского клуба, требующие разумного ограничения уровня потребления, спровоцировали лишь еще более жесткую межгосударственную и межклановую конкуренцию за остатки «земных благ».

Всемирная экологическая конференция 1992 г. в Рио-де-Жанейро пришла к заключению о неотвратимости глобальной катастрофы, к которой приведет современная политико-экономическая система капитализма. И в том же 1992 г. (!) в России провозглашаются государственные лозунги: «Вперед в капиталистическое будущее» и «Вольемся в мировую цивилизацию!».

Еще один из многих парадоксов истории выглядит так. Оставив позади тысячелетия интеллектуального и духовного развития, достигнув небывалого уровня материальной культуры и фантастических возможностей техники, испытав различные схемы социального устройства, совокупное человечество, выступающее под громким именем «субъекта истории» оказалось вынужденным решать с большим напряжением сил главную и единственно реальную (все остальные имеют второстепенное значение) проблему — как *выжить* индивидуально и коллективно (Корсунцев, 1999), т.е. ту проблему, которая была успешно решена разрозненными племенами наших диких предков на заре антропогенеза. Стоило ли для этого городить весь «исторический огород»!

По-видимому, если и существует некоторая субъектность больших групп, то в современном *постиндустриальном* мире ее ядро должно составлять твердое нравственное начало, не подверженное влиянию голого прагматизма (а не техническая оснащенность и военная мощь и даже не широкие возможности реализации властных функций). В предстоящем противостоянии «групповых субъектов» регионального и планетарного масштаба решающее преимущество получит та сторона, которая сумеет подняться под потоком обесмысленной информации и усмотреть в хаосе социального бытия трансцендентную перспективу и нравственный идеал, способный вдохновить, увлечь и объединить разрозненных сегодня людей.

Оценивая мировую ситуацию середины прошлого века и причины кризиса европейской культуры, А. Вебер писал: «...крупные государства, которые одни теперь принимают решения, должны знать: устойчив лишь такой раздел власти на Земле, над которым возвышаются в качестве последних и решающих определений духовные и моральные принципы и который сам ставит себе границы и предоставляет более слабым или совсем беспомощным — в том числе и побежденным — жизненное пространство, духовную свободу и достоинство для практических и политических действий. Все остальное было бы лишь промежуточным актом к худшему» (Вебер, 1999, с. 534).

В заключение следует, видимо, внести ясность по двум пунктам. Во-первых, дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок. Автор полагает, что качество субъектности в его приложении к группе людей имеет в большей мере метафорический, нежели реальный характер. При этом степень такой метафоричности возрастает при переходе от малых групп к большим человеческим общностям. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, *что* настоящий текст написан в явно дискуссионном стиле. Некоторые из выдвинутых в нем положений весьма спорны и выходят за традиционные рамки социальной психологии.

Глава 8

ГРАНИ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Проблема субъекта в ее различных теоретических и прикладных модификациях занимает сегодня заметное место в психологических исследованиях. Концептуальные трудности, возникающие при анализе категории субъекта, обусловлены ее системной *многомерностью*, фактической *мультидисциплинарностью* и разноплановостью конкурирующих интерпретаций, сложившихся в рамках разных теоретических школ и эмпирических установок.

Определения понятий «субъект» и «субъектность» широко варьируются у разных авторов. Большинство исследователей склонны выделять в качестве наиболее общих дефинитивных характеристик субъекта его *активность, целостность и автономность* (см. (Брушлинский, 2002; Максимова, Александров, Тихомирова и др., 2004)). В более развернутой форме субъектность определяется как способность человека управлять своими действиями, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий.

Приведенные определения в значительной мере условны и не устраняют неясностей, возникающих при стремлении дать строго аргументированное описание субъектных качеств и самого понятия «субъект». В качестве причин, порождающих размытость в определениях названных понятий, могут быть указаны следующие: 1. Готовность психологов канонизировать некоторые известные философские постулаты (со ссылкой на масштабные исторические фигуры), что создает иллюзию достаточной конкретности обсуждаемого понятия в его философской ипостаси. 2. Философские, эволюционные и психологические аспекты проблемы не коррелируют между собой, а зачастую — противоречат друг другу. 3. Нечеткость и сомнительная убедительность аргументаций (эмпирических

и логических) при размежевании субъектных качеств человека с другими его характеристиками.

В предлагаемой главе последовательно излагаются основные (по мнению автора) аспекты субъектной проблематики, включающие ее философские составляющие. При этом автор не стремится к опровержению уже сложившихся в обсуждаемой сфере традиций, но лишь выносит на предполагаемую дискуссию альтернативные варианты подхода к проблеме, что может способствовать дальнейшему развитию и углублению исследований, проводимых в данной области.

Философский аспект

В современных философских работах интегративного характера категория субъекта рассматривается по следующим направлениям: а) субъект как некая область в сознании индивида, выделенная из его внутреннего мира и имеющая свои границы; б) субъект как носитель познавательной функции; в) субъект как объединяющая инстанция, где сходятся и взаимодействуют внутренний мир человека (доступный только ему самому) и «объективный субъект», доступный внешнему наблюдению и выступающий в роли личности (именно в этой инстанции разграничиваются и взаимодействуют преимущественные интересы психологии и социологии); г) субъект как понятие, идентичное понятию самосознания; д) субъект как конструкт, обеспечивающий единство, преемственность и самоидентичность сознания; е) субъект как гарант независимости и автономности индивидуального сознания (Verschwinden des Subjekts, 1994).

Исторические предшественники

Представление о субъекте прошло длинный и сложный путь развития в истории философской мысли, на разных этапах которого по-разному высвечивалась и акцентировалась субъектная проблематика. Остановимся предельно кратко на некоторых фрагментах этого пути.

Уже в древнеиндийской философии проблема человеческого Я (самости индивида, неизменного ядра его сознания) занимала одно из ключевых мест и решалась диаметрально противоположно в основных философских течениях. Буддизм полностью отрицал существование индивидуального Я, считая это понятие иллю-

зорным. В философии джайнизма, напротив, именно внутреннее Я человека признавалось главной реальностью мироздания (Росс, Хиллс, 1999). Эти представления восходят, в свою очередь, к истокам индуизма с его базовыми понятиями *брахмана* как высшей реальности (Абсолюта), творческого начала, в котором все возникает, существует и прекращает существование, и *атмана* как субъективного психического начала («души»), которое соотносится с первичной объективной реальностью — брахманом. Постигание *тождества* атмана и брахмана — одна из главных и наиболее трудных заповедей индуизма и буддизма, исполнение которой позволяет человеку разорвать цепь бесконечных реинкарнаций и достичь состояния нирваны (слияния с брахмой). Установка буддизма на иллюзорность человеческого Я порождает концептуальные контраверсы, которые получили отзвук в более поздних модификациях этого религиозного течения (Торчинов, 2002).

Если индивидуальное Я иллюзорно, то как может оно противостоять реальному могуществу *сансары* (бесконечной цепи превращений) и не будет ли любой исход такого противостояния лишь еще одной дополнительной иллюзией? И далее: если удел индивидуального Я — страдание (как гласит «первая благородная истина буддизма»), а само Я — не более чем иллюзия, то не оказывается ли слишком низкой цена такого страдания?

Таким образом, сопоставление базовых принципов субъект-объектного *тождества* и субъект-объектной *дихотомии* возникло и получило достаточно рельефные очертания задолго до того, как оно стало одним из ведущих лейтмотивов в развитии западной философской мысли.

В древнекитайской философии *даосизма* проявление внешней активности человека, направленной на изменение действительности, рассматривалось как отклонение от истинного пути (*Дао*). «Горе реформаторам и моралистам, проповедующим чистоту и добродетели, — говорил один из представителей этого направления Чжуан Цзы — они убегают от собственных теней» (цит. по: Росс, Хиллс, 1999, с. 116). Мудрый человек должен просто внимательно вслушиваться в собственную глубинную природу, сохраняя «три сокровища»: любовь, умеренность и смирение. Таким способом он достигает гармонии с *Дао* — единственной реальностью, источником всего сущего, «матерью всех вещей».

Степень влияния восточной философии на мировоззренческое развитие Запада не получила однозначной оценки. Вместе с тем

несомненная специфичность культурного развития Западной Европы остается историческим фактом. По оценке Б. Рассела, «во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапность возникновения цивилизации в Греции» (Рассел, 1998, с. 18). При попытках такого объяснения можно по-разному относиться к возможной роли «субъектности» греческого общества в этом процессе. Т. Адорно, например, полагает, что в дневнегреческой философии понятие субъекта вообще отсутствовало (Адорно, 2000). О. Шпенглер считал, что греки в большей мере были «объектами», нежели «субъектами» (Шпенглер, 1998). С этими суждениями можно согласиться лишь в терминологическом плане. Что же касается общего «стиля жизни» греков, то его сущностной характеристикой стала установка на активное *преобразование* мира силами человека. Смирению Востока было противопоставлено дерзновение в мыслях и действиях, нацеленное на всемерное расширение границ возможного и дозволенного как в познании, так и в практическом поиске. Результатом стали небывало высокие темпы научного, технического, экономического и социального развития общества.

Субъектные качества человека проявились в героическом пафосе греческого эпоса, лирики и трагедий, в которых мотив антиномичности *судьбы и свободы* прозвучал с огромной художественной силой, получив спустя много веков отзвук в романтизме Нового времени. Неизбежная физическая гибель трагического героя в борьбе с непреодолимой силой знаменует в то же время нравственное торжество его мятежного духа. Вместе с тем героика борьбы не нарушала принцип всестороннего физического и духовного развития индивида. Так называемый «аполлоновский» человек сохраняет полную гармонию с природой, утраченную впоследствии «фаустовским» (в определении Шпенглера) человеком, главными характеристиками которого стали жесткий индивидуализм, «воля к власти», готовность к нравственным компромиссам и неудовлетворенность жизнью.

В досократовский период развития философской мысли «субъект» действительно оставался «за сценой», что вполне объяснимо. Внимание пытливых исследователей было всецело направлено на внешний мир (подобно тому, как действие рабочего инструмента направлено на обрабатываемые предметы и менее всего на себя).

Исследовательская мысль древнегреческих философов была сконцентрирована на определении таких глобальных категорий,

как «первоначало», движение и его сущность, базовые элементы мироздания, целостность и делимость мира и его элементов и т.п. (Мотрошилова, 1991).

Особое место в досократовской философии занимает Протагор, широко известный своим изречением, которое звучит так: «Человек есть мера всех вещей, сущих — что они существуют, несущих — что они не существуют» (цит. по: Шпенглер, 1998, с. 261). Звучность и доходчивость этого тезиса создает, по словам Хайдеггера, обманчивую «видимость, будто Протагор — это как бы Декарт греческой метафизики» (там же, с. 265). Еще более неправомерно стремление обнаружить у греческих натурфилософов и софистов черты «субъективизма», характерные для новоевропейской мысли. Как подчеркивает Хайдеггер в своем анализе тезиса Протагора, для адекватного понимания этого тезиса надо «мыслить, как греки». Если же мы трактуем этот тезис так, «словно все вещи зависят от человека как представляющего их «субъекта», мы помещаем греческий смысл изречения в рамки метафизической позиции, понимающей человека совершенно иначе, чем греки» (там же, с. 265–266). Термин «мера» означает в мышлении греков лишь то, что человек «соразмерен» окружающему миру, который открывается ему как «непотаенность» (алетейя). Знать — это «видеть лик непотаенного».

«Тезис Протагора,— пишет Хайдеггер,— недвусмысленно говорит о том, что «все» сущее отнесено к человеку как «эго» (Я) и что человек есть мера для бытия сущего. Какого, однако, рода эта отнесенность сущего к «Я» — при условии, что, осмысливая Протагорово изречение, мы будем думать по-гречески и нечаянно не вложим в него идею человека как «субъекта»? Человек воспринимает то, что присутствует (пребывает) в круге его восприятия. Это присутствующее заключено как таковое с самого начала в круге доступного, поскольку этот круг есть область непотаенного. Восприятие присутствующего опирается на его пребывание в круге непотаенности». И далее: «Мы, правда, воображаем, будто сущее становится нам доступно просто благодаря тому, что наше Я в качестве субъекта получает представление о некоем объекте. Как если бы для этого не требовались сначала воцарение того открытого пространства, внутри открытости которого вещь только и может стать доступной в *качестве* объекта для субъекта, а сама эта доступность — сначала допустить до себя!» (там же, с. 263).

Расстановка философских акцентов принципиально изменилась в послесократовский период, когда внутренний мир человека

стал полноправным объектом анализа. В своих беседах Сократ ввел категорию *блага*, обозначив тем самым нормативный (во внутреннем плане!) подход к индивидуальному и социальному поведению человека (Платон, 2000). Именно эта установка стала в философии платонизма и неоплатонизма залогом *нравственной свободы* и самобытности индивида, хотя, как указывает А.Ф. Лосев, такое самоутверждение оказывалось «только приближением к Уму и Душе в космосе, а Ум и Душа становились лишь необходимым для последовательной мысли пределом человеческого самоутверждения» (Лосев, 1978, с. 86).

Наиболее «реформаторский» для своей эпохи шаг на пути провозглашения принципа субъектности сделал Аристотель. «Платоновское учение об идеях, — пишет А.Ф. Лосев, — было концепцией исключительно логико—объективистического характера. Аристотель внес в мир платоновских идей не только момент объекта, но и момент субъекта. Аристотель учил, что мир идей, который он называл Нумом — Умом, обязательно *сам себя мыслит* и является самосознанием. С одной стороны, он то, что мыслит, а с другой стороны, он есть также и то, что мыслится. Таким образом, платоновский мир идей превратился в особое надкосмическое сознание, которое является тождеством мыслящего и мыслимого» (там же, с. 83).

Аристотель в своей грандиозной интеграции опыта предшественников очень тщательно анализирует подходы к истолкованию принципа *активности* человеческой души и ее способности к *«самодвижению»*. Он очень логично опровергает существовавшие в его время теоретические объяснения активности души: подход с позиций демокритовской атомистики, пифагорейскую мистику «самодвижущегося числа», представление о «круговом движении» и душе как «гармонии», мистику орфиков, связывающих существование души с «дыханием Вселенной». Одновременно он отрицает возможность членения души («душа едина»), хотя и постулирует при этом три разновидности души: растительную, животную и разумную.

В определении Аристотеля, «душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же (как форма) есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Энтелехия же имеет двойкий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания; совершенно очевидно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как знание» (Аристотель, 1976, с. 394). Активность же человеческой души обусловлена (и, соответственно, ограничена), в трактовке

Аристотеля, тем, что разумная душа (в этом — ее главная привилегия) имеет божественное происхождение, а потому ее возможности не могут выходить за рамки изначальных и вечных характеристик божественного Разума, который сам себя мыслит и созерцает. Таким образом, система Аристотеля, подводящая итоги наиболее плодотворного периода греческой философии, оставляет достаточный простор для последующих диспутов схоластиков, средневековых теологов и мыслителей Нового времени по проблеме теоретической и практической «субъектности» человека. Спустя много веков схема Аристотеля будет воспроизведена Гегелем примерно по той же логике, но в гораздо более масштабном и многословном оформлении.

Средневековье рассматривается обычно с позиций современной западной литературы как «века мрака» (Рассел, 1998), что, несомненно, справедливо при оценке достижений этого периода в области науки и социального прогресса. Большинство авторов считает также, что для данной эпохи характерно жесткое подавление индивидуальности, подчиненной общепринятым религиозным канонам. Однако в современных публикациях представлена и другая авторская позиция, согласно которой специфические формы индивидуализма существовали на протяжении всего Средневековья (Гуревич, 1990). Например, так называемый «архаический индивидуализм» был неотъемлемой чертой членов германо-скандинавского социума. Нельзя при этом не учитывать, что в христианской теологии гордыня осуждается как самый тяжкий из грехов, что, разумеется, накладывало определенные ограничения на проявление индивидуальности. Вместе с тем, в связи с неопределенностью в трактовке субъектных свойств, очень трудно однозначно определить (и, соответственно, оценить), в чем больше выражаются индивидуально-личностно-субъективные черты человека — в бунтарском социальном протесте или в «подвиге смирения».

На развитие специфических форм индивидуализма в условиях Средневековья и особенно — в эпоху Возрождения указывает А.Ф. Лосев. «Самое главное в эстетике Ренессанса, — пишет Лосев, — это такая личность, которая абсолютна не в своем надмировом существовании, но в своей чисто человеческой осуществленности. Индивидуальный человек, согласно античным моделям, мыслится здесь исключительно материально, природно, естественно и даже телесно. Но, согласно *средневековым моделям* (выделено мной — А.М.), он мыслит себя уже как личность и притом постоянно стремящуюся абсолютизировать себя в своем гордом индивидуализме,

в своем самостоятельном, ни от кого и ни от чего не зависящем существовании. Поэтому эстетика Ренессанса не космологична и не теологична, но антропоцентрична» (Лосев, 1978, с. 93). Правда, в другом месте тот же автор не столь категоричен в своей оценке «расцвета» индивидуализма в тот период, выражая ее в следующих словах: «Стихийно утверждающий себя человеческий субъект в эпоху Ренессанса еще не потерял разумной ориентировки, еще понимал свою беспомощность перед громадой бесконечной жизни и космоса и еще не потерял чувства меры, т.е. чувства своей фактической ограниченности» (там же, с. 65).

Одним из лейтмотивов в религиозно-философских диспутах Средневековья стало обсуждение субъектных возможностей человека в их соотношении с канонизированными установками церкви. Возникшая в этих диспутах проблема «свободы воли», детально описанная в соответствующем трактате А. Шопенгауэра (2000), нашла отражение (и специфическую для каждого автора интерпретацию) в большинстве философских систем и сохраняет определенный отзвук в современных мировоззренческих построениях.

Рождение «субъекта»

Онтология субъекта начинается в философии Нового времени с Декарта, провозгласившего свое знаменитое «*cogito ergo sum*». Мыслящий и действующий на разумном основании индивид обрел определенную автономию и внутреннюю стимуляцию активности. Эта установка в ее разных модификациях прошла через всю последующую философию и нашла обновленное воплощение в «Картезианских размышлениях» Гуссерля (2000).

Нельзя, однако, не отметить, что такая автономия субъекта легко уживается у Декарта с механистическими схемами душевной жизни человека, требующими признания жесткого детерминизма в поведении индивида. По мнению Б. Рассела, именно это противоречие породило два независимых течения в дальнейшем развитии философской мысли, сформулированные в своих полярных формах, с одной стороны, представлениями о «человеке-машине», а с другой — постулатом о полной экзистенциальной свободе индивида (Рассел, 1998).

В ходе дальнейшего развития философской мысли выяснилось, что знаменитое декартовское «*cogito*», внешне очень убедительное для аргументации в пользу «субъекта», порождает обоснованные

возражения при более строгом подходе. Развернутый логический анализ, тщательно выполненный Хайдеггером (1991), вскрыл ряд существенных противоречий и упущений, содержащихся в формуле Декарта.

Прежде всего, следует отметить отсутствие в данном силлогизме большей посылки (все мыслящее существует) с вытекающей отсюда необходимостью постулировать разумную основу мироздания и неразрывность связи между мышлением и существованием. Далее обнаруживается интересный парадокс: сам факт мыслительного процесса не может служить логическим доказательством существования некоего Я как носителя этого процесса, обладающего субстанциальностью и выступающего в роли активного деятеля. Вопрос о том, что же такое это таинственное Я, так и остался открытым, породив бесчисленное множество последующих философско-психологических спекуляций.

Декартовский субъект парадоксальным образом заключает в себе два противоположных момента. «С одной стороны, по мысли Хайдеггера, человек как субъект в принципе распоряжается всем сущим, задает меру для существования. С другой стороны, субъект, чтобы иметь возможность удостоверить сущее, должен удостоверить прежде в себе самом, представить себя самого. Сам представляющий субъект в акте *cogito* тоже (и прежде, чем сущее) превращается в предмет представления» (цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, с. 928). Т.е. инструмент, предназначенный для измерения сущего, оказывается неопределенным!

У древнегреческого человека истинность индивидуального бытия вытекает из его органической включенности в систему мироздания. В Средние века смысл, ценность и истинность существования человека определяется тем, что человек сотворен личным Богом-творцом, им храним и направляем. Достоверность человека обеспечивалась достоверностью Бога. В Новое время логически ущербная, но психологически привлекательная формула Декарта стала одним из важных факторов, предопределивших идейный поворот, в результате которого самопровозглашенный «субъект» постепенно обрел статус главного персонажа в идеологическом пространстве эпохи.

«Sub-jektum означает подлежащее, лежащее в основе, само собою заранее уже предлежащее. Sub-jektum — это то, что всегда уже лежит в основе сущего и служит этому сущему основанием. Sub-jekt дает санкции всякому человеческому намерению, он самообеспечивает

человека. Кроме этого, субъект в качестве первой высшей истины удостоверяет и все сущее в целом» (там же).

Соблазн получить индивидуальную свободу, а вместе с тем — права на свою исключительность и самобытность (и более того — оказаться центральным пунктом мироздания!), стал мощным фактором, способным влиять на вектор социального развития. Новая философская тенденция хорошо вписалась в другие важнейшие знамения эпохи: давление сциентизма на незыблемость религиозных канонов, падение авторитета церкви и церковные реформы, а главное — воцарение «духа капитализма», освященного идейными установками народившегося протестантизма.

В итоге на смену гармоничному «аполлоновскому» человеку Древней Греции пришел человек «фаустовский» с его гипертрофированным интеллектуализмом, жестким эгоизмом и равнодушием к моральным ценностям.

Необходимо, однако, отметить, что декартовский тезис об автономности «мыслящего субъекта», нашедший благодатную почву в новейшей философии, не был однозначно понят и принят философами его эпохи.

В сохраняющей безупречную внутреннюю логику философской системе Спинозы ведущая роль отводится принципу однозначной обусловленности поведения человека его включенностью в целостное бытие (в его пантеистическом понимании). «Мы составляем часть целой природы, порядку которой и следуем... Если мы ясно и отчетливо познаем это, то та наша часть, которая определяется как познавательная способность, то есть лучшая наша часть, найдет в этом полное удовлетворение и будет стремиться пребывать в нем» (цит. по: Рассел, 1998, с. 651). Но даже «лучшая часть» человека — его мыслительная (познавательная) способность не дает ему возможности влиять на предустановленный ход событий. «Только невежество заставляет нас думать, что мы можем изменить будущее; что будет — то будет, и будущее установлено так же незыблемо, как и прошлое» (там же). Автономное целеполагание не имеет никакого смысла. Истинные цели есть у Бога, у человека же — только иллюзии. Поэтому единственной разумной целью для человека может быть лишь постижение воли Бога (такой возможностью он обладает) и в результате — достижение гармонии с «совершенным целым».

По определению Спинозы, «человеческая свобода состоит в прочном существовании, которым наш разум владеет благодаря непосредственному соединению с Богом, так что ни она (т.е. челове-

ческая душа), ни ее действия не подчиняются какой-либо внешней причине, не могут быть уничтожены или изменены ею, но должны пребывать вечно и неизменно» (Спиноза, 1999, с. 12).

Решающим этапом в истории философии, предопределившим дальнейшее развитие философской мысли, стало создание системы трансцендентального идеализма Кантом, произведшим, по его собственному определению, переворот, подобный коперниковскому в астрономии, противопоставив принципу *объективности* мира принцип его *субъективности*. В своей третьей антиномии Кант допускает существование двух видов *причинности*, один из которых подчинен законам природы, а другой не зависит от этих законов. Таким способом он дает изящный (и достаточно убедительный в рамках его системы) ответ на многовековой вопрос о «свободе воли», наделяя человеческого индивида определенной свободой и «легализуя» его субъектные возможности.

Напряженная диалектика, основанная на *антиномичности* незыблемых законов природы и свободы человеческого духа, стала главным стержнем всей философской системы Канта. В этом диалектическом противостоянии как бы встретились два Канта: естествоиспытатель и математик, соавтор космологической теории о происхождении Солнечной системы (т.е. теории, построенной в строгом соответствии с *детерминизмом* небесной механики) и Кант-моралист, провозгласивший нравственный принцип категорического императива, следование которому обязательно предполагает *свободу* человека, ибо нравственное поведение немислимо без свободного выбора. Поскольку у Канта эмпирическая реальность опытного мира совмещается с его трансцендентальной идеальностью, постольку строгая эмпирическая необходимость в поведении человека совместима с его трансцендентальной свободой (Кант, 2003). При этом, правда, возникает и остается открытым другой вопрос: где проходит граница между эмпирическим и трансцендентальным миром и в какой мере человек наделен возможностью проникновения в трансценденцию?

Провозглашение Кантом духовной свободы индивида не привело к признанию им какого-либо «субъекта» в качестве субстанциального носителя этой свободы. Понятие субъекта для Канта — лишь один из «регулятивных принципов», которые «не совсем бесполезны или излишни» и служат для того, «чтобы сдерживать опасные притязания рассудка ...отчасти для того, чтобы при рассмотрении природы руководить самим рассудком согласно принципу полноты, хотя рассудок

никогда не может достигнуть этой полноты и этим способствовать конечной цели всякого познания» (Кант, 2001, с. 69, 71).

«Субъект как человек» обладает одновременно природным (чувственным) и сверхприродным (трансцендентным, моральным) основанием. Он несвободен в своей природной составляющей и свободен в трансценденции (в сфере высших моральных установок). Связь двух сущностей осуществляется посредством способности («силы») суждения и в силу целесообразности, которой априорные законы природы также подчинены. Однако при этом Кант вынужден признать, что связь между природной и «свободной» составляющими человека осуществляется неопределенным (в подлиннике — необъясненным — *unerklarliche*) образом (Кант, 2001, с. 138–139). К этому надо добавить, что «человек как субъект» относится Кантом к миру явлений (там же).

Интеллектуальная честность Канта и открытость его мышления позволяют ему при обсуждении этого вопроса напрямую говорить об ограниченности человеческого понимания. Вот один из таких текстов.

«А так как совершенно неопределенно и для нашего разума навсегда неопределенно то, каков вклад механизма природы в качестве средства для каждой конечной цели в ней, и так как ввиду вышеупомянутого умонастигаемого принципа возможности природы вообще вполне можно допустить, что природа везде возможна по двояким всеобщим образом согласующимся законам (физическим законам и законам конечных причин), *пусть мы и не можем усмотреть, как это происходит* (выделено мною — А.М.) — то мы не знаем также, сколь далеко проступает и этот возможный для нас механический способ объяснения; достоверно лишь одно: как бы мы ни преуспели в нем, он всегда будет недостаточен для вещей, которые мы признаем целями природы, и, следовательно, по свойству нашего рассудка мы должны все такие основания подчинять телеологическому принципу» (Кант, 2001, с. 659).

Следует отметить, что в своих этических и социальных установках Кант вовсе не был поборником какого-либо расширения индивидуальных «свобод». С некоторой тревогой он указывал на неизбежность «опасной амбивалентности субъекта», возникающей в силу внутренней духовной свободы индивида и приводящей к «социальной маргинализации» субъекта, что нежелательно для сохранения общественного порядка (цит. по: *Verschwinden des Subjekts*, 1994, с. 7).

И.Г. Фихте выступил в роли предтечи феноменологии и экзистенциализма, поставив во главу угла субъективное начало как мирообразующий фактор. Формально Фихте определил себя прямым последователем Канта, фактически же в его «Наукоучении» (Фихте, 1998) произошла существенная трансформация важнейших положений кантовской системы. Главными поворотными пунктами при этом стали: а) отказ от понятия «вещи в себе»; б) игнорирование антиномичности природы и свободы в пользу субъективного фактора; в) утверждение неограниченных возможностей свободного человеческого субъекта на базе формулы «Я есть Я», расширительно поглощающей закон тождества, где $A = A$.

«Моя система, — писал Фихте, — от начала и до конца есть лишь анализ понятия свободы» (цит. по: Гайденко, 1990, с. 3).

По Канту «наш внутренний ...опыт возможен только при допущении внешнего опыта» (цит. по: Гайденко, 1990, с. 11). У Фихте «все определения сущего» выводятся из понятия субъекта. При этом самополагающее Я «само себя порождает» и становится носителем практического разума и воли.

Проблему субъект-объектных отношений Фихте решает со свойственным ему радикализмом. «Всякое возможное сознание как объективное некоторого субъекта предполагает непосредственное сознание, в котором субъективное и объективное суть, безусловно, одно и то же, иначе сознание абсолютно непостижимо. Бесперывно будут искать связи между субъектом и объектом, и будут искать напрасно, если не постигнут их непосредственно в их первоначальном единстве» (там же, с. 13).

Формула «Я есть Я» имеет у Фихте не теоретический, а практически нравственный характер, в этом — путь к свободе. Я = Я не может рассматриваться как нечто данное от природы. Эту самоожесточенность человек должен обрести лишь в результате собственной активности. Отсюда — страстный призыв молодого Фихте к *действию*, что хорошо коррелировало с настроениями эпохи, навеванными революционными событиями во Франции, и совпадало с патриотическими тенденциями в тогдашней Германии, возникшими в ответ на наполеоновскую экспансию.

Философская система Фихте представила широкие возможности для ее критики прежде всего по двум пунктам: а) противоречие, возникающее при определении степени реальности любого другого Я и условий взаимодействия моего Я и другого Я (этот трудный вопрос, наряду с принципом очевидности как базовым

философским постулатом, был унаследован в дальнейшем Гуссерлем), и б) сложность взаимоотношений Я индивидуального и Я абсолютного. В представлении Фихте абсолютное Я, наделенное предикатами Бога, не может существовать вне и независимо от эмпирических субъектов, но и не тождественно ни одному из них (тема, получившая широкое распространение в теолого-философских поисках).

Интересно отметить, что поздний этап жизни и творчества Фихте ознаменовался радикальной трансформацией исходных позиций его философской системы. Понятия «свободы» и «самости» инвертировались на этом этапе из положительных в отрицательные. «Аффект самостоятельности» стал для философа выражением коренного зла в человеке — самоутверждения эгоистического индивидуализма. Свободу же он теперь понимает как освобождение не просто от чувственных склонностей, но вообще от всего индивидуального, как отказ от «самости» (Гайденко, 1990, с. 128). «Парадоксальное превращение понятия свободы у Фихте происходит из гипертрофии принципа субъектности, из отождествления Абсолюта с Я, из невозможности провести границу между Богом и человеком» (там же).

Философская система Канта и взгляды раннего Фихте в значительной мере предопределили формирование духовной атмосферы в Западной Европе того времени.

Представление о внутренней автономии и разумной интенциональности индивида, способствующей прогрессу и объединению человечества, стало лейтмотивом литературно-философского течения романтизма, одной из центральных фигур которого был Ф. Шиллер, находившийся под сильным влиянием философии Канта. Как и у других романтиков, воспевающих индивидуальный героизм, в творчестве Шиллера только сильные, духовно богатые натуры способны противостоять крайностям деспотизма и бессмысленной анархии толпы. Именно эти герои придают смысл историческому процессу. Однако в конечном счете их реальное влияние на историю оказывается весьма ограниченным, а исторический оптимизм Шиллера — условным. История иррациональна. Разумному плану противостоит слепой случай. Удары неумолимой судьбы сильнее возвышенной героинки индивида, которому в случае поражения (а оно наиболее вероятно) остаются в качестве утешения сознание собственного благородства и новый взлет внутренней «святой свободы». Герой, гибнущий в столкновении с внешней необходимостью,

но сохраняющий свободу духа — таков обобщенный символ всего романтического направления.

Среди причин, способствовавших развитию индивидуализма и субъективизма в новое время, влияние философии хотя и было важным, но лишь сопутствующим фактором. Сама динамика философской мысли отразила в себе рациональные изменения, происходящие в общественной жизни: церковные реформы Лютера и Кальвина, формирование капиталистических отношений, Великая французская революция, становление нового государственного строя в Северной Америке. Все эти события существенно повысили внутреннюю и внешнюю свободу индивида и его реальное влияние на социальные изменения. Именно в силу этих (и сопутствующих им) исторических причин провозглашенный Кантом поворот в сторону субъективизма оказал столь сильное влияние на все последующие философские схемы, получив наиболее яркое и завершенное выражение в феноменологии и экзистенциализме.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этих важнейших для современной философии течений, нельзя не остановиться на оценке той роли, которую сыграла фундаментальная система Гегеля в развитии представлений о субъектности человека.

Философия Гегеля до сих пор нередко выдвигается в качестве мощного аргумента в пользу реального существования субъекта. Гегель, действительно, очень часто и охотно употребляет термины «субъект» и «объект». При крайней многословности и запутанности гегелевских текстов в сочетании с невняtnостью многих формулировок и определений, допускающих неоднозначность их толкования, у читателя может создаться впечатление, что речь идет об исключительно оригинальном философском построении.

Между тем стержневая теолого-метафизическая схема Гегеля, включающая в себя названные категории, лишь воспроизводит в своих основных чертах аналогичные схемы Платона, Аристотеля и Спинозы (на что достаточно убедительно указывает Б. Рассел (Рассел, 1998)).

Суть этой схемы состоит в следующем. Абсолютный Дух является одновременно и Абсолютным субъектом, который мыслит сам себя с помощью *понятий*, содержащих Абсолютное знание (объективную истину). Постулируется неизбежная *общность* понятий, изначально присущих Абсолюту, и понятий, ставших (путем двойного отрицания) достоянием разумных индивидов. «Единство субъекта и объекта» вытекает из того, что цель индивида (детерми-

нированная диалектикой развития Духа) — овладеть понятиями, в которых заключено истинное знание. Таким способом и происходит слияние субъективного (в его индивидуально-человеческом значении) с объективным. К *понятию* индивид приходит лишь постепенно в ходе развития всего рода человеческого, в чем и состоит возвращение Духа к самому себе (в терминологии Гегеля, Дух достигает «чистой стихии своего наличного бытия — понятия» (Гегель, 1959, с. 432)).

Менее теологична очень важная, на мой взгляд, гегелевская характеристика субъектности в ее более-менее конкретном содержании. По утверждению Гегеля, субъект в своем «наличном бытии» всецело зависит от *предиката*, который выражает определенное *действие*, или *акциденцию*. Без таких сопровождающих синтаксических элементов он превращается в «чистый субъект, пустую, лишённую понятия единицу» (Гегель, 1959, с. 36). К этому добавляется, что и предикат не может быть только спекулятивным («в форме предложения»), и должен применяться в контексте философского дискурса («философского изложения»), оперирующего логикой языка и нацеленного на постижение понятий. Перед этим говорится, что «понятие есть собственная самость предмета, которая проявляется как *его становление*» (там же, с. 33). Поэтому «мышление не есть покоящийся субъект, неподвижно несущий акциденции, а есть понятие, которое само приводит себя в движение и принимает в себя обратно свои определения. В этом движении пропадает сам упомянутый покоящийся субъект...» В результате оказывается, что «скорее предикат есть субстанция» и что «субъект перешел в предикат и тем самым снят». Но поскольку субъект «как *предметная* устойчивая самость» продолжает «движение к многообразию определений», постольку «теперь на место названного субъекта вступает само знающее “Я”, которое связывает предикаты и есть удерживающий их субъект».

Этот обновленный субъект, обозначенный Гегелем как «второй субъект», хочет «покончить с первым и, выйдя за его пределы, уйти назад в себя». И далее: «*Предложение* должно выражать, что есть истинное, но истинное по существу есть субъект. В качестве субъекта оно есть только диалектическое движение, этот сам себя порождающий, двигающий вперед и возвращающийся в себя процесс» (там же, с. 35).

Здесь необходимо уточнить, что вся эта словесная эквилибристика, описывающая своеобразную «чехарду» субъекта с пре-

дикатом и возникающее таким путем «самодвижение» субъекта, имеет непосредственное отношение к процессу *мышления*, которое, по определению Гегеля, только и есть истинное бытие (отраженное, как это видно, в *синтаксических* правилах), опирающееся на «имманентный ритм понятий». Гегель просто не советует вторгаться в этот ритм «по произволу и с прежде приобретенной мудростью» (там же, с. 32). Поэтому о «субстанциальности» субъекта и предиката можно говорить лишь с некоторой условностью, ограничив ее гегелевским пониманием (хотя, разумеется, не исключена возможность, следуя диалектико-материалистическому опыту, перевернуть всю систему понятий «с головы на ноги!»).

Типичен для Гегеля еще один способ доказательства единства субъекта и объекта, опирающийся на знаменитую триаду — наиболее существенный элемент всей его системы, допускающий, казалось бы, революционные преобразования действительности. Здесь познавательный процесс развивается по следующей схеме. Непосредственное чувственное восприятие дает нам только осведомленность об объекте. Пройдя через скептическую критику, это знание становится чисто субъективным (т.е. принимает форму антитезиса), а затем в процессе синтеза достигает стадии *самосознания*, на которой объект и субъект теряют свое различие. Таким триадическим путем индивид приобщается к истинному знанию, которым обладает Абсолют и которое в принципе неизменно.

Оставаясь в рамках гегелевской логики и диалектики, очень трудно ответить на вопрос: что же *нового* может постичь мыслящий индивид и каким способом может он проявить собственную инициативу в *действии*, если а) свойства предметного мира заранее заданы извечно существующими понятиями, б) субъективные возможности индивида ограничены теми же понятиями и в) диалектика преобразований Абсолюта представлена им самим. Остается, видимо, лишь признать, что «субъектность» познания и *спонтанность* действий — не более чем иллюзия, а все очень замысловатые субъект-объектные построения Гегеля фактически служат надежным подтверждением его широко известной максимы, согласно которой свобода есть осознанная необходимость.

Таким образом, «великий диалектик» Гегель пренебрег напряженной диалектикой кантовской мысли с ее антиномичностью «природы и свободы» и восстановил надежную, испытанную веками схему объективного идеализма.

В отличие от Канта, Гегель жестко и однозначно решает судьбу индивидуального субъекта, ставя его в очень тесные теолого-метафизические рамки, т.е. фактически снимает «проблему субъекта» с философской «повестки дня».

«Субъект» в философии модернизма и постмодернизма

Атеистический и антиметафизический пафос философии Ницше поставил воспеваемого им бунтующего героя-одиночку (будущего «сверхчеловека») в парадоксальное положение: оторвавшись от всех метафизических «сущностей», он оказался лишенным собственных субстанциальных основ. Отсюда — полная неприкаянность индивида и как естественное следствие — отрицание категории «субъекта». Субъект, в определении Ницше, «это — терминология нашей веры в *единство* всех различных моментов высшего чувства реальности: мы понимаем эту веру как *действие* одной причины — мы так глубоко верим в нашу веру, что ради нее и изобретаем собственно “истину”, действительность, “субстанциональность”. “Субъект” есть фикция, будто многие наши одинаковые состояния суть действия одного субстрата: но мы сами же *создаем* “одинаковость” этих состояний; на деле одинаковость нам не дана, а мы сами *предполагаем* эти состояния равными и приспособляем их друг к другу» (Ницше, 2003, с. 590).

Здесь Ницше в свойственной ему лаконично-афористической, но безупречно четкой форме выражает мысль, сопутствующую (иногда в скрытом виде) всей истории философии Нового времени: бессмысленность попыток вскрыть содержание понятия «субъект» вне контекста базовых метафизических категорий, таких как «сущее», «бытие», «реальность», «истина», «познание» и т.п.

В антиметафизических высказываниях Ницше очень рельефно выступает один из главных «камней преткновения», неизбежно встречающихся на всех этапах движения философской мысли, — логическая невозможность взаимосвязанного решения онтологической и гносеологической проблем, обусловленная тем, что нельзя непроверенным инструментом измерить неизвестную сущность. В продолжение приведенного текста из афоризма № 485 Ницше пишет: «Нужно было бы *знать*, что такое *бытие*, для того чтобы *решить*, реально ли то или иное (например, “факты сознания”); также — что такое *достоверность*, что такое *познание* и т.п. Но так

как мы этого не знаем, то критика познавательной способности бессмысленна: как может орудие критиковать само себя, если оно для критики может пользоваться только *собою*? Оно даже не может само определить себя!» (Ницше, 2003).

По мнению Ницше, «понятие *субстанции* есть вывод из понятия *субъекта*: не обратно! Если мы пожертвуем душой, “субъектом”, то отпадает и предпосылка для субстанции вообще» (там же). Однако такое «привилегированное» положение субъекта (который сам фиктивен!) лишь способствует замыканию круга метафизических понятий, оперирование которыми требует их предварительного постулирования.

Идущая от Ницше «философия жизни» оказалась не в состоянии, как это убедительно показал Г. Риккерт (2000), заполнить идейный вакуум, созданию которого способствовал он сам, и послужить основой для целостного мировоззрения. Но именно этот философ стал прародителем европейского философского нигилизма новейшего времени во всех его проявлениях, в том числе — и в оценке понятия «субъект».

Дальнейшие исторические перипетии «субъекта» связаны с революционными преобразованиями в философской мысли XX в., которые были обусловлены характерными для этого века социальными катаклизмами, утратой веры в разумность мироздания и вытекающей отсюда установкой на «неприятие мира» в его существующем виде. «Поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, — пишет Гуссерль, — постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества, его свободу, понимаемую как возможность человека обрести разумный смысл своего индивидуального и общечеловеческого бытия» (Гуссерль, 2000, с. 556). Главные классики философии — Кант и Гегель — лишились, по выражению Ю. Хабермаса (1995), своего ореола «учителей мысли», а взаимная критика кантианцев и гегельянцев (в сочетании с достаточно честной самокритикой) вскрыла уязвимость как гегелевского «абсолютизма», так и кантовского «трансцендентализма».

Родившаяся в таких условиях противостояния основных философских систем *феноменология* Гуссерля быстро нашла своих последователей и стала модным философским течением. Важнейшие итоги философского поиска Гуссерля отражены в его «Картезианских размышлениях» (Гуссерль, 2000). Расширив и видоизменив декартовский «метод сомнения», Гуссерль проводит так называемую «феноменологическую редукцию» (в другой терминологии — «эпо-

хе», что по-гречески означает воздержание от суждений, а в ранних вариантах — «ноэту», от греческого «нус», т.е. «ум»). Суть метода состоит в том, чтобы последовательно отказаться от признания реальным всего того, в существовании чего можно усомниться. В результате «выносятся за скобки» все чувственные впечатления от внешних объектов (т.е. база теории познания, опирающейся на «психологизм», резко критикуемый Гуссерлем), а затем и большая часть содержания внутреннего мира индивида. Остается лишь некое ядро, в существовании которого нельзя усомниться — «чистое *ego*», или «трансцендентальная субъективность». После этого субъект, очистившись от груза ложных впечатлений, проводит обратную операцию: строит путем непосредственного чисто умозрительного «усмотрения сущности» (в поздней редакции — «феноменологического постижения сущности») некий «феноменальный мир», обладающий достаточной аподиктичностью, т.е. несомненностью. Как утверждает Гуссерль, «нужно сперва потерять мир в *эпохе*, чтобы вновь обрести его в универсальном самоосмыслении» (Гуссерль, 2000, с. 523).

Отвергая истинность чувственного познания, Гуссерль (вслед за Аристотелем, Декартом и Гегелем) отдает должное человеческому разуму, хотя «глубочайшая внутренняя связность разума и сущего» предстает у него как «загадка всех загадок» (Гуссерль, 2000, с. 557). Возражая на претензии иррационализма, он пишет: «Не есть ли иррациональность — следствие бездушной и скверной рациональности, еще более скверной, чем прежний рационализм? Нельзя ли назвать разум, уклоняющийся от борьбы за прояснение предельных данностей (*Vorgegebenheiten*) и от выдвижения предельных и подлинно рациональных целей, “ленивых разумом”?» (там же, с. 560).

Закономерно обвиненный в солипсизме, Гуссерль ввел в свои «Картезианские размышления» понятие «другого человека» (ставшее потом стандартным) и возможность межсубъектных связей, реализуемых благодаря взаимодействию духовных «монад», подобных монадам Лейбница (при этом, правда, каждая монада остается в своем самосознании «центральной монадой»).

Казалось бы, что теперь, отказавшись от порочного «психологизма» и вооружившись феноменологическими рекомендациями, человек как «*субъект свободы*», обладающий способностью к «усмотрению сущности» и конструированию достаточно аподиктичных «интенциональных объектов» «феноменального мира», имеющий

к тому же возможность взаимодействия с такими же «субъектами свободы», должен невероятно расширить границы своего влияния на историческую ситуацию и собственную жизнь. На деле, однако, путь от философских построений к их воплощению в жизнь значительно теряет в своей однозначности. Критически оценивая европейские реалии своего времени, Гуссерль задается вопросами: «...могут ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактически... если история не научает нас ничему, кроме одного — все произведения духовного мира, все жизненные связи, идеалы и нормы, присущие людям, подобны мимолетным волнам, ...разум постоянно превращается в неразумие, а благодеяние — в муку, всегда так было и всегда так будет?.. И можно ли жить в мире, где историческое событие — лишь непрерывная цепь иллюзорных порывов и горьких разочарований?» (Гуссерль, 2000, с. 548). Вместе с тем подобные сентенции в духе Экклезиаста не побуждают автора к стремлению изменить ситуацию, опираясь на феноменологическую теорию. Причина заключается в специфическом положении философии. «Современные философы,— пишет Гуссерль,— впали в мучительное экзистенциальное противоречие. Мы не можем отказаться от веры... в возможность универсального познания». Но при этом, «как можно отстаивать веру, которая имеет смысл лишь в соотношении с единственной, общей для всех нас целью — с философией?» (там же, с. 561).

Хорошим разъясняющим комментарием к этому «противоречию» может служить лаконичное, но емкое высказывание современника Гуссерля, неокантианца Г. Риккерта: «Никогда жизнь не станет мудрой и мудрость живой». Основание для такого утверждения — тот факт, что «жизнь и познание жизни не совпадают» (Риккерт, 2000, с. 238). Завершить же этот «феноменологический фрагмент» можно словами того же философа, полагающего, что Гуссерль «вызвал внимание к новым “феноменам”... путем тонких различений в ловко созданных и ловко названных понятиях. Каким образом на этом пути мы можем осуществить философскую систему, пока еще неясно. Пока еще нет очертаний космоса, и никогда космос не получится при помощи одного только созерцания сущности отдельных феноменов, при котором значения слов языка остаются единственной руководящей нитью...» (там же, с. 65).

Феноменологическая попытка реабилитации человеческих возможностей, предпринятая после ставших очевидными неудач рационалистического Просвещения, не сделала декларируемого

этим направлением «свободного субъекта» хозяином положения в реальном мире. Аналогичная попытка была сделана *экзистенциализмом*, имеющим общие с феноменологией идейные корни, но отличающимся от последней гораздо большим радикализмом в постановке философских проблем и предлагаемых методах для их решения. Онтологической базой экзистенциализма стал отказ от картезианской дихотомии души и тела (соответственно — субъекта и объекта) и провозглашение человеческого сознания центральным элементом в системе мироздания.

В творчестве ученика Гуссерля — Хайдеггера, довольно быстро порвавшего со своим учителем, но сохранившего связь с феноменологией, проблема субъекта включена сложным образом в широкий круг иных глобальных проблем. При этом нельзя не отметить содержащиеся в масштабном наследии этого автора внутренние противоречия, особенно заметные при сопоставлении текстов и высказываний разных периодов жизни (что, разумеется, не делает философию Хайдеггера, прочно вошедшую в идеологию Новейшего времени, менее интересной и поучительной).

Прежде всего, хотелось бы сослаться на тот факт, что общепризнанный «отец экзистенциализма» в одном из своих поздних интервью отозвался об этом направлении так: «Экзистенциализм — это в некотором роде бессмыслица» (Хайдеггер, 1991, с. 157).

Не менее радикально трансформировалось у Хайдеггера отношение к роли языка и речи (Ставцев, 2000). Характерные для него детальнейшие анализы языковых форм в сочетании с многочисленными лингвистическими неологизмами, делающими авторский текст в значительной мере эзотерическим, завершились в поздний период призывом к *молчанию* как наиболее выразительному и эффективному способу человеческого общения.

Экзистенциальная *свобода* трактуется Хайдеггером не столь однозначно, как у раннего Ясперса и Сартра, провозгласивших полную свободу индивида в любой момент его жизни. С одной стороны, только свобода приводит человека к истине. «*Сущность истины есть свобода*» (Хайдеггер, 1991, с. 15). С другой — «человеческая воля не располагает свободой. Человек обладает свободой не как свойством, а как раз наоборот: свобода, экзистентное, раскрывающееся бытие наличного владеет человеком и притом изначально, так что *исключительно она* гарантирует человечеству соотнесенность с сущим в целом как таковую, соотнесенность, которая обосновывает и характеризует историю». И далее: «Истина есть высвобождение

сущего, благодаря чему (т.е. высвобождению) осуществляет себя простота (открытость). В ее открытости — все человеческие отношения и его поведение» (там же, с. 18–19). (Не улавливается ли здесь явная переключка с гегелевской «осознанной необходимостью»?!) Еще более конкретно эта же мысль звучит в другом абзаце того же широко известного текста «О сущности истины»: «Определение сущностной связи между истиной и свободой приводит нас к вопросу о сущности человека в том направлении, которое гарантирует нам опыт скрытой основы сущности человека (*des Daseins*), так что он приводит нас, прежде всего, в сферу первоначальной сущности истины. Здесь обнаруживает себя и свобода. Свобода является основанием внутренней возможности для правильности лишь в силу того, что она получает свою собственную сущность от более первоначальной сущности единственно существенной истины» (там же, с. 16–17). Т.е. свобода индивида возможна лишь в той мере, в какой она опирается на «более первоначальную сущность».

Многофункциональное понятие «*Dasein*» (здесь — «бытие», «присутствие», «бытие-в-мире») занимает у Хайдеггера одно из центральных мест, способствуя интерпретации важнейших логических схем автора, в том числе — вопроса об «открытости» мира человеку и соответственно — человека миру. Однако такая «непотаенность», «откровение открытого» и «простота простого» сочетаются с представлением о Бытии как «тайне». Тайной остается и сам человек. Кроме того, такое, казалось бы, привилегированное положение человека, обусловленное его изначальной и непосредственной «включенностью» в Бытие, ни в коей мере не дает ему чувства уверенности. Напротив, он ощущает себя «заброшенным» (термин Хайдеггера) в этот чуждый ему мир, а главными «экзистенциалами» его индивидуального бытия становятся «забота» и постоянный страх перед неизбежной ограниченностью своего индивидуального существования. (Для сравнения у Спинозы: «человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти» (цит. по: Рассел, 1998, с. 655).)

Придерживаясь вслед за Гуссерлем позиции *антипсихологизма*, Хайдеггер избегает каких-либо попыток объяснить, какие же «механизмы» познания делают мир «открытым» для человека, и ограничивается ссылкой на то, что «вопрос о бытии сущего... еще недостаточно отшлифован» (там же, с. 25).

Способ бытия человека как *Dasein* («ситуация человека») раскрывается в понятии *событийности*: «Человек и бытие вверены

друг другу. Они принадлежат друг другу. В первую очередь благодаря этой взаимопринадлежности, не очень старательно мыслимой обычно, человек и бытие впервые приняли свои сущностные определения, при помощи которых они метафизически понимаются философией» (Хайдеггер, 1991, с. 75). «Событие», основу которого составляет «взаимопринадлежность» человека и бытия, жидется, в свою очередь, на единстве мышления и бытия в соответствии с приводимым Хайдеггером изречением Парменида: «То же самое суть мышление и бытие». Событийность предполагает реализацию речевой функции: «речь есть наиболее нежное восприимчивое всепроникающее вибрирование в парящем здании сбывающегося. Поскольку наша сущность обособлялась (*vereinet*) в языке, мы обитаем в Событии» (там же, с. 77). И далее: «В Событии мы обретаем сущностное мерцание того, что изрекается речью, того, что однажды названо домом бытия» (там же, с. 78).

Однако устойчивость впечатляющей хайдеггеровской конструкции «событийности» (один из базовых элементов которой — мышление) становится проблематичной, как только выявляется, что мыслить в собственном значении этого слова мы еще не научились: «человек до сих пор веками слишком много действовал и слишком мало мыслил» (там же, с. 135). Наука, по выражению Хайдеггера, «не мыслит, но это не ее недостаток, а ее преимущество. Лишь это одно дает ей возможность исследовательски войти в теперешнюю предметную сферу и поселиться в ней» (там же, с. 137). И это касается не только научной эмпирики, но и методологии. «Доказать, т.е. вывести из подходящих предпосылок, можно все. Но лишь немногое позволяет, и притом очень редко, показать на себя таким указанием, которое освободило бы ему дорогу» (там же, с. 138). Текст с вопросительным названием «Что значит мыслить?» Хайдеггер завершает в отрицательно-вопросительной форме: «Наше мышление еще не попало в свою собственную стихию. Мы мыслим еще не в собственном смысле слова. Поэтому мы спрашиваем: что значит мыслить?» (там же, с. 145).

Нельзя, наконец, не сослаться на то, что декларируемая Хайдеггером деструкция философской метафизики очень органично сочетается у него с широким использованием метафизических понятий «бытия сущего» и «сущности бытия».

На фоне перечисленных логических коллизий отношение философа к проблеме «субъекта» воспринимается достаточно однозначно. Хайдеггер отрицательно оценивает произведенный

Платоном «гуманистический поворот» в сторону субъективизма, нарушивший *целостность* человека и его гармонию с Природой. Проведенный им детальнейший анализ формулы Декарта «*Cogito ergo sum*» (я мыслю, следовательно, я существую) приводит его к заключению, согласно которому данная формула лишь подтверждает (причем тавтологически), что человек есть «вещь мыслящая», но не доказывает существование некоего субстанциального Я (Хайдеггер, 1988). Аналогичную трактовку изречения Декарта дает Б. Рассел (Рассел, 1998, с. 643).

Собственная активность индивида, стремящегося к познанию, не приводит к желаемому результату — он достигается лишь в форме «откровения открытого». «Несмотря на непрерывное движение вперед к новым измерениям, человек приобретает свои измерения в чистоте сущности. Человек теряет самого себя, ему не хватает человека, и это тем в большей степени, чем исключительнее он делает себя как субъект мерой всего сущего» (Хайдеггер, 1991, с. 23). На этом «инзистентном», в терминологии Хайдеггера, пути в сутолоке повседневных поисков человек проходит «мимо тайны» и оказывается способным лишь к «блужданию» и «заблуждению».

Правда, такое «блуждание», позволяющее обнаружить только проявления «неистины», не совсем бесполезно, поскольку истина и неистина взаимосвязаны. «Путь блужданий, которым в зависимости от обстоятельств должно идти историческое человечество, чтобы его поступь была ошибочной, составляет существенную часть открытости наличного бытия человека... Опутывая человека ложью, заблуждение, однако, в то же время создает возможность, которую человек способен выделить из экзистенции, а именно не поддаваться заблуждению, в то время как он сам узнает его, не проникая в тайну человека» (там же, с. 24).

Главное же, однако, состоит в том (и это становится лейтмотивом в творчестве позднего Хайдеггера), что субъектные «блуждания» человека отдаляют его от истины, предоставляемой ему в «откровении». Могущество современного человека, обеспечиваемое его технической оснащенностью, иллюзорно, поскольку сам человек *порабощается* техникой. Аналогичным образом новоевропейский «самореферентный субъект» фактически обманывает себя, создавая замкнутую в себе «картину мира», оторванную от бытийных основ и искажающую реальное положение человека. Пребывание человека «в пространстве самой жизни» требует от него сохранения своей «укорененности» в земле и «почве» и его включенности в мир

«четверицы», в пространстве которого взаимодействуют божественное и смертное, земное и небесное. Что же касается «субъектности», то задачу философии Хайдеггер видит в том, чтобы «пробудить» человека от антропологического забвения и освободить его от власти субъекта — *метафизической формы*, претендующей на синтез всего сущего. Поэтому неискаженная антропология может быть только *антропологией без субъекта* (Постмодернизм: Энциклопедия, 2001, с. 928–929).

Другим масштабным выражением феноменологического направления в новейшей философии стал экзистенциализм Сартра, которого по праву следует признать наиболее ярким и последовательным (по крайней мере, в его интенциях) «певцом» экзистенциальной свободы. По выражению Сартра, человек обречен на свободу. Бытие сводится к действию: «...человеческая реальность не существует сначала, чтобы действовать, но для нее быть — значит действовать, а прекратить действие — значит перестать быть» (Сартр, 2000, с. 486). Свобода присутствует всегда и во всем. «Человек не может быть то свободным, то рабом — он полностью и всегда свободен или его нет» (там же).

Можно было бы легко предположить, что носителем такой безграничной свободы индивида является некий внутренний «субъект». Однако Сартр очень далек от этой мысли. Он пишет: «Мы не находим в сознании никакого субъекта — ни психологического субъекта, который уже есть объект для сознания, каким его открывает редукция и который является внешним и трансцендентальным; ни трансцендентального субъекта, который есть только фикция, производимая исходя из психологического субъекта... Трансцендентальное Я есть смерть сознания» (Sartre, 1966, с. 23, 35).

Таким образом, если путем редукции мы обнаруживаем нечто, доступное наблюдению, то это — *объект*, а не субъект. Если же мы утверждаем, что в итоге редукции остается нечто *трансцендентное*, то непонятно, на каком основании строится такое утверждение и что в принципе можно сказать о таком «субъекте». Возникает своеобразный *парадокс субъекта*: как только мы пытаемся наделить это понятие какими-либо признаками, качествами, структурой и т.п., как оно исчезает!

Поэтому бесперспективным, по мнению философа, попыткам субъективизировать свободу человека, Сартр предпочитает иной путь. Он пишет: «Мы можем сформулировать наш тезис: трансцендентальное сознание есть безличностная активность, она опреде-

ляется к существованию в каждый момент, без чего нельзя понять ничего перед ней. Итак, в каждый момент нашей сознательной жизни мы открываем творение *ex nihilo* (из ничего). Не новое рас­положение, но новое существование» (там же, с. 79).

Функция сознания — «ничтожение» (термин Сартра) является абсолютной пустотой, «дырой» наподобие той, которая оставляется «червем в плоде». Сознание абсолютно существует в силу несуществования. Его спонтанная активность и есть «чистая свобода».

Обращаясь к понятию «ничто», Сартр ссы­лается на уже имевшийся в этом отношении опыт Гегеля: Мне, однако, представляется, что здесь внешнее терминологическое сходство преобладает над фактической общностью содержания. У Гегеля данная категория несет важную смысловую нагрузку. «Чистое бытие», лишенное каких-либо качеств, есть одновременно «ничто». В своем диалекти­ческом единстве и тесном взаимодействии обе эти категории иниции­руют (через процесс *становления*) динамику мироздания, обогащая и видоизменяя формы бытия. У Сартра же «ничто» присутствует лишь в качестве «удобного» (в силу своей неопределенности) адреса для *объективированного* сознания, которое таким образом обретает, по мнению автора, полную свободу и выходит за рамки кантовской антиномии «природы и свободы». При этом сознание оказывается лишь «на поверхности бытия», а функции его крайне обедняются и негативируются, сводясь к «ничтожению» бытия.

У Хайдеггера смысл бытия раскрывается через бытие человека. Сартр не принимает хайдеггеровское понятие «бытие-в-мире», предпочитая ему понятие «человеческая реальность», главным элементом которой служит категория *свободы*. Однако «ложный блеск свободы» (выражение Канта) быстро меркнет, как только автор предпринимает попытку проиллюстрировать ее наличие бытовыми примерами (см. (Митькин, 2005, с. 60–61)), прибегая при этом к явным упрощениям и натяжкам. Еще менее убедительными становятся реальные последствия такого «освобождения» для индивида. Прежде всего, он (индивид) принимает на себя *полную ответственность* за все свои поступки в любых жизненных обстоятельствах. Мне думается, что здесь возникает даже некоторая несправедливость по отношению к приверженцам экзистенциальной свободы (по крайней мере, в ее атеистической трактовке): основанием и источником свободы служит метафизически метафориче­ское *Ничто*, а ответственность за содеянное всецело несет каждый конкретный индивид! Кроме того, каждый индивид неизбежно

испытывает *чувство вины* за любой сделанный им *выбор*, поскольку с позиций свободного «экзистенциального самосознания» выбор становится крайне сложной задачей, а вероятность его ошибочности или хотя бы неоптимальности в сравнении с другими возможными вариантами — очень высокой. По словам Сартра, сама возможность других выборов «переживается в чувстве неоправданности, и именно она выражается фактом абсурдности моего выбора и, следовательно, моего бытия. Таким образом, моя свобода подтачивает мою свободу» (Сартр, 2000, с. 489).

В резюмирующих текстах своего главного философского труда «Бытие и ничто» Сартр далек от оптимистических выводов. Например, обсуждая ситуацию «заброшенности» человека в мир, его одиночества, его тревоги, порождаемой непосильным бременем индивидуальной ответственности, он пишет: «...Чаще всего мы бежим от тревоги в самообман» (Сартр, 2000, с. 560). В другом же месте приводится совсем мрачная сентенция: «Абсурдно, что мы были рождены, абсурдно, что мы умрем...» (там же, с. 551). А нацеленность на вожаемую свободу на деле оборачивается целым «букетом» проклятий: «Человек проклят стремлением к свободе, дважды проклят невозможностью ее достижения и трижды проклят неспособностью отказаться от своего стремления» (цит. по: Соловьев, 1974, с. 243).

Новейшие перипетии понятия «субъект» следует, очевидно, рассматривать в контексте современной философии *постмодернизма* (постнеклассической), сменившей так называемую неклассическую философию, начало которой было положено Ницше. Термин «постмодернизм» возник в 1917 г. и получил широкое распространение в разных сферах культурной жизни (в поэтическом творчестве, архитектуре, живописи, лингвистике и т.д.). Философская составляющая данного направления нашла свое выражение в творчестве Хайдеггера, Сартра и многих французских философов второй половины XX в., наибольшее признание среди которых получили *М. Фуко* и *Ж. Деррида*.

Знаменем новейших философских традиций стали отрицание базовых категорий классической философии и установка на *плюралистичность* взаимоисключающих мнений. «Семантическая и категориальная пестрота постмодернистской философии во многом обусловлены радикальным отказом постмодернизма от самой идеи возможности конституирования в сфере современного философствования концептуально-методологической матрицы, которая могла бы

претендовать на парадигмальный статус, его программной установкой на идиографизм и изначальную плюральностью проблемного поля, обнаруживающего к тому же постоянные интенции к своему расширению...» (Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, с. 603).

Деструкция центральных понятий философии, начатая в послеклассический период, завершилась в эпоху постмодерна. Категории бытия, сущности, субстанции, реальности и т.п., а с ними субъект-объектная оппозиция утратили свою валидность. Оставшийся на фоне этих разрушений в гордом одиночестве «субъект», лишившись своих предикативных связей и став, по определению Гегеля, «чистым субъектом», оказался ненужным архаизмом. Единственным прибежищем для него стало непомерно разросшееся в условиях постмодерна лингвистическое пространство (в виде различных дискурсивных и нарративных практик), где он и обрел скромное место языковой формы для обслуживания социальных интеракций. Все это дало основание для провозглашения «исчезновения субъекта» (*Verschwinden des Subjekts*, 1994) и «смерти субъекта», терминологически зафиксированными Фуко в его работах «археологического периода» (Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, Фуко, 1994; 1996; 2002). В эмпирическом же плане центр тяжести был перенесен с личного субъекта на структуралистский анализ безличного текста в соответствии с традициями, идущими от Ф. де Соссюра и К. Леви-Стросса.

Фуко в «Герменевтике субъекта» формулирует два вопроса, вытекающих из установок постмодернизма: «вопрос об истинности субъекта» и «вопрос о структуре истинности субъекта», подвергая при этом сомнению корректность постановки самих этих вопросов (Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, с. 774).

По мнению Фуко, использование термина «субъект» — не более чем дань классической философской традиции, а исследование субъекта на деле есть анализ «условий», при которых возможно выполнение неким индивидом функций субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует. Вообще же, в представлении этого философа, чрезмерный субъективизм, характерный для мышления нашей эпохи, — лишь «один период, который явился полтора века назад и, быть может, скоро закончится», после чего изменится «образ человека». И тогда «человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» (там же, с. 774–775).

Как неоднократно подчеркивает Деррида (Деррида, 2000; Постмодернизм. Энциклопедия, 2001), «интерпретирующее Я» само по себе есть не более чем *текст*, сотканный из культурных универсалий, дискурсивных матриц и интерпретационных конвенций.

А по выражению Р. Борта, «субъект ...не бывает экстерриториальным по отношению к своему дискурсу», поскольку «человек не существует до языка» (Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, с. 776).

Что же касается «социальных ролей», предполагающих определенность их субъектов-исполнителей, то, по утверждению Фуко, эти версии самоидентификации всего лишь маски, наличие которых отнюдь не гарантирует наличия скрытого за ними Я, претендующего на статус идентичности, «поскольку эта идентичность, впрочем, довольно слабая, которую мы пытаемся застраховать и спрятать под маской, сама по себе лишь пародия: ее населяет множественность, в ней спорят несметные души; пересекаются и повелевают друг другом системы... И в каждой из этих душ история откроет не забытую и всегда готовую возродиться идентичность, но сложную систему элементов, многочисленных в свою очередь, различных, над которыми не властна никакая сила синтеза» (Постмодернизм. Энциклопедия, 2001, с. 776–777).

* * *

Если принять (с любой степенью условности) определение Б. Рассела, по которому философия — это «Ничья Земля» между теологией и наукой, «подвергающаяся атакам с обеих сторон» (Рассел, 1998, с. 6), то *проблему субъекта* придется, видимо, отнести к наиболее сложному и «овражистому» участку этой спорной территории. Краткий историко-философский экскурс в эту область показывает глубокую антиномичность данной проблемы, названную выше *парадоксом субъекта*. Стремление к *объективации* человеческого Я (его привязка к уже постулированной «сущности» — Абсолюту, миру Идей и т.п.) гарантирует субстанциальность Я, но исключает или крайне ограничивает его свободу и *автономность*. Субъективация Я (провозглашение его независимости от «внешнего мира» или иной «сущности») дает ему широкую или даже абсолютную (экзистенциальную) свободу, но ставит под вопрос его *субстанциальность*.

Кроме того, оказывается, что очень трудно избежать «исчезновения» субъекта (превращения его в условную метафизическую категорию) одним из двух путей: помещенный в «трансценденцию»,

как это делает феноменология, он становится недоступным для сциентистского и вообще какого-либо анализа (за исключением, разве «откровения»), а наделенный некоторыми дефинитивными признаками, что делает возможным наблюдение и анализ, мгновенно превращается из субъекта в объект.

Отсюда — категорическое отрицание многими философами (в наиболее завершенной форме — философией постмодерна) понятия субъекта.

Можно, конечно, выбрать упрощенный путь, размножив категорию субъекта и введя понятие «телесный субъект», «функциональный субъект» и т.п. Не исключено (и охотно применяется) рассуждение по принципу: «если есть действие, то должен быть и деятель», но оно сразу наталкивается на неизбежность субъективизма при определении границ действия (в пространственном континууме бытия), которые лишь кажутся очевидными для самого поверхностного «обыденного» мышления, привычно оперирующего сложившимися субъект-предикатными языковыми схемами с претензией на построение адекватной «картины мира». А главное — в таком случае трудно избавиться от «наивных» вопросов: не слишком ли много «субъектов» поселяются в *одном* сознании? Как они взаимодействуют между собой и какую иерархию соблюдают? И что, в конечном счете, выигрывает от этого индивид?

На фоне историко-философских (и продолжающихся сегодня) перипетий «субъекта», сопутствующих его попыткам «самоутверждения», уместно, видимо, вспомнить известное замечание В. Виндельбанда, критически относящегося к точке зрения, согласно которой каждый философ вносит свой «момент истины». По мнению Виндельбанда, напротив, каждый вносит лишь «момент заблуждения» (Виндельбанд, 1995). В итоге все философские учения в совокупности уничтожают друг друга! Справедливо ли данное замечание в отношении категорий субъекта и станет ли философская антропология (наиболее перспективное, на мой взгляд, направление философской мысли) «атропологией без субъекта», как полагал Хайдеггер, или «субъект» предстанет в ней в обновленной ипостаси — покажет будущее (Митькин, 2005). Сегодня же, как мне думается, остается в силе позиция Канта, у которого понятие субъекта — всего лишь «регулятивный принцип», исполняющий роль цензора, необходимого для ограничения неумеренных претензий рассудка в его стремлении к некритическому использованию эмпирических данных.

Глава 9

ГРАНИ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Эволюционный аспект субъектности

Эволюционная составляющая проблемы субъектности обладает большей конкретностью по сравнению со своей философской составляющей. Однако и здесь количество дискуссионных вопросов сегодня явно преобладает над однозначными ответами по важнейшим темам.

С некоторой долей умозрительных допущений можно предположить, что возникновение субъектности в масштабе Универсума изначально обусловлено принципом дифференциации элементов любой развивающейся системы. В силу этого глобального принципа разные элементы разделились на более активные и менее активные, обретя при этом разную «степень свободы» и соответственно — неравные возможности взаимовлияния. Такая дифференциация стала достаточно очевидной на этапе органической эволюции. При этом базовые характеристики субъектности (*активность, целостность и автономность*) проявились уже на самых ранних этапах развития живой природы. Исходные формы становления будущей «самости» потребовали обособления внутренней среды организма от его внешней среды, т.е. образования *границы*. Такая граница оказалась бы бесполезной, если бы параллельно не проходили биохимические процессы, нацеленные на постепенную автономизацию внутренней среды, позволившую даже простейшим организмам получить некоторую независимость от внешней среды. Дальнейшая дифференциация элементов внутри организма сопровождалась одновременными интегративными процессами, необходимыми для *целостной* работы живой системы. Решающую роль в развитии активности сыграло последовательное прогрессивное развитие сенсорных и моторных

функций организма, обеспечившее ему (на животном уровне) возможность перемещения в пространстве. При этом организм не просто «реагирует» на внешние воздействия, но становится *соучастником* сложных процессов, протекающих в масштабе биоценоза. Как отмечает И.И. Шмальгаузен, «возрастающая в процессе эволюции активность организма и его индивидуальная приспособляемость ведут к увеличению пластичности и ускорению возможных темпов эволюции. Реализация же этих возможностей зависит от положения организма во внешней среде и, в особенности, от его взаимоотношений с другими организмами» (Шмальгаузен, 1993, с. 168).

Таким образом, дефинитивные критерии субъектности (целостность, активность, автономность) легко обнаруживаются уже на ранних этапах развития жизни. При этом современная эволюционистика особое внимание обращает на собственную активность организма, проявляемую на всех уровнях его функционирования как обязательное условие адекватной адаптации организма к изменяющейся среде и одновременно — как существенный фактор, влияющий на общую направленность макроэволюции. Еще Ч. Дарвин подчеркивал то, что «при определении характера вариации, организация или строение существа, испытывающего влияние, обыкновенно бывает гораздо более важным элементом, чем характер изменяющихся условий. Доказательством служит появление почти сходных изменений при различных условиях и появление различных изменений при условиях, по-видимому, одинаковых» (цит. по Иорданский, 2000, с. 357). Такая закономерность макроэволюции, вытекающая из активности живых существ, остается предметом дискуссий в современных теориях эволюции (Грант, 1991; Иорданский, 2000).

Рассматривая активность организма в качестве психического фактора и принимая тезис об участии психики в эволюционном процессе, можно было бы предположить влияние на этот процесс присутствующего организму качества «субъектности» и даже вмешательство некоего «субъекта» биологического уровня. Однако конкретизация такого вмешательства и его интерпретация с естественно-научных позиций крайне затруднены. А.С. Северцов детально описывает сложные формы поведения высших животных, подчеркивая (самим названием своей статьи) участие *психики* в организации такого поведения. Он пишет: «Естественно думать, что при этих условиях (новых и трудных. — А.М.) выживут и приспособятся ...особи с потенциально более высокой психикой, т.е. животные наиболее умные и наиболее способные: говоря метафизически, выживут “изобретатели” новых

способов поведения» (Северцов, 1922, с. 43). Повышающиеся этим путем «психические способности» (в том числе «запасной ум» на случай «нового изменения условий») могут передаваться по наследству (там же, с. 44). Опираясь термином «психика» при описании инстинктивного и «разумного» поведения животных, Северцов обходит молчанием тему о природе и сущности психики и механизмах ее воздействия на поведение. Вопрос же о каких-либо «субъектных» проявлениях этого уровня для него (как естествоиспытателя) просто не возникал. И это вполне понятно. Исследователь, остающийся в рамках естественно-научной логики, делая такой рискованный шаг в сторону субъектного подхода, оказывается в замкнутом круге: сначала на основе анализа особенностей поведения предполагается наличие некоей мало понятной внутренней «сущности», а затем эта «сущность» объявляется агентом, организующим поведение. К этому надо добавить, что необходимая для эволюционного процесса собственная активность биологической особи в своих основных характеристиках выходит за рамки номинативных признаков субъекта. Внутренняя составляющая активизации организма, выступающая в качестве *катализатора, интегратора и регулятора* поведения, фактически охватывает *всю* психику, что соответствует *системным* представлениям и понятию *целостности* психики. В эволюционной концепции Северцова для обозначения преобразований, ведущих к морфофизиологическому прогрессу и способствующих повышению жизнедеятельности организма, использован предложенный им термин *ароморфоз*. Совокупность происходящих при этом эволюционных изменений (*арогенез*) включает процессы дифференциации, интеграции, оптимизации, интенсификации функций, повышения уровня гомеостаза, увеличения получаемой и обрабатываемой информации (Иорданский, 2000, с. 375).

Проблемы активности и автономности в их биологическом аспекте теснейшим образом связаны с проблемой взаимодействия *вида и индивида*. Дело в том, что в контексте современной *системной* концепции эволюции (Иорданский, 2000, с. 356–359) автономность индивида (особи) выглядит очень условно. Прежде всего, необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность изолированного рассмотрения индивидуального развития вне его связи с закономерностями *микроэволюции* (изменчивости и наследственности организмов в ходе видообразования) и *макроэволюции* (общей направленности эволюционного процесса). Индивидуальная изменчивость протекает не только в русле видовых преобразований, но и наоборот: эволюция

вида возможна лишь благодаря адаптационно-поведенческой активности образующих его особей.

Двигателем *алломорфозов* (в терминологии Северцова), т.е. приспособлений к новым специфическим условиям существования вида, является *особь*. Парадокс, однако, состоит в том, что реальная поведенческая автономность особи и возможность «свободного выбора» оказываются при ближайшем рассмотрении предельно условными. Их основу составляют *генетические* программы, которые могут корректироваться под влиянием *индивидуального опыта*, но такая корректировка допустима лишь в пределах видовой «*нормы реакции*», последняя же также заложена генетически с учетом *возможного* варьирования средовых условий. В этой связи следует подчеркнуть чистую условность жесткого разделения факторов развития на генетические и средовые с последующим акцентированием внимания на особенностях взаимодействия этих факторов. Оба эти фактора входят в *систему* сложно взаимосвязанных процессов, реализуемых в масштабах биоценоза.

Индивидуальная «свобода» биологической особи состоит, главным образом, в ее возможности (и предустановленной готовности) пожертвовать собой в интересах вида, что не исключает, а напротив, предполагает ее активность в борьбе за собственное выживание. Поражает расточительная «щедрость» природы, готовой жертвовать огромным количеством отдельных особей ради сохранения и дальнейшего развития популяции, вида и т.д. (обобщенно — таксона). Принцип «самодостаточности» и «самоценности» особи прозвучал бы явно абсурдно в его биологическом контексте. Надо заметить, что пафос дарвинизма и всех естественно-научных теорий эволюции состоит в провозглашении объективных законов мироздания как вполне достаточных для объяснения эволюции жизни. В этих трактовках не остается места для *субъективизма* любого ранга (в духе объективного идеализма, спиритуализма или апелляции к особенностям индивидуальной психики). При этом попытки отхода от объективированной картины поведения и перевод разговора на язык субъектных феноменов способны лишь затруднить понимание фактического процесса эволюции.

В отличие от двух первых критериев субъектности (целостности и активности), третий ее критерий (автономность) менее однозначен, если оценивать его с точки зрения прогрессивных изменений в ходе эволюции. Дело в том, что примитивные системы прочнее, чем сложные. Чем сложнее система, тем легче она разрушается. Адаптация

организма к среде обитания осуществляется в двух направлениях: за счет *ригидных* механизмов и путем образования *гибких* связей. Системы второго типа более уязвимы (в большей мере подвержены воздействию разрушающих факторов), но обладают приспособляемостью к изменчивым условиям. Вместе с тем эволюционные усложнения системы не делают ее более свободной от необходимости соблюдения определенных (и достаточно жестких) правил. Повышается лишь вариативность внутри- и внесистемных связей и *взаимозаменяемость* вариантов (в пределах, диктуемых *нормой* реакции).

«Жизнь и ее эволюция,— подчеркивает Э.М. Галимов,— это сочетание двух противоборствующих начал: стремление к свободе и к ограничению ее. В неживой природе стремление к свободе доминирует. Жизнь, как это ни печально звучит, принципиально связана с ограничением свободы. Однако время от времени случаются революционные изменения, когда теряется устойчивость монотонной линии эволюции и возникают качественно новые формы» (Галимов, 2001, с. 73). Следует, правда, заметить, что неопределенность и многозначность понятия «свобода» дают основание не вполне согласиться с данным высказыванием автора — по крайней мере, в той ее части, которая касается сопоставления степени «свободы» в неживой и живой природе.

Особое место в современных интерпретациях эволюции жизни отводится наиболее сложной (и неоднозначно оцениваемой) форме активности организма — его способности к *самоорганизации*. Можно было бы предположить, что именно в этой области легче всего обнаружить какие-либо конкретные механизмы, позволяющие рассматривать их в качестве некоторых проявлений «субъектности» на биологическом уровне. Однако в процессе, часто обозначаемом сегодня термином «саморегуляция», «самость» весьма условна, поскольку речь идет о конкретной (и поддающейся анализу) адаптационной активности, которая включает в себя использование внутренних ресурсов организма, реализацию наследственных программ вместе с поведенческими навыками и управление (корректировку) по принципу обратной связи. Совокупность всех этих факторов и обеспечивает авторегуляционные возможности организма, играющие важную роль в макроэволюции (Иорданский, 2000).

Важная особенность эволюционного процесса — вынужденное «быстродействие» природы (в масштабе эволюционного времени). Природа не признает «патовых» позиций и при отсутствии шаблонных или однозначно диктуемых ситуацией решений делает любой ход, по-

следствия которого «разбираются» затем в конкретных звеньях биотической иерархии. Для иллюстрации этого принципа Э.М. Галимов приводит наглядный исторический пример. На медали, которой награждал своих воинов вождь горцев в XIX в. Шамиль, было начертано: «Кто долго размышляет, тот не одержит победы» (Галимов, 2001, с. 78).

Такая «бездумность» природы, принципиально допускающая неточность и неоптимальность решений, могла бы дорого обойтись земной биосфере, если бы в арсенал этой же природы не входило достаточно надежное (при всем своем фактическом «бесправии» и «жертвенном» положении) звено — индивидуальный состав популяций, вынужденный на поиск и реализацию улучшенных новаторских решений, возможных благодаря высокой прижизненной обучаемости индивидов и их внутривидовому многообразию. Именно биологические особи в своей совокупности определяют *направленность* эволюции, проверяя «на ходу» и сравнивая доступные варианты. Основанием для такого «выбора» служат генофонд данного таксона, ресурсы развития, обобщенный индивидуальный опыт и текущее состояние среды.

Наиболее общей закономерностью биологического этапа эволюции следует, видимо, признать принцип *экспансии*, т.е. стремления к пространственному и «энергетическому» расширению. Противостоящая данному процессу тенденция складывается в результате неизбежно возникающего *дефицита* пространства и ресурсов. Обратный процесс (сдерживание экспансии) не требует какого-либо «предпрограммирования», поскольку он успешно регулируется механизмом естественного отбора.

В качестве промежуточного вывода надо заметить, что, оставаясь в рамках эволюционной науки и не пытаясь создать параллельную картину мира, крайне сложно найти подобающее место некоему «субъекту». Это можно сделать только с позиций спиритуализма, отождествив понятия «душа» и «субъект». При таком подходе становится понятной логика, по которой субъектом объявляется только человек — у животного души нет. Но это — теолого-метафизическая логика!

* * *

Процесс *антропогенеза*, включенный в эволюционную картину мира, имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, удивляет сжатость во времени этого процесса, допускающая пред-

положение, что и нисходящая ветвь в цикле развития данного вида может оказаться очень ускоренной. Одним из дискуссионных аспектов антропогенеза был и остается вопрос о *гармоничности* (или дисгармоничности) природы человека, тесно связанный с вопросом о взаимодействии биологических и социальных факторов в ходе развития цивилизации. Степень и направленность взаимовлияния этих факторов по-разному оценивается с позиций различных эволюционно-мировоззренческих систем.

«Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью», — так в своем обычном афористическом стиле определяет сущность человека Ф. Ницше (2000, с. 12).

В философской системе Х. Ортеги-и-Гассета проблема человека рассматривается сквозь призму взаимодействия индивида и общества. При этом автор проявляет глубокий скептицизм в отношении реальной валидности общественного сознания. Он пишет: «Что касается *коллективной души* социального сознания — то это чистой воды мистицизм. Такой коллективной души нет, если под *душой* мы понимаем — а здесь нельзя понимать что-то еще — лишь *нечто*, способное выступать субъектом, который отвечает за свои поступки и делает то, что он делает, поскольку находит в этом конкретный смысл. Неужели характерная особенность *людей, общества — бездушность?*» И далее: «Коллективное есть действительно человеческое, однако это — человеческое без человека, человеческое без духа, человеческое без души, это — обезчеловеченное человечество» (Ортега-и-Гассет, 2000, с. 612). (Некоторые аспекты данной проблемы представлены также в: Митькин, 1999.)

Впечатляющая патетика Ортеги-и-Гассета, нацеленная на защиту духовных ценностей индивида от «бездушного» общества, вполне актуальна и приложима к оценке «культурного состояния» современного общества. Вместе с тем трудно безапелляционно принять авторскую точку зрения, поскольку во все исторические эпохи духовная «робинзонада» просто невозможна — человек, будучи *общественным* существом, обречен на то, чтобы пополнять свое духовное богатство из коллективного хранилища. В этом одно из проявлений двойственного положения индивида. Следует, видимо, сменить расстановку акцентов. Речь должна идти о *резистентности* индивида, уже получившего (какими способами — это другой вопрос) определенный багаж знаний и навыков, по отношению к деструктивным воздействиям «культурной среды» и «духовных лидеров» своего времени.

Тема эволюционной незавершенности и противоречивости человеческой природы — лейтмотив в творчестве одного из основоположников философской антропологии — А. Гелена. В представлении этого философа и социолога, человек — «недостаточное» существо, обделенное, в отличие от животных, полноценными инстинктами, что лишает его исходной природной гармонии с окружающим миром (цит. по: Современная западная социология, 1999, с. 61–62). Следствием такой утраты становится то, что человек в борьбе за выживание создает свою определенную культуру, действуя в рамках которой, он в какой-то мере «разгружается» от непосильной обязанности постоянного «самоопределения» и получает возможность «инстинктоподобных» социальных действий, компенсирующих потерю природных инстинктов. Однако возникающие при этом социальные институты, в организации которых ведущую роль играет техника, отчуждаются от человека и начинают жить своей имманентной жизнью (таким образом, человеческая групповая субъектность опять отходит на задний план!). Кроме того, вследствие автономизации социальных институтов, неизбежно возникают противоречия между государственной и клановой моралью. Положение усугубляют «интеллектуалы», в действиях которых под маской гуманизма скрывается собственное стремление к власти.

Возражая на эти и другие, созвучные им сентенции в адрес несовершенства человеческой природы, можно, разумеется, сослаться на тот неопровержимый факт, что человек как биосоциальный вид все-таки выжил и завоевал свое место под солнцем, оттеснив других представителей земной фауны. Вместе с тем приходится отметить, что такой аргумент вряд ли способен вселить достаточный оптимизм в сознание *современного* человека, поскольку вопрос о дальнейшей выживаемости вида *Homo sapiens* стоит сегодня острее, нежели много веков назад. Поэтому, следуя концептуальным установкам и терминологии А.С. Северцова, надо, видимо, заключить, что человечество на своем эволюционном пути переходит (или уже перешло?) от *орогенеза* (восходящей ветви видового развития) к *катагенезу* (т.е. нисходящей ветви). Дело в том, что по мере внедрения «благ» цивилизации естественный отбор перестал «работать» на повышение жизнестойкости вида, а социально-техногенный отбор ведет лишь к ухудшению его биологических характеристик.

Еще несколько десятилетий назад известный отечественный невропатолог С.Н. Давиденков (цит. по: Беляев, 1989) указал на так называемый «парадокс нервно-психической эволюции», состоящий

в том, что у вида *H. sapiens* получили очень сильное распространение патологические типы нервной системы, срывающиеся при небольших жизненных трудностях. На смену *стрессоустойчивости* (как важной видовой характеристике человека, способствовавшей антропогенезу) приходит механизм *автострессирования* (в его индивидуальном и групповом проявлении), неизбежно включенный в интеллектуальное творчество.

Проблемы современного *цивилизационного* развития человечества, несмотря на их, казалось бы, большую к нам историческую близость (а потому — и понятность), остаются сугубо дискуссионными (Альтернативные пути к цивилизации, 2000). Например, нидерландский исследователь Х. Классен в статье, посвященной парадоксам эволюционизма, возражает на риторический вопрос другого автора, спрашивающего: «Как люди позволили заманить себя в ловушку и дали возможность расти государству у них и над ними до тех пор, пока у них уже не осталось выбора и сил, чтобы отвергнуть его?» (Классен, 2000, с. 10). Он подчеркивает, что данный вопрос «сформулирован не очень удачно. Такого выбора никогда не было: социально-политические феномены возникли как непредвиденное следствие предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей» (там же). Для объяснения таких феноменов достаточно обратить внимание на более простые вещи. «Вечная нужда в усилиях для удовлетворения человеческих потребностей, вытекающие отсюда действия, на которые следуют ответные реакции, поставляют ...первичную динамическую силу социальной эволюции. Человек должен действовать, и это вынуждает других на ответные действия: избежать этого невозможно» (там же, с. 11).

Данные высказывания могут служить хорошим комментарием по теме о *реальных субъективных* возможностях индивида, стремящегося к изменению социально-политической ситуации! В этой связи уместно напомнить содержание древней молитвы, в которой смертный просит у Всевышнего «только» три вещи: сил для изменения того, что он *способен* изменить, терпения вынести то, что он *не может* изменить, и мудрости, чтобы отличить возможное от невозможного.

Надо, правда, заметить, что здесь таится еще один парадокс человеческого бытия: человеку не дано заранее и гарантированно устанавливать границы своих возможностей (если даже он наде-

лен «высшей» мудростью). Неясность ситуации, неполнота знания и определенная доля *риска* — условия, необходимые для поиска и выявления новаторских решений, в том числе — и эволюционных путей во всем их многообразии. И путь этот очень мало напоминает «триумфальное шествие» — к примеру, большинство мутантов, обеспечивающих возникновение новых биологических форм, погибает.

Резюмируя сказанное выше по проблеме эволюционной «незавершенности» человека, можно заключить, что именно эта особенность способствует развитию у него наиболее важного для антропогенеза параметра — интенции к ускоренной видовой динамике (человек «всегда в пути!»). Вместе с тем такая биологически опасная тенденция, нарушающая характерную для эволюции *ригидность* уже найденных биологических форм, компенсируется в ходе антропогенеза повышением индивидуальной «ответственности».

Роль индивида как амортизатора и регулятора неудачных видовых девиаций возрастает по мере продвижения по эволюционной лестнице — вид, род и другие, более масштабные таксоны, остаются номинативными категориями, выполняя при этом функцию «охраны» видовых границ.

В контексте цивилизационных исследований нельзя не отметить показательный парадокс (что-то вроде обратной перспективы): чем ближе к нам располагается на исторической шкале какое-либо событие, тем менее «прозрачной» и однозначной становится его трактовка. И дело здесь не столько в том, что «большое видится на расстоянии» и лучше «утрачивается» со временем, сколько в том, что отдаленные события в меньшей мере подвергаются тенденциозным искажениям, типичным для своей эпохи.

При попытке выявить движущие силы цивилизационного развития цитируемый выше Х. Классен выделяет следующие факторы, действующие в раннем государстве: рост населения, война, завоевание, идеология, производство избыточного продукта и влияние уже существующих государств (Классен, 2000, с. 8). В более поздней универсализованной схеме (обозначенной как «модель комплексного взаимодействия») он сохраняет только три фактора: идеологию, экономику и социальный формат (понятие, охватывающее численность, плотность и распределение населения). При этом автор говорит о невозможности выделения какого-либо фактора в качестве «перводвигателя» и склонен утверждать, что «у социальной эволюции нет предписанного направления развития».

Не вдаваясь в дискуссию с квалифицированным исследователем, мне хотелось бы лишь заметить, что, на мой взгляд, наиболее мощным мотивом цивилизационного развития была и остается борьба за распределение избыточного продукта. Кроме того, мне представляется недопустимым игнорировать фактор власти как неотъемлемого компонента исторического процесса, тем более что этот фактор имеет, видимо, отношение к рассматриваемой нами теме. В не очень богатом наборе стереотипных «социальных представлений» достаточно твердо сложилось мнение о якобы широких «субъектных» возможностях власти (особенно, если она *персонифицирована*), которые позволяют ей выбирать по собственному усмотрению пути экономического и социального развития, а затем неуклонно воплощать свой замысел в жизнь. Между тем опыт истории говорит о другом.

Власть в принципе не может обладать информацией и исполнительными средствами, достаточными для принятия оптимальных (или хотя бы хороших) решений. Выбор решений определяется совокупным интересом властных структур и уже накопленным социально-политическим опытом. При необходимости новаторских решений вероятность ошибки намного превышает вероятность удачного выбора (т.е. о реальной «субъектности» власти следует говорить очень условно).

Историческое развитие возможно лишь благодаря тому, что властные «проекты» амортизируются и корректируются на уровне низших и средних слоев общества за счет отрицательных и положительных обратных связей и мощных механизмов социальной инерции, предполагающей необходимый компонент резистентности индивида. Очевидная ограниченность возможностей как власти, так и «народа» приводит к их взаимной готовности заменить реальные проблемы всякого рода социальными паллиативами, *симулякрами*, а главное — возвести в ранг «нормы жизни» всевозможные шоу, т.е. превратить современный социум в *общество спектакля* (Дебор, 2000).

Театрализация властных функций, присущая всем историческим эпохам, обрела новые, особенно изощренные формы после того, как в западной цивилизации рухнула наиболее надежная и непререкаемая опора власти — принцип ее «богоданности». Это вынудило власть обратиться к уже частично опробованной на закате античного мира демократизации системы правления, что реально воплотилось в обоюдонаправленное («сверху» и «снизу») *имита-*

торство социальных отношений. Власть во имя своего сохранения оказалась вынужденной имитировать свою любовь к народу и заботу о нем, но создавать при этом структуры поддержки власти, играя на социальных противоречиях. Со стороны народа имитаторство выражается в двух формах, сходящихся в своем «диалектическом единстве»: а) имитации преданности власти, маскирующей личные, семейные и клановые интересы; б) имитации противостояния власти, за которым фактически скрывается стремление занять определенную социальную нишу, предоставляющую некоторые выгоды и преимущества в данной конкретной ситуации. Вторая форма имитаторства не менее охотно, чем первая, принимается властью, поскольку пышно декорированный псевдопротест — прекрасный способ снижения социальной напряженности!

К этому надо добавить постоянно присутствующее в социуме стремление к «вхождению во власть», корректное использование которого существующей властью становится действенным рычагом влияния на социальные процессы и залогом удержания властью своих функций при сравнительно несложном управлении распределением «благ» и манипулировании настроением определенных групп и слоев. Даже очень небольшая дифференциация «благ» (без их суммарного увеличения) позволяет сделать одни группы населения управляющими и контролирующими по отношению к другим группам.

Подмена реалий социально ориентированной деятельности (в ее позитивном содержании) театрализованной имитацией такой деятельности стала традиционным стилем социально-политического поведения. «Именно эта воля к модернизации и унификации спектакля, — пишет французский постмодернист Г. Дебор в предисловии к своей книге, — связанная со всеми остальными аспектами упрощения общества, привела русскую бюрократию в 1989 г. к тому, чтобы вдруг, как один человек, обратиться к современной *идеологии* демократии — то есть к диктаторской свободе рынка, смягченной признанием прав человека-зрителя» (Дебор, 2000, с. 8). В глобальном же плане (в аспекте реализации властных функций), по мнению этого же автора, «ставится все тот же угрожающий вопрос — вопрос, который довлеет над миром вот уже два столетия: как заставить работать бедных там, где рассеялись иллюзии и рухнуло насилие?» (там же, с. 9).

Рекламно-сценический характер современного политического руководства в его американском варианте очень рельефно изображает Ж. Бодрийар (2000). «Американцы, — пишет он, — как и все прочие,

не имеют никакого желания спрашивать себя, верят ли они в заслуги своих руководителей, ни даже, верят ли они в реальность власти. Это завело бы их слишком далеко. Они предпочитают делать вид, будто верят во все это, но при условии, что их верой будут руководить. Управлять сегодня — значит предъявлять убедительные знаки своей надежности». И далее: «Все дело в вывеске. Поскольку общество окончательно уподобилось проекту, все подается как его реализация, и руководители должны работать над созданием рекламного облика...» Малейшая оплошность, касающаяся облика, недопустима. «Напротив, политическая слабость или откровенный идиотизм не имеют значения. Судят только по имиджу. Этот консенсус симуляций не так хрупок, как кажется, поскольку гораздо меньше подвергается испытанию политической истиной. Именно рекламному регулированию общественного мнения обязаны своего рода политической метастабильностью все современные правительства. Слабости, скандалы, провалы больше не кончаются катастрофой... «Рекламный» иммунитет правительств сродни иммунитету ведущих марок стиральных порошков. Во всех странах уже не ведут счет ошибкам руководителей — ошибкам, которые в иное время ускорили бы их крах и которые теперь весь мир с легкостью принимает, пребывая в симуляции правления и согласия, достигаемого ценой безразличия» (Бодрийар, 2000, с. 186–187).

На фоне такой симуляции «проявления и согласия» осуществляется социально-экономическая реструктуризация мира. «В принципе мир освобожден, ему больше уже не за что сражаться. Но в то же время целые группы (как и отдельные индивиды) опустошаются изнутри ...Они оказались за кадром, они зомби, обреченные на то, чтобы всегда оставаться в тени, и на статистическую кривую исчезновения. Это четвертый мир... Он внеполитичен. Он *результат политического равнодушия наших обществ, социального равнодушия наших развитых обществ*, отлучения (экс-коммуникации), которому подвергаются как раз общества, основывающиеся на коммуникации. Это происходит в масштабе всего мира» (Бодрийар, 2000, с. 190).

Приведенные здесь высказывания французских постмодернистов могут служить ярким свидетельством системной сложности и неоднозначности воздействия современных цивилизационных процессов на динамику субъектных качеств человека в их индивидуальном и групповом выражении. Складывающаяся при этом далеко не оптимистичная картина говорит о том, что для предотвращения масштабных социальных деструкции требуется

(вопреки тенденции к якобы необходимой «глобализации») укрепление и развитие *цивилизационной самоидентичности* в рамках отдельных крупных сообществ, сохранению культурных ценностей, исторических традиций и т.д. Сегодня общество попало в порочный круг, охваченный положительными обратными связями, когда уже допущенные извращения в экономической и социальной сферах (в сочетании с целенаправленным информационным давлением) снижают индивидуальную резистентность, а последнее, в свою очередь, способствует дальнейшему разрушению нравственных основ гражданского общества.

Социальный прессинг, которому подвергается индивид и который *возрастает* по мере «прогрессивного» развития общества, заставляет индивида искать новые способы самозащиты. Отсюда вытекает необходимость повышать индивидуальную резистентность к социальным воздействиям, по крайней мере, в таких ее формах, как а) резистентность к влиянию *информации*, заведомо искажающей реальное положение дел, и б) резистентность к *псевдоновациям*, проводимым в интересах «элитарного» меньшинства в ущерб интересам подавляющего большинства населения (это касается как ограниченных сообществ, так и процессов, происходящих в глобальном масштабе).

Представленный здесь очень беглый взгляд на эволюционную составляющую рассматриваемой темы позволяет заключить, что:

- попытка вычленить развитие субъектности на биологическом этапе эволюции не приводит к положительному результату, поскольку условно выделяемые «субъектные» качества оказываются сложно распределенными в рамках всей психики, а само понятие «субъект» не вписывается в контекст эволюционных теорий;
- цивилизационный этап антропогенеза связан с повышением роли субъектных характеристик индивида, однако степень его автономности резко ограничивается неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни;
- важным фактором сохранения конструктивной направленности цивилизационного процесса становится резистентность индивида по отношению к деструктивным социальным воздействиям, эффективность которой требует опоры на достаточно надежные устои — нравственные, идеологические, духовные.

Психологический аспект субъектности

Обращаясь к этому аспекту рассматриваемой проблемы, нужно, прежде всего, сказать, что выделить психологическую составляющую в ее «чистом» виде крайне трудно. Субъектность человека тесно связана с процессом *познания*, имеющим глубокие биологические корни. Анализируя особенности и механизмы познавательных процессов, Б. Рассел писал: «Познание, по моему мнению, является гораздо менее точным понятием, чем обычно думают, и его корни глубже скрыты в невыразимом словами поведении животного, чем большинство философов склонно допускать. Логические основополагающие допущения, к которым приводит наш анализ, с психологической точки зрения являются концом длинной серии абстракций, которая начинается с привычки животных чего-либо ожидать, например ожидать, что нечто, имеющее определенный запах, будет хорошим для съедения» (Рассел, 1997, с. 12).

Оперируя понятием «субъекта» с той степенью условности, которая принимается в данной статье, нельзя вместе с тем не признать, что именно развитие субъектности сыграло решающую роль в процессе антропогенеза. Уже ранний представитель вида *Homo sapiens* стал существом *рефлексирующим*, и к суждению «я знаю» добавились еще два варианта с разной расстановкой акцента: а) «я знаю, *что* я знаю» и б) «я знаю, *что* я знаю». Правда, степень ясности и, главное, объективная достоверность таких суждений остались предметом, не предвещающим скорое завершение философских дебатов!

Механизм рефлексии дал человеку возможность «проигрывать» во внутреннем плане предполагаемые действия и оценивать их возможные последствия. А это — огромное преимущество (по сравнению с животными), позволяющее предпослать любому практическому действию его «теоретическую» проверку и тем самым — избежать многочисленных проб и ошибок с их непредсказуемыми и подчас весьма опасными последствиями. Именно это качество позволило человеку присвоить себе (на фактической основе) титул «разумного».

Вместе с тем дальнейшее развитие этого важного человеческого качества закономерно привело к «раздвоению единого» (по гегелевской терминологии). В одном индивиде противоречиво соединились «человек действия» и «человек-созерцатель» с широким варьированием степени выраженности этих признаков в масштабе

человеческих популяций. Если первый стремится (продолжая импульсивные традиции животных) к реальным действиям, то второй пребывает преимущественно в воображаемом мире, оторванном в большей или меньшей мере от мира реального. Поэтому умозрительно «находки» такого плана далеко не однозначны по своей практической (и даже теоретической) ценности: в диапазоне от гениальных озарений до бредовых фантазий. При этом объем свободных фантазий многократно превосходит реалистически ориентированные планы. Следует отметить, что такая особенность внутреннего мира человека в нейрофизиологическом аспекте обеспечивается наличием огромного количества интернейронов в мозговых структурах и циркуляцией возбуждения в замкнутых контурах, образуемых этими нейронами. В процессе этой циркуляции и происходит, по-видимому, «обдумывание» ситуации, завершаемое принятием того или иного решения, за которым следует внешнее целенаправленное действие.

В такой психологической двойственности человека одновременно заключены его сила и слабость. С одной стороны, он безграничен в своем интеллектуальном поиске, с другой — он обречен на огромное количество ошибочных решений, практическая проверка которых может грозить тяжелыми последствиями. В результате в своем специфическом человеческом поведении человек совершает ошибок больше, чем животное, действия которого стандартизированы генетически фиксированными программами. Единственным корректным выходом из этого противоречия становятся «пробные шаги», эволюционные зачатки которых наблюдаются уже в животном мире.

Гипертрофированное развитие внутреннего мира привело к тому, что человек утратил свое исходное естественное единство с природой и оказался в изоляции от мира с вытекающим отсюда тягостным ощущением своего одиночества (Бердяев, 1999).

Другим последствием такой чрезмерной «самоуглубленности» стала тенденция к уходу в «виртуальный мир». При этом оказалась под вопросом надежность корреляции между естественным и виртуальным миром.

На путях развития психологической мысли категория субъектности претерпела (как и в истории философии) ряд закономерных модификаций. Казалось, что после выделения в конце XIX в. психологии в самостоятельную науку, интегрирующую важнейшие итоги многовековых философских размышлений и новейшие достижения естествознания, именно это молодое направление

призвано дать *научно* аргументированные ответы на запутанные вопросы по проблеме человеческого Я и позволит вскрыть природу, сущность и конкретное содержание данного понятия. Однако первые же шаги, сделанные психологами на этом пути, принесли больше разочарований, нежели удачных решений.

Прежде всего, приходится признать, что, пройдя три основных исторических этапа развития (психология души, психология сознания и психология поведения), психология так и не обрела своего *предмета*, а категория субъекта — конкретного *психологического* содержания. Учение о душе не позволило психологии выйти за рамки традиционных теологических схем своего времени. Умозрительные построения в пространстве души в принципе не могли обогатить новой эмпирикой представление о «субъекте». Психология сознания оказалась фальсификацией в связи с неопределенностью и фактической бессодержательностью самого понятия «сознание». Соответственно, поиск некоего Я в темных глубинах таинственного сознания стал еще более запутанной задачей. В этой связи, видимо, уместно вспомнить о феноменологической редукции Э. Гуссерля и ее результате (см. раздел 1). Гуссерль был принципиальным противником «психологизма», но именно он дал классический пример очень тонкого *психологического* анализа, построенного по методу интроспекции, т.е. с помощью того базового метода, на который опиралась психология сознания в соответствии со своей установкой на *непосредственную* данность психики индивиду — ее носителю (относительно иллюзии непосредственной данности психики (см. Митькин, 1982).

А психология поведения ознаменовала собой однозначный отказ от каких-либо претензий на исследование «сущности психики» (соответственно — «субъекта психики»).

Глубокий кризис, охвативший психологию в самом начале ее самостоятельного пути, дал основание У. Джемсу (одному из «столпов» этого нового направления) весьма критически отнестись к оценке реальных возможностей науки, неспособной определить предмет своих исследований. «Довольно странно слушать,— пишет Джемс,— когда начинают толковать о “новейшей психологии” и пишут “истории психологии”, забывая, что даже основные элементы и факторы в области душевных явлений не установлены с надлежащей точностью. Что представляет собой психология в данную минуту? Кучу сырого фактического материала, порядочную разноголосицу во мнениях, ряд слабых попыток классификаций и эмпирических обобщений чисто описательного характера, глубоко

укоренившийся предрассудок, будто мы обладаем состояниями сознания, а наш мозг обуславливает их существование, но ни одного закона в том смысле, в каком мы употребляем это слово по отношению к физическим явлениям...» (Джемс, 1991, с. 367).

Разумеется, можно допустить, что эти сентенции отражают лишь далекое прошлое психологии и не имеют отношения к ее современному состоянию. Тем не менее, трудно не признать прозорливость предвидений Джемса, затрагивающих базовую тематику психологии (к примеру, проблему взаимосвязи личностных и субъектных характеристик человека), которые и по прошествии ста лет звучат вполне актуально и злободневно на фоне сегодняшних анализов и дебатов (см. Анцыферова, 2000; Субъект, личность и психология человеческого бытия, 2005). Категории личности и субъекта рассматриваются Джемсом совместно, но он сразу же проводит их разделение, хотя и подчеркивает принципиальную трудность такой дифференцировки. По мнению автора, нельзя говорить о двух обособленных сущностях, «так как признание тождества нашего “Я” и нашей личности даже в самом акте их различения есть, быть может, самое неукоснительное требование здравого смысла, и мы не должны упускать из виду это требование с самого начала, при установлении терминологии...» (Джемс, 1991, с. 81). Сложность интерпретации этой двуединой категории обусловлена тем, что здесь тесно взаимодействуют «познаваемый элемент в сознании личности... наше эмпирическое “Ego” и познающий элемент в нашем сознании, наше “Я”, чистое Ego...» (там же).

Данную трактовку проблемы приходится рассматривать лишь как промежуточную позицию автора, если обратиться к ее окончательному варианту в завершающей части книги. Здесь Джемс исходит уже из своей концепции «потока сознания», созвучной с радикально поставленным им вопросом: «Существует ли сознание?», предвосхитившим базовые установки философии постмодернизма. Ставя под сомнение факт существования «состояний сознания как таковых», Джемс одновременно выражает неуверенность в реальности субъекта сознания. «Мне кажется при этом, — пишет он, — что душевная активность является скорее постулируемым, чем непосредственно данным чувственным фактом; что наличность познающего субъекта, воспринимающего всю совокупность познаваемого, постулируется мною и не дана прямо в опыте... В силу этого соображения мы должны оставить открытым вопрос о том, кто истинный субъект познания, а ответ на него, данный нами

(выше), считать условным решением вопроса с точки зрения здравого смысла, решением, которое требует критической проверки» (Ницше, 2000, с. 363). Продолжая логику автора, следует заметить, что попытка «выловить» из потока сознания некоего «субъекта» становится не только трудной, но и надуманной задачей.

Через несколько десятилетий другой выдающийся мыслитель-исследователь Г. Олпорт, обратившийся к проблеме соотношения понятий «личность» и «субъект», напишет: «Признавая Я в качестве отдельного “субъекта”, который знает, желает, хочет и так далее, не рискуем ли мы создать “личность внутри личности”? Получается, что мы постулируем “маленького человечка в грудной клетке”... Сказать, что Я делает то или это, хочет того или иного, желает того или этого, — значит породить серию трудных вопросов... Я считаю, что мы найдем объяснения, которые ищем, в структуре правильно понимаемой *личности*, включающей, конечно, структуру проприума^{*}. Глупо приписывать наши проблемы внутреннему субъекту, который “дергает за ниточки”.

Для определенных философских целей может быть оправданно рассмотрение Я как устойчивой целостности (возможно, одаренной бессмертием). Но в психологии нам следует избегать резкого отделения Я “как субъекта от функционирования проприативных систем внутри личности”» (Олпорт, 2002, с. 265).

На мой взгляд, подход к весьма запутанной проблеме соотношения понятий «личность» — «субъект» следует искать в плоскости взаимодействия категорий «вид» — «индивид» в *эволюционном* контексте. Индивидуальная дифференциация биологического уровня составляет основу эволюционной динамики вида. На социальном уровне эволюции связи «вид» — «индивид» существенно усложняются и приобретают новые качества, характерные для цивилизационного развития (Иорданский, 2000). Однако индивидуальные различия (теперь уже в своем новом качестве) остаются решающим фактором *социального* развития, образуя так называемые *личностные* черты, а в совокупности — «личность». Личностные установки человека меняются в течение всей его жизни, поэтому говорить о какой-то «сформировавшейся личности» можно лишь с большой степенью условности. Гораздо логичнее представляется позиция Олпорта, подчеркивающего, что «личность — это скорее переходный процесс, чем законченный продукт» (Олпорт, 2002, с. 175).

---

* Термин «проприум», введенный Г. Олпортом, близок к понятию «самость».

Социальная индивидуация человека происходит под влиянием многих взаимодействующих факторов, а в определении той «социальной ниши», в которой он оказывается в данный момент, его «личный выбор» далеко не всегда играет решающую роль. Что же касается тенденций к гипостазированию понятий личность и субъект, наделению их способностью «знать», «хотеть» и «мочь», стремления к их иерархизации с помещением одного понятия внутри другого и т.д.— то все эти попытки не позволяют выйти за рамки словесной эквилибристики и лишь затрудняют реалистический поиск новых путей развития психологии. Реальным следствием таких тенденций стала терминологическая путаница, допускающая рядоположное употребление словосочетаний типа «сознание субъекта» и «субъект сознания», «субъектные качества личности» и «личностные особенности субъекта» и т.п.

Приведенная сентенция не исключает, а скорее, наоборот, инициирует дальнейшее рассмотрение иных психологических подходов к субъектной тематике.

Неудачи, постигшие психологов на пути проникновения в тайны сознания, стали одной из причин резкого повышения их интереса к противоположной сфере — тайнам «бессознательного». При этом были игнорированы некоторые логические нюансы: сомнительная эффективность анализа отрицательной формы какого-либо понятия при отсутствии ясности в отношении его положительной формы. Дело в том, что категории сознательного и бессознательного «работают» лишь в оппозиции, и затруднения в трактовке категории сознания допускают очень разноречивые и подчас произвольные подходы к проблеме «бессознательного» (аналогичная картина имеет место в оппозиции категорий Бытие и Ничто у Гегеля и Сартра — см. раздел 1).

«Бессознательное» стало главным «фигурантом» в тематике *психоанализа*, возникшего в узком кругу практикующих психиатров, но очень быстро завоевавшего статус масштабного мировоззренческого направления, в котором психология попыталась найти свое новое пристанище.

Что касается обсуждаемой нами проблемы субъектности, то психоанализ в его классическом варианте ни в коей мере не может служить укреплению позиций «субъекта» с помощью психологической аргументации. В базовой триаде Я — Оно — Сверх-Я (Эго, Ид, Супер-эго) индивидуальное Я выглядит жалким пигмеем рядом со всемогущим Оно, питаемым биологическими инстинктами (сексу-

альным и агрессии) и фактически детерминирующим человеческую активность. Роль Я крайне ограничена: его рациональные способности направлены лишь на то, чтобы согласовать и, по возможности, примирить требования инстинкта с социальной цензурой, реализуемой на уровне Сверх-Я. Достаточно очевидно, что в концептуальной схеме психоанализа становятся лишними такие понятия, как свобода выбора, возможность самоопределения, личная ответственность и т.п. Индивид, сознательное Я которого сильно урезано, попадает в безысходное положение: он не способен преодолеть могущественное Оно и в то же время не может пренебречь цензурой со стороны Сверх-Я. Остается один «выход» — «бегство в болезнь» с последующим обращением к психоаналитику за терапевтической помощью.

Психоаналитическая концепция оказалась довольно удобной в идеологическом плане, что и способствовало ее популярности, сохраняющейся по сей день. Она позволяет сместить акценты с социальных и техногенных проблем на задачи расширения психотерапевтической помощи, способной якобы компенсировать неизбежные «издержки» цивилизации.

Истекшее с момента зарождения психоанализа столетие ознаменовалось многими социальными новациями, в том числе — «сексуальной революцией», значительно ослабившей тиранию Супер-эго. Можно было ожидать, что это облегчит положение ущемленного Эго и будет способствовать гармонизации общества в целом. Однако растущая во всем цивилизованном мире статистика психических заболеваний и самоубийств заставляет усомниться в наличии такой коррекции, а тем самым — в реальной валидности фрейдистских установок в их приложении к цивилизационным проблемам.

В трактовках психоаналитической концепции высказывается мнение о холистической позиции Фрейда в отношении природы человека (см., например, Хьел, Зиглер, 1997). Мне же, напротив, представляется, что Фрейд допустил в достаточной мере произвольное и далекое от естественно-научных реалий расчленение человеческой природы, предельно занизив при этом роль ее *рациональной* составляющей.

Параллельно психоанализу сформировалось оппонентное по отношению к нему направление, испытывающее влияние социологических течений и потому объясняющее специфику индивидуального Я не биологическими, а *социальными* факторами.

Согласно базовым установкам данного направления, личностные и субъектные особенности индивида почти всецело определя-

ются средой, в которой он воспитывается, а затем функционирует. Общий объем «отраженных» качеств в человеке намного превосходит то их количество, которое складывается в результате его собственных усилий.

Метафора «зеркального Я» идет от Адама Смита, который использовал ее в своих экономических и социологических построениях. Конкретным содержанием эта метафора наполнилась уже в начале XX века в исследованиях У. Джемса, Д. Болдуина, Ч. Кули, Дж. Мида. В формулировке Кули в книге «Человеческая природа и социальный порядок», опубликованной в 1902 г., она «обозначает социальный процесс, при котором наши образы “Я” формируются через восприятие нас другими людьми» (цит. по: Мертон, 2006, с. 40). В те же годы У. Джемсом было предложено простейшее математическое выражение «самости»: $self = I + mc$, где первое слагаемое — собственное представление индивида о себе, а второе — мнение о нем других людей.

Л. Стивен (1902) расширил метафору зеркального Я, посчитав, что необходимо учитывать не только первичное, но и вторичное отражение. Для этого надо представить два противоположных зеркала, взаимно отражающих образы до бесконечности (там же).

В социологической концепции Ч. Кули общество, социальные группы и индивид рассматриваются как единый живой организм. Холизм у данного автора базируется не на биологических, а на социальных факторах, чем устраняется противостояние индивида обществу. «Социальное» и «индивидуальное» — две стороны «ментальной целостности», руководимой так называемым «большим сознанием». Кули не стремится к анализу этой целостности и даже не приводит ее четкого определения, ограничиваясь метафизической категорией «человеческая жизнь». Последняя постоянно эволюционирует и может описываться лишь в виде отдельных социальных фактов. Социализация индивидуального сознания начинается в первичной группе (семья, ближайшее окружение), а затем при расширении контактов приводит к формированию социальных чувств и *социальных представлений*. Первичная группа и общество взаимодействуют на основе моральных *идеалов*, которые выступают в качестве доминирующих социальных представлений (Современная западная социология, 1999, с. 146–147).

Приведенные здесь фрагменты позволяют, видимо, заключить, что социологически ориентированные концепции (как и рассмотренное ранее биологически ориентированное направление)

оставляют очень мало места для эффективного проявления «субъектных» качеств индивида.

Гуманистическая психология, возникшая в качестве так называемой «третьей силы» по отношению к бихевиоризму и психоанализу, существенно укрепила субъектные установки ряда психологов второй половины прошлого века. В теоретических и практических установках ведущих представителей этого направления — А. Маслоу и К. Роджерса — первоисточником индивидуальной активности объявляется «самодостаточная» и «самоценная» человеческая личность, которая сама определяет свои жизненные позиции, осуществляет свободный выбор оптимальных форм поведения и имеет все основания к тому, чтобы жить «хорошей жизнью». Идеологической базой для обоих исследователей послужили трудно разделимые феноменологическая и экзистенциалистская концепции, поэтому обозначение в некоторых изданиях (например, Хьел, Зиглер, 1997) теории Маслоу как гуманистической, а теории Роджерса как феноменологической непринципиально. Что же касается индивидуализации их взглядов, то надо учесть, что первый имел дело со здоровыми взрослыми людьми, а второй — с патологическим контингентом. Кроме того, Роджерс, в отличие от Маслоу, разграничивающего сильные и слабые стороны экзистенциализма, оказался в большей мере экзистенциалистом, чем сами философы-экзистенциалисты, поскольку был лишен каких-либо сомнений в свободе личного выбора и эффективности такого выбора.

Социальный пафос гуманистической психологии состоит в том, что установка на личный *успех* («самоактуализацию»), обретая форму массовой идеологии, становится важным фактором, способствующим расширению границ техногенной цивилизации. Но поскольку далеко не все результаты развития техногенной цивилизации могут оцениваться как однозначно положительные, возникает необходимость параллельного расширения социальных и терапевтических мер, нацеленных на ослабление (или, по крайней мере, маскировку) влияния «издержек» цивилизации на состояние современного общества.

Отсюда — «терапия, центрированная на человеке» (Карл Роджерс и его последователи... 2005), позволяющая не только привлечь пациента в качестве соучастника терапии, но и возложить на него ответственность за позитивное изменение своей личности, без чего терапевтический процесс не может стать эффективным (здесь возникает попутный вопрос: а сколь велик реальный вклад этого

процесса в сложную совокупность иных факторов, от которых зависит формирование и изменение личности?). Было бы, разумеется, нелепо отрицать эффективность давно известного медицине принципа активного пациента, обладающего соответствующей внутренней установкой на исцеление (принципа, модернизированного и усиленного Роджерсом), но нельзя и закрывать глаза на реальные возможности данного принципа, если учесть неудачи Роджерса при попытках лечения шизофрении и неоднозначную оценку его методики со стороны американских психиатров (Хьел, Зиглер, 1997, с. 532).

К этому надо добавить некоторые дополнительные соображения, возникающие при анализе феноменологического направления в психологии.

1. Среди самоактуализирующихся личностей неизбежно возникает довольно жесткая конкуренция, которая в лучшем случае приводит к фрустрации у проигравших конкурентную гонку (с последующим изменением жизненной позиции), а в худшем — к более тяжелым результатам.

Как это ни парадоксально, но именно «самоценная» и «самодостаточная» личность наиболее легко становится объектом социально-политических манипуляций (отрицательно влияющих на нравственное здоровье общества), поскольку при малейших угрозах ее благополучию такая личность готова очень быстро сменить свою позицию, которая определяется лишь ее «собственным» мнением и не зависит от каких-либо объективированных канонов.

Вне поля зрения исследователей остаются «реактивные образования», т.е. различного рода протестные установки и протестное поведение, играющие важную роль социальных регуляторов в нормально развивающемся обществе. При массовой ориентации на личную активность такие установки становятся трудно отличимыми от более примитивного девиантного поведения, в рамках которого специфическая «самоактуализация» может достигать высших степеней виртуозности.

При общей оценке концепции Роджерса небезынтересно напомнить о его принципиальной дискуссии с Б. Скиннером (1956), в ходе которой жесткой социальной схеме бихевиориста Скиннера, ориентированной на директивную организацию поведения людей, противопоставлялась гуманистическая концепция с ее ставкой на саморазвитие свободной личности. Надо уточнить, что Роджерс исходил при этом из принципа совершенства человеческой природы,

разделяемого далеко не всеми психологами иных направлений. По мнению Роджерса, при реализации скиннеровской схемы возникают трудные вопросы. Кто и по каким критериям выбирает нужный для общества вариант? И кто должен осуществлять контроль? Однако аналогичные и не менее сложные вопросы можно поставить и в адрес гуманистической оппозиции. По каким критериям следует судить о том, что саморазвивающаяся личность стоит «на правильном пути»? И достаточен ли опыт «самодостаточной» личности для эффективного участия в построении социальной структуры или хотя бы безошибочного выбора из возможных вариантов?

Краеугольным камнем общепсихологической теории Роджерса и основой его терапевтической практики служит предложенная им *Я-концепция* (или *самость*), которую он определяет так: «Организованный, последовательный концептуальный гештальт, составленный из восприятий свойств “Я” или “меня” и восприятий взаимоотношений “Я” или “меня” с другими людьми и с различными аспектами жизни, а также ценности, связанные с этими восприятиями» (цит. по: Хьел, Зиглер, 1997, с. 540).

Социальная жизнь индивида многогранна, поэтому Я-концепция может включать в себя разные ролевые установки, которые меняются в зависимости от ситуации. Наряду с образом своего реального Я, человек обычно ориентируется на такие личностные свойства, которыми он пока не располагает, но которые хотел бы иметь. В этом случае речь идет о *Я-идеальном*, играющем существенную роль в направленности индивида.

Во многих психологических концепциях понятия «Я» и «субъект» рассматриваются как идентичные или, по крайней мере, очень близкие. Важно поэтому подчеркнуть, что в понимании Роджерса Я не наделяется той активностью, которой по определению располагает субъект. Оно не контролирует и не регулирует действия человека, а лишь отражает и символизирует «главную часть сознательного опыта индивида» (Хьел, Зиглер, 1997, с. 540).

Один из учеников Роджерса, Л. Холдсток в своей дискуссионно-обзорной статье подверг мотивированный ревизии понятие «Я», лежащее в основе человекоцентрированного подхода Роджерса и его прямых последователей. По мнению этого автора, характерная для Запада «центрация на индивиде» и представление о человеке как о свободной, уникальной, мотивационной и когнитивной целостности являются специфической идеей в многообразии мировых культур. Изменения, обусловленные развитием «глобально взаи-

мосвязанной мировой системы», требуют сегодня отказа от монокультуральной идеи Я как отдельной сущности и принятия более широкой концептуальной платформы, позволяющей рассматривать способность к управлению как свойство, присущее «не индивиду как таковому, а полю сил, в котором он существует» (Холдсток, 2005, с. 248). Под этим расплывчатым выражением подразумевается тот факт, что индивид находится в постоянном контакте с другими людьми, поэтому его Я формируется в условиях многообразного взаимодействия (исторического, социального, экономического, политического), типичного для данного общества (Sampson, 1988; 1989; Sarason, 1981). Собственная активность индивида выступает лишь как элемент той групповой активности, в которую он вовлечен.

Динамичность индивидуальных позиций склоняет современных исследователей к тому, чтобы понимать Я не как «сущность», а как процесс, в ходе которого так называемое «Ядерное Я» (в терминологии Джемса) не только постоянно меняется в «потоке сознания», но и оказывается под воздействием других социальных Я. Такая точка зрения получила развитие у *символических интеракционистов* в лице Дж. Мида и его единомышленников, а затем у *социальных конструктивистов* (Gordon, 1968; Gordon, Gergen, 1968).

Следует отметить, что в более поздних работах этого направления особое внимание уделяется роли *диалогического* общения в становлении Я. «Диалогическое Я имеет характеристики децентрализованного, полифонического рассказа, обладающего сложностью и многообразием Я-позиций» (цит. по: Холдсток, 2005, с. 252). Широта социальных контактов делает межличностные границы в значительной мере условными. Люди все более и более становятся частями взаимозависимой мировой системы. По выражению Т. Харди, «...человеческий род следует рассматривать как одну огромную сеть, которая вся начинает вибрировать, словно паутина, стоит до нее слегка дотронуться» (цит. по: Холдсток, 2005, с. 256).

Поэтому подход к индивиду как относительно автономной единице отражает лишь «иллюзию индивида буржуазного общества, а не его истинную сущность» (У. Сэмпсон, цит. по: Холдсток, 2005, с. 256) и вряд ли может быть эффективен в клинической практике. По утверждению другого автора, «...определив проблемы человека в личностных и предельно интерперсональных терминах, независимых от природы и структуры социума, социальной системы, Роджерс создал настоящий камень преткновения для решения проблем психического здоровья» (Холдсток, 2005, с. 256–257).

Среди проблем, рассмотренных в обзоре Холдстока (2005), а более широко представленных в дискуссии по концепции «самости», развернувшейся в 1980-х годах на страницах журнала «*American Psychologist*», следует отметить еще две.

Во-первых, нельзя не указать на гендерные различия в Я-концепции у мужчин и женщин, усиленно подчеркиваемых с *феминистских* позиций. По утверждению одной из представительниц этого направления, «Женщины живут в мире связей и отношений... Идея сепарированной идентичности, или сепарированного ощущения Я, совсем не одна и та же для женщин и для мужчин» (Josselson, 1987, с. 169–170). Ощущение Я у женщин изначально предполагает отношения с другими людьми. Идентичность в данном случае означает «быть с». В отличие от мужчин, растущих в культуре самоутверждения, власти, индивидуальных различий, женщины растут в культуре общности, контактов и пребывания вместе. Автор обзора полагает, что без учета этого фактора Я-концепция будет выглядеть явно односторонне.

Во-вторых, типичная для Запада *монокультурная* ориентация на автономного индивида встречает сегодня серьезные возражения со стороны тех ученых, которые считают необходимым выйти из этих узких рамок и готовы рассматривать проблему Я в контексте *разных* культур. Установкам *универсалистов* на «одинаковость» всех людей в данном случае противопоставляется принцип дифференциации, порождаемой различиями в культурных традициях. В то же время подчеркивается общая для всех незападных культур особенность: «эгоцентрически конвенциональному “здесь” противостоит “социоцентрически органическое биполярное Я”» (Azuma, 1984; Bandura, 1982; Hsu, 1985; Schweder, Bourne, 1989). В качестве общего фактора выступает при этом социоисторическое, или «включенное» Я в противовес ограниченному, или деятельному Я монокультурной традиции, которое определяется как «монотеистическое, аналитическое, индивидуалистическое, индивидоцентрированное, эго-центрированное Я, а также как централизованная равновесная структура, буржуазная и пустая» (Холдсток, 2005, с. 263). В альтернативной модели Я (по отношению к ее прозападному варианту) предполагается, что «энергия и способность к контролю концентрируются по большей части не внутри Я, а в поле сил, в котором существует индивид» (там же). А это означает, что данное понятие выступает как «биполярное, общественное, открытое, объединенное, политеистическое, плюралистическое, холистическое и диалогическое Я, а также как децентрированная неравновесная структура» (там же).

Завершая свой критический обзор, Холдсток заключает: «Главная задача, с которой столкнулось человечество, — это создание нового понятия Я, лучше приспособленного (нежели модель, предлагаемая современной психологией) к тому, чтобы справляться с проблемами глобального общества эпохи постмодернизма. Вопрос о том, сможет ли человекоцентрированная теория справиться с пересмотром своего индивидуалистического подхода к Я, остается пока открытым» (там же).

Проблема субъектности человека в ее *сегодняшнем* звучании наиболее развернуто представлена в экзистенциальной ветви гуманистической психологии или проще — в *экзистенциальной психологии* (Экзистенциальная психология, 2001). К наиболее масштабным фигурам, характеризующим данное направление в его теоретических положениях и психотерапевтической практике, следует, видимо, отнести *Р. Мей* и *Л. Бинсвангера*.

Концептуальной основой этого течения (ставшего в какой-то мере «модным») является феноменологическая установка на *внутренний* мир человека, анализ которого объявляется единственно доступным (и достаточным) предметом психологического исследования. По утверждению П. Тиллиха, сопричастного к экзистенциализму, следует отказаться от всякого рода «сущностей» «в пользу такой Реальности, какой человек ее воспринимает непосредственно в своей действительной жизни» (цит. по: Экзистенциальная психология, 2001, с. 10). Данное высказывание было бы убедительнее, если бы оно не вызывало два вопроса: во-первых, позволяет ли непосредственное восприятие отличить Реальность от не-Реальности и, во-вторых, что такое «действительная жизнь»?

Феноменологическую установку на самоценность непосредственного восприятия легко принять за второе модернизированное издание наивного реализма и трудно примирить с историческим опытом познания, основу которого составила знаково-символическая система накопления и передачи опыта (для этого пришлось бы признать весь путь развития культуры и цивилизации грубой ошибкой). Это, разумеется, не означает желания принизить роль чувственного познания, но и не является попыткой реанимировать тезис о «единстве чувственного и рационального» в его канонизированном варианте.

Важный момент в экзистенциально-психологической позиции — категорический отказ от любых форм субъект-объектной дихотомии, которую Бинсвангер назвал «раковой опухолью всей психологии

...раковой опухолью доктрины о расколе мира на субъекта и объекта» (цит. по: Экзистенциальная психология, 2001, с. 114). Преодоление этого «рокового дефекта всей психологии» достигается, по мнению цитируемого автора, через хайдеггеровское понятие «бытия-в-мире как трансценденции», которое позволяет уяснить, каким образом субъект может встретиться с «объектом» и взаимодействовать с другими субъектами (Экзистенциальная психология, 2001, с. 310–311). Однако исследование этого понятия знаменует собой откровенное и однозначное перемещение субъекта в «трансценденцию», на чем, собственно, и зиждется весь пафос «экзистенциальной свободы» (т.е. воспроизводится концептуальная схема философии экзистенциализма — см. раздел 1). Как неизбежное следствие, одновременно принимается и весь «негатив» такой «свободы»: чувство вины, страх одиночества и т.д. Этим обстоятельством в значительной мере объясняется повышенное внимание к патопсихологическим случаям, описанию и анализу которых уделяется много места и которые, в интерпретации Бинсвангера, следует рассматривать не как проявление ущербности индивида, а, напротив, как «особые модусы трансценденции», способствующие расширению экзистенциальных возможностей субъекта (Экзистенциальная психология, 2001, с. 311).

Несомненный интерес для человека, пытающегося определиться в своем отношении к экзистенциальной психологии, представляет оценка, которую дает этому направлению А. Маслоу в публикации, выгодно отличающейся взвешенностью суждений от несколько экзальтированных эзотерических текстов, типичных для апологетов экзистенциализма (Маслоу, 2001). Развернутый по пунктам ответ на вопрос «Экзистенциальная психология — что в ней есть для нас?» автор начинает словами: «Я не являюсь ни экзистенциалистом, ни прилежным и полным последователем этого движения», — и здесь же указывает, что в экзистенциальных рассуждениях он находит «много чрезвычайно сложного или даже невозможного для понимания» (Маслоу, 2000, с. 42). В своем определении экзистенциализма Маслоу делает «акцент на понятии идентичности и переживании идентичности как *sine qua pop* (непременное условие) человеческой природы...» (там же). Именно это понятие позволяет «работать на эмпирическом уровне» и дает возможность объединить позиции американских и европейских исследователей.

Реальностью, способствующей взаимопониманию американцев и европейцев, является, по мнению Маслоу, «глобальное разрушение всех источников ценностей, лежащих вне индивида... Американцы

поняли, что демократия в политике и процветание в экономике сами по себе не решают никаких базовых ценностных проблем. Людям некуда обратиться, кроме как внутрь себя, к самости как локусу ценностей» (Маслоу, 2001, с. 43).

Достигаемая с помощью экзистенциалистов возможность совместить психологию с философскими основами оценивается Маслоу как очень важный фактор, и он выражает надежду, что благодаря этому «психологи перестанут полагаться на псевдорешения или на неосознанные, непроверенные философские концепции, которые они подхватывают, как дети» (там же).

Разрыв между человеческими желаниями и человеческими возможностями — актуальная проблема как для европейского, так и для американского экзистенциализма. Вместе с тем *действительное, желаемое и возможное* положение человека неотделимы друг от друга. «Личность, — пишет Маслоу, — является одновременно действительно существующей и потенциально возможной» (там же). Возможность в скрытой форме всегда присутствует в настоящий момент. Без будущего нет настоящего. Утрата будущего есть одновременно обесценивание настоящего. Поэтому «понятие самоактуализации бессмысленно без соотношения с ныне действующим будущим» (Маслоу, 2000, с. 47).

Признавая за «подлинной личностью» возможность и право изменять свое отношение к людям и обществу в целом и выходить за границы своей культуры, Маслоу, однако, воздерживается от абсолютизации принципа самоактуализации. По его мнению, сказать (вслед за европейцами), что «самость — это проект и *всецело* создается непрерывным выбором самой личности, несомненно, будет преувеличением в связи с тем, что мы знаем, например, о генетической детерминации личности» (Маслоу, 2001, с. 45).

Еще более критичен Маслоу к экзистенциалистскому акценту на полной изолированности индивида. Не без некоторой язвительности он предлагает в этой связи относиться к тайне взаимодействия между одиночествами «как к чуду, которое необходимо объяснить» (Маслоу, 2001, с. 46).

Приведенное выше сопоставление разных точек зрения на природу и сущность «субъекта» свидетельствует о крайней противоречивости в позициях, занимаемых по этой проблеме представителями разных психологических направлений. Такая пестрота взглядов, видимо, адекватно отражает многогранность, сложность и запутанность данной проблемы. При настойчивом стремлении выявить хоть

какой-нибудь «общий знаменатель» наиболее рельефно выступает *познавательная* составляющая психики (особенно — при акценте на «мыслящем субъекте»). Но и здесь, в отличие от старых «добрых» идеологических схем, приходится, видимо, признать, что человек познает не «мир» и не «самого себя», а свои *возможности*, которые раскрываются в процессе его *взаимодействия* с окружающей средой. При этом в силу общебиологического закона *экспансии* человек постоянно стремится расширить границы своей активности, что выливается в поиск новых путей и усложнение форм поведения. Неизбежная ограниченность нашего познания в какой-то мере компенсируется заведомой условностью и неполнотой тех критериев, по которым мы способны оценивать значимость достигаемых результатов.

Что же касается «экзистенциальной свободы» индивида, то эту иллюзию надо признать (если, конечно, она не выходит за пределы «видовой нормы») не только полезной, но и необходимой для адекватного поведения индивида в его биосоциальном проявлении.

Фактически мы сталкиваемся здесь с принципиальной возможностью своего рода «психической мутации» — выходом в очень узкий и трудно различимый промежуток в обширном пространстве, тесно заполненном уже выработанными и закрепленными автоматизмами нашего поведения.

Завершая это тематическое эссе, нужно особо подчеркнуть, что его автор вовсе не стремится наложить какой-либо «мораторий» на понятие «субъект», вошедшее сегодня в психологический обиход, — такое стремление выглядело бы явно нелепо. Нечеткость анализируемой здесь категории становится не очень заметной на фоне других категорий (начиная с базового понятия «психика»), большинство которых носят конвенциональный характер. Если же еще учесть, что вся история психологии изобилует кризисами и может рассматриваться как перманентная дискуссия по теоретико-методологическим проблемам, то дискуссионность обсуждаемого термина следует отнести к положительным факторам, способствующим дальнейшему обогащению психологической науки силами тех ее представителей, которые по праву «свободного выбора» склонны использовать данный термин (Комаров, 2007; Скотникова, 2008; Субъект, личность и психология человеческого бытия, 2005). Хотелось бы лишь ограничить некоторый фетишизм, складывающийся вокруг «субъектного подхода», который якобы сам по себе является надежным объясняющим принципом и может служить индикатором высокой психологической квалификации его приверженцев.

Дополнительным подтверждением парадигмальной динамичности базовых установок психологии в сочетании с тенденцией к реверсивным движениям могут служить знаменательные теоретические подвиги последних лет. Характерный для настоящей эпохи идеологический поворот в сторону религиозного мировоззрения (по крайней мере, в масштабах России) не мог не затронуть и психологическую науку в ее разных модификациях, в том числе — проблему субъекта (Кольцова, 2004; Лекторский, 2001; Начала христианской психологии, 1996). В результате в полном соответствии с принципом «все возвращается на круги своя» понятия «душа» и «субъект» вновь оказались в непосредственной близости.

Парадоксы и антиномии субъектности

1. Нет ничего очевиднее и неопровержимее (с позиций психологии) способности человека к ощущению и осознанию самого себя. Однако интимный механизм, а главное — «оператор» этого процесса остаются непостижимыми. Доказать существование «субъекта» самопознания столь же затруднительно, как и существование «души». Возможен субъект познания, но невозможно познание субъекта (данного акта познания). Упорство в преодолении этой преграды ведет к «регрессии в бесконечность».

2. При попытках конкретизировать субъектные качества человека, а тем более — выявить дефинитивные признаки «субъекта», мы попадаем в парадоксальную ситуацию: оказывается, что он присутствует «во всем» (в контексте взаимосвязанных психических явлений), а изолированно — «ни в чем». Может быть, в этом и заключается его ценность для психологии, не имеющей общепризнанного предмета исследований? Опыт «феноменологической редукции» убеждает нас в том, что при слишком настойчивом преследовании неуловимого субъекта он просто «уходит в трансценденцию», где становится недоступным для какого-либо сциентистского анализа.

3. Попытку конкретизировать понятие «субъект» и раскрыть его реальное содержание с помощью многомерного анализа, объединившего философский, эволюционный и психологический аспекты рассмотрения проблемы, нельзя признать удачной. Оказалось, что названные аспекты *не обладают достаточной когерентностью*. Субъект как конвенциональная и многолика философская категория выглядит совершенно лишним в контексте эволюционной теории с ее акцентом на закономерности, складывающиеся в систе-

ме «вид»–«индивид». Что же касается психологического аспекта, то здесь «субъект», попадающий в окружение зыбких психологических понятий, становится своего рода *джокером*, способным подменить любую недостающую карту в терминологической игре, правила которой могут меняться в ходе самой игры.

4. Проблема субъект-объектного взаимодействия в ее эмпирико-психологическом ракурсе может служить наглядной иллюстрацией того порочного логического круга, в котором пребывает психология и из которого она, видимо, не очень желает вырваться. С одной стороны, это отказ от жесткой субъект-объектной дихотомии (т.е. фактическая неразделимость субъекта и объекта), с другой — упорство в стремлении оперировать феноменом «самосознание», когда в рамках *целостной и единой* психики допускается разделение на *познающий* элемент сознания (который и именуется «субъектом») и его *познаваемый* элемент («объект»), а главным аргументом в пользу такой операции остается философская терминологическая эквилибристика, предпочитаемая сциентистской логике.

5. Если субъектность — это «самость» (обозначаемая так же, как некое «Я»), то оказывается, что *индивидуальная* самость имеет очень малую значимость и ценность вне связи с *идеалом* (религиозным или гражданским) и решением социальных задач. При акценте на *познавательной* сфере нельзя не признать, что «мыслящий субъект» никогда не мыслит строго индивидуально, изолированно, «сам по себе». Его мыслительный процесс фактически всегда включен в совместный интеллектуальный анализ, участники которого могут быть разделены между собой пространством, соизмеримым с земными масштабами, и временными интервалами в пределах всей истории культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История психологической мысли изобилует попытками обнаружить (с достаточной степенью доказуемости) взаимосвязи между внутренним миром человека (якобы «непосредственно ему данным») и внешним («объективным») миром. Многочисленные спекулятивные построения, родившиеся в результате этих попыток, следует, видимо, отнести к разряду свойственных человеку иллюзий. Дело в том, что как «внешний», так и «внутренний» мир человека в их «чистом» виде в одинаковой мере иллюзорны. Поэтому фактически речь идет лишь о связи между двумя иллюзиями. Можем, конечно, задаться целью выявить причины происхождения данных иллюзий и особенности корреляции между ними, что нередко и делается, приводя к очень широкому разбросу мнений.

Надо признать, что присутствие этих иллюзий в сегодняшнем человеке оказалось одним из решающих условий, стимулирующих процесс познания. Иллюзорность же процесса и его результата обусловлены тем, что (как это подчеркивалось в заключительной главе книги) человек познает не «внешний» и «внутренний» миры в их предполагаемой разделенности, а свои возможности на грани взаимодействия этих «миров».

Представления о субъективном мире человека и «субъекте» как его носителе прошли длинный и весьма насыщенный диспутами путь исторического развития. В новейшее время немаловажный отпечаток наложил на него системный подход (теория и методология) к анализу изучаемых явлений, оцутимо затронувший психологию. При этом сложилась ситуация, когда системный и субъектный (субъектно-деятельностный) подходы рассматриваются в качестве успешно обогащающих друг друга направлений. По мнению автора книги, такая интерпретация таит в себе серьезное логическое противоречие, хотя оно и не бросается сразу в глаза.

Суть вопроса состоит в следующем. Если индивид включен в систему (или иерархию систем), то он вынужден подчиняться объективным закономерностям, присущим этой системе (системам); субъективная автономность индивида при этом неизбежно ограничивается (в диапазоне от полного детерминизма до вероятностных возможностей (проблематичных и не очень ясных по результатам)). Автономный «самодостаточный» субъект просто невозможен в контексте системы. Иначе придется откровенно принимать позиции фихтеанства (от которых, кстати, сам Н.Г.Фихте отказался в зрелом возрасте). Автономное «Я» при лингвистической расшифровке означает: «Я сам себе закон». А поскольку у Фихте «не-Я» лишь производное от изначально существующего свободного «Я», то дериват этого «Я» тоже обретает свободу. Ни о каких законах системы в данном случае не может быть и речи. Если же исходить из системной концепции, то сразу становится очевидным, что введение в систему хотя бы одного автономного (т.е. не подчиненного ей элемента) неизбежно разрушает всю систему. Как же можно в таком случае, признавая субъекта элементом системы, одновременно утверждать его решающую роль в инициации любых событий и наделять его «самоценностью», «автономностью» и целым набором вытекающих отсюда привлекательных качеств?

Приведенные здесь замечания хотелось бы дополнить еще одним соображением, отвечающим, как мне думается, «духу времени». Неоднозначность и зыбкость понятия «субъект» усугубляются упорным стремлением исследователей стабилизировать это понятие путем канонизации ограниченного круга атрибутов, его образующих. Между тем наиболее важным показателем человеческой субъектности следовало бы признать (даже оставаясь адептом такой концептуальной установки) ее динамичность, диктуемую очень лабильной исторической ситуацией. Когда стандартными условиями человеческого общежития становятся «борьба без правил» и неизбежное участие во всеобщем социальном маскараде, ставящем индивидуального и коллективного «субъекта» в новое специфическое положение.

Что же касается перспектив нашей науки, то, на мой взгляд, главное для сегодняшней психологи – преодоление собственной «зашоренности» исчерпавшими свой позитивный срок представлениями, которые вступают в очевидный диссонанс с жизненными реалиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991.
- Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
- Адлер А.* Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997.
- Адорно Т.В.* Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000.
- Адрианов О.С.* Концепция о структурной организации церебральных функций // Локализация и организация церебральных функций: Тезисы международного симпозиума 6–8 декабря 1978, Москва. М.: Медицина, 1978. С. 6–7.
- Айрапетьянц Э.Ш., Батуев А.С.* Принцип конвергенции анализаторных систем. Л.: Наука, 1969.
- Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
- Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М.: Изд-во АПН РСФР, 1960.
- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Андреева Е.А., Вергилес Н.Ю., Ломов Б.Ф.* К вопросу о функциях движений глаз в процессе зрительного восприятия // Вопр. психологии. 1972. № 1. С. 3–18.
- Андрущак И.Б., Левкович В.П.* Этноцентризм как социально-психологический феномен // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 1996. С. 137–143.
- Анохин П.К.* Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса // Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. С. 125–151.
- Анохин П.К.* Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979.
- Анциферова Л.И.* Методологические проблемы психологии развития // Принципы развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 3–20.
- Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический Проект, 2000. С. 27–43.
- Аристотель.* Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.

- Асеев В.Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 21–37.
- Асеев В.Г.* Личность и значимость побуждений. М.: Институт психологии РАН, 1993.
- Афанасьев Ю.Н.* Этика и глобализация. Выступление на международной конференции «Мир во имя Божье: конфликт или диалог? Религия и культура на распутье». Венеция, Падуа, октябрь 1997 г.
- Базылевич Т.Ф.* Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Барабанщиков В.А.* Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990.
- Барабанщиков В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Батуев А.С., Таиров О.П.* Мозг и организация движений. Концептуальные модели. Л.: Наука, 1978.
- Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1979.
- Белыхова М.Г.* Таламо-телэнцефальная система рептилий. Л., 1977.
- Беляев Д.К.* Генетика, общество, личность // Человек в системе наук / Отв. ред. Фролов И.Т. М., 1989. С. 155–164.
- Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М.: Флинта, 1999.
- Беркли Дж.* Сочинения. М.: Мысль, 1979.
- Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
- Бодрийяр Ж.* Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Брушлинский А.В.* Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
- Брушлинский А.В.* О природных предпосылках психического развития человека. М.: Знание, 1977.
- Брушлинский А.В.* Проблема развития в психологии мышления // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.
- Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практич. психологии; Воронеж. НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Per Se, 2002. С. 9–33.
- Будон Р.* Место беспорядка. Критика теории социальных изменений. М., 1998.
- Варламова Е.П., Степанов С.Ю.* Психология творческой уникальности человека. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.
- Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999.
- Веккер Л.М.* Психические процессы. Т. 1. Л., 1974.

- Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи // *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 20–271.
- Восприятие и деятельность. М., 1976.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. М., 1983. Т. 3.
- Гайденко П.П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990.
- Галимов Э.М.* Феномен жизни. Между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: УРСС, 2001.
- Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 236–277.
- Гегель Г.В.Ф.* Соч. М., 1959. Т. 4. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа.
- Гельмгольц Г.* О зрении. СПб., 1896.
- Геодакян В.И.* Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 121–133.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гранит Р.* Основы регуляции движений. М.: Мир, 1973.
- Грант В.* Эволюционный процесс. М.: Мир, 1991.
- Грегори Р.* Разумный глаз. М., 1972.
- Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
- Гуревич П.С.* Философская антропология. М.: Изд-во Вестник, 1997.
- Гуревич П.С., Степин В.С.* Философская антропология: очерк истории // Философские исследования. 1994, № 2. С. 148–181.
- Гурфинкель В.С., Коц Я.М., Шик М.Л.* Регуляция позы человека. М.: Наука, 1965.
- Гусев В.М., Кисляков В.А., Орлов И.В., Семенов Л.А., Столбков Ю.К.* О механизмах взаимодействия рецепторов вестибулярного аппарата. Л.: Наука, 1978.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест. М.: АСТ, 2000.
- Движение глаз и зрительное восприятие. М., 1978.
- Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
- Деятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
- Джемс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Дзузева С.Б.* Поводящие пути головного мозга человека (в онтогенезе). М.: Медицина, 1975.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- Егорова М.С., Марютина Т.М.* Развитие как предмет психогенетики // Вопросы психологии, 1992, № 5–6.

- Жуков Е.К.* Развитие сократительной функции мышц двигательного аппарата. Л.: Наука, 1974.
- Жукова Г.П.* Нейронное строение и межнейронные связи мозгового ствола и спинного мозга. М.: Медицина, 1977.
- Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 133–151.
- Запорожец А.В.* Развитие восприятия и деятельность // Вопросы психологии. 1967. № 1. С. 11–17.
- Запорожец А.В.* Значение ранних периодов детства для формирования детской личности // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 243–267.
- Заславская Т.И.* Роль социологии в преобразовании России // Социол. исслед. 1996. № 3.
- Зищенко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
- Знаков В.В.* Проблема понимания правды в этике Канта, нравственной философии В.С. Соловьева и современной психологии // Психол. журнал. 1997. № 4. С. 3–14.
- Знаков В.В.* Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 16–22.
- Зрительное опознание и его нейрофизиологические механизмы. Л., 1975.
- Иорданский Н.Н.* Эволюция жизни. М.: АСАДЕ-МА, 2000.
- Кавелин К.Д.* Задачи психологии. СПб., 1872.
- Кант И.* Критика чистого разума. Соч. В 6 т. М., 1964. Т. 3.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, 2001. Т. 4. Критика способности суждения.
- Кант И.* Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 2003.
- Карамян А.И.* Функциональная эволюция мозга позвоночных. Л.: Наука, 1970.
- Карамян А.И.* Эволюция конечного мозга позвоночных. Л.: Наука, 1976.
- Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века / Под ред. Д. Брэднера. М.: Когито-Центр, 2005.
- Кисляков В.А., Левашов М.М., Орлов И.В.* Вестибулярная система // Физиология сенсорных систем. Ч. 1 (Руководство по физиологии). Л.: Наука, 1972. С. 57–129.
- Классен Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 6–23.
- Клосовский Б.Н., Балашова Е.Г.* О компенсации вестибуло-глазодвигательного рефлекса после двусторонней перерезки III и IV нервов // Локализация и организация церебральных функций: Тез. межд. симп. 6–8 дек. 1978, Москва. М.: Медицина, 1978. С. 77–79.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
- Козловская И.Б.* Аfferентный контроль произвольных движений. М.: Наука, 1976.

- Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Кольцова М.М.* Некоторые принципиальные вопросы изучения высшей нервной деятельности // Журнал высш. нервн. деят. 1976. Т. 26. Вып. 2. С. 235–243.
- Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. СПб.: Алетейя, 2007.
- Кондильяк Э.Б.* Трактат об ощущениях. М.: Соцэкгиз, 1935.
- Корсуцев И.Г.* Философия развития. М.: ИПК госслужбы, 1995.
- Корсуцев И.Г.* Эволюция субъекта в технологическую эпоху. М., 1999.
- Курашвили А.Е., Бабиак В.И.* Физиологические функции вестибулярной системы. Л.: Медицина, 1975.
- Курфлер С., Никольс Дж.* От нейрона к мозгу. М., 1979.
- Кьеркегор С.* Или — или. М.: Арктогея. 1993.
- Ле Бон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.
- Литтлслай П., Норман Д.* Переработка информации у человека. М., 1974.
- Лисина М.И.* Общение, личность и психика ребенка. М. Воронеж: Изд-во АПСН, 1997.
- Локк Дж.* Избр. философские произведения. В 2 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. I.
- Ломов Б.Ф.* Научно-техническая революция и некоторые проблемы психологии // Вопр. философии. 1981. № 2. С. 67–78.
- Ломов Б.Ф.* Об исследовании законов психики // Психол. журнал. 1982. № 1. С. 18–30.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.
- Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.
- Лукреций Т.* О природе вещей. В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1.
- Лурия А.Р.* Физиология человека и психологическая наука (К постановке проблемы) // Физиология человека. 1975. Т. 1. № 1. С. 18–26.
- Магнус Р.* Установка тела. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1962.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1997.
- Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В. и др.* Структура и актуалгенез субъекта с позиций системно-эволюционного подхода // Психол. журн. 2004. № 1. С. 17–40.
- Малых С.Б., Егорова М.С., Мешкова Т.А.* Основы психогенетики. М: Эпидавр, 1998.

- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Ваклер, Релф-бук, 1997.
- Маслоу А.* Экзистенциальная психология — что в ней есть для нас? // Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 42–48.
- Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
- Милнер П.* Физиологическая психология. М.: Мир, 1973.
- Митькин А.А.* Дискуссионные аспекты психологии и физиологии зрения // Психол. журн. 1982а. № 1.
- Митькин А.А.* Об уровнях управления движениями глаз // Системный подход к психофизиологической проблеме: Мат. всес. конф., посвященной 80-летию со дня рожд. П.К. Анохина. М.: Наука, 1982б.
- Митькин А.А.* Системная организация зрительных функций. М.: Наука, 1988.
- Митькин А.А.* Интерсенсорное взаимодействие у младенцев: теоретический и эмпирический подходы // Психол. журнал. 1995. № 6. С. 72–82.
- Митькин А.А.* На пути к системной психологии развития // Психол. журн. 1997. № 3. С. 3–12.
- Митькин А.А.* Принцип самоорганизации систем: критический анализ // Психол. журн. 1998. № 4. С. 117–131.
- Митькин А.А.* О роли индивидуального и коллективного сознания в социальной динамике // Психол. журнал, 1999. № 5. С. 103–112.
- Митькин А.А.* Системный детерминизм: синергические и психологические аспекты // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 48–69.
- Митькин А.А., Ямицков А.Н.* К вопросу о механизмах движений глаз // Физиол. человека, 1978. Т. 4. № 6. С. 963–970.
- Митькин А.А., Сергиенко Е.А., Ямицков А.Н.* Динамика развития глазодвигательной активности у младенцев // Проблемы генетической психофизиологии человека. М.: Наука, 1978. С. 170–181.
- Митькин А.А., Козлова Е.В., Сергиенко Е.А., Ямицков А.Н.* Некоторые вопросы раннего онтогенеза зрительных сенсомоторных функций // Движение глаз и зрительное восприятие. М.: Наука, 1978. С. 9–70.
- Моисеев Н.Н.* Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987.
- Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
- Московичи С.* Предпосылки объяснения в социальной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М., 1995.
- Московичи С.* Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991.
- Начала христианской психологии. М.: Наука, 1995.
- Нейсер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.

- Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
- Ницше Ф.* Воля к власти. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2003.
- Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995.
- Олпорт Г.* Становление личности. М.: Смысл, 2002.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: Весь мир, 2000.
- Павлов И.П.* Полн. собр. трудов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. Кн. I.
- Панарин А.С.* Смысл истории // Вопросы философии, 1999, № 9. С. 3–21.
- Платон.* Избранные диалоги. М.: Рипол Классик, 2002.
- Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Пономарев Я.А.* Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности // Принципы развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 63–80.
- Пономарев Я.А., Пастернак Н.А.* Влияние способности действовать «в уме» на данные психологического тестирования // Психол. журнал. 1995. № 6. С. 43–54.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2.
- Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интер-прессервис; Книжный Дом, 2001.
- Прангишвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. М.: Синтез, 2000.
- Прибрам К.* Языки мозга. М., 1975.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2003.
- Принципы развития в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1978.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М., 2000.
- Психология: Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Тарабриной. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Пуанкаре А.* Наука и метод // О науке. М.: Наука, 1983. С. 283–404.
- Развивающийся мозг и среда. М., 1980.
- Райков В.Л.* Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство. М.: Грааль, 1998.
- Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы. М., 1957.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сферы и границы. Киев: Ника-Центр, 1997.
- Рассел Б.* История западной философии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Риккерт Г.* Философия жизни. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
- Рок И.* Введение в зрительное восприятие. М., 1980. Кн. 1, 2.
- Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1988.

- Росс Ф., Хиллс Т.* Великие религии человечества. М.: Медицина и питание. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.
- Русский интеллектуальный клуб. Стенограммы заседаний / Под ред. И.М. Ильинского. М., 2000.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во Республика, 2000.
- Северцов А.Н.* Эволюция и психика. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922.
- Сентаготаи Я.* Роль отдельных лабиринтных рецепторов при ориентации глаз и головы в пространстве. Л.: Мир, 1967.
- Септ Е.К.* История развития нервной системы позвоночных. М.: Медгиз, 1949.
- Сергиенко Е.А.* Ранний онтогенез глазодвигательной активности в условиях динамической стимуляции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Ин-т психол. АН СССР, 1978.
- Сергиенко Е.А.* Влияние ранней зрительной депривации на интерсенсорное взаимодействие // Психол. журнал. 1995. № 5.
- Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга (1863) // *Сеченов И.М.* Избр. произв. М., 1952а. Т. 1. С. 7–127.
- Сеченов И.М.* Замечания на книгу г. Кавелина «Задачи психологии» // Избр. произв. М., 1952б. Т. 1. С. 128–171.
- Системогенез / Под ред. К.В. Судакова. М.: Медицина, 1980.
- Скотникова И.Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
- Соловьев Э.Ю.* Экзистенциализм // Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974. С. 216–258.
- Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Институт социологии РАН, 1993.
- Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994.
- Спиноза Б.* Избранное. Минск: Попурри, 1999.
- Ставцев С.Н.* Введение в философию Хайдеггера. СПб.: Лань, 2000.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Тарасенко В.В.* Религиозная модель синергетики // Онтология и эпистемология синергетики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 119–130.
- Тиллих П.* Систематическая теология. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Т. I–II.

- Титченер Э. Б.* Учебник психологии. Университетский курс. М., 1914. Т. 1.
- Тихомиров О.К. Л.С.* Выготский и современная психология // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 151–154.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. СПб.: Ювента, 1995.
- Томпсон М.* Философия религии. М.: Гранд, 2001.
- Торшинов Е.А.* Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Тюфлнер О.* Предисловие к книге И. Пригожина и И. Стергерс «Порядок из хаоса». М.: Прогресс, 1986.
- Фаворский В.А.* О рисунке. О композиции. Фрунзе, 1966.
- Фанц Р.* Восприятие формы // Восприятие. Механизмы и модели. М., 1974. С. 338–350.
- Фихте И.* Несколько лекций о назначении ученого. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Минск: Попурри, 1998.
- Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992.
- Фромм Э.* Человек для себя. Иметь или быть? Минск, 1997.
- Фромм Э.* Догмат о Христе. М.: Олимп, 1998.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.
- Хабермас Ю.* О субъекте истории // Философия истории. Антология. М., 1995.
- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 261–312.
- Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991.
- Хакен Г.* Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах. М.: Мир, 1985.
- Харре Р.* Грамматика и лексика — векторы социальных представлений // Вопросы социологии. 1993, № 1. С. 118–128.
- Холдсток Л.* Можем ли мы позволить себе не подвергать ревизии понятие «Я», лежащее в основе человекоцентрированного подхода? // Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века. М: Когито-Центр, 2005. С. 247–270.
- Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: КСП, 1997.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
- Хьюбел Д.* Зрительная кора мозга // Восприятие. Механизмы и модели. М. 1974. С. 169–184.
- Шаде Д., Форд Д.* Основы неврологии. М.: Мир, 1976.
- Шихирев П.Н.* Социальная психология. М., 1999.
- Шмальгаузен И.М.* Избранные труды. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.: Наука, 1983.

- Шпенглер А.* О свободе воли // Афоризмы и истины. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. С. 196–294.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
- Эльконин Б.Д.* Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юнг К.* Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996.
- Якимова Е.В.* Теория социальных представлений в социальной психологии: Дискуссион 80-х –90-х годов. М., 1996.
- Якимова Е.В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М., 1999.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991.
- Adrian E.D.* The physical background of perception. Oxford, 1946.
- Alley C.A.* Anatomical basis for interaction between cerebellar flocculus and brain stem // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 109–118.
- Alley K., Baker R., Simpson J. I.* Afferents to the vestibulo-cerebellum and the origin of the visual climbing fibers in the rabbit // Brain Res. 1975. V. 98. P. 582–589.
- Allport G.* Personality and social encounter. Selected essays. Boston: Beacon Press, 1960.
- Allport P.H.* Theories of perception and the concept of structure. A review and critical analysis with an introduction to a dynamic-structural theory of behaviour. N. Y.–London, 1955.
- Allum J.H., Graf W., Dichgans J., Schmidt C.L.* Visual-vestibular interaction in the vestibular nuclei of the goldfish // Exptl Brain Res. 1976. V. 26. P. 463–485.
- Anderson J.H., Pricht W.* Otolith responses of extraocular muscles during sinusoidal roll rotations // Brain Res. V. 160.1. P. 150–154.
- Anderson J.H., Procht W., Blanks R.H.* Central processing in otolith-ocular reflex pathways // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R. Berthoz A. Amsterdam–New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 253–256.
- Atkin A., Bender M.B.* Ocular stabilization during oscillatory head movements // Arch. Neurol. Chic, 1968. V. 19. P. 559–566.
- Atkinson J.* Human visual development over the first 6 months of life. A review and hypothesis // Human Neurobiol. 1984. V. 3. P. 61–74.
- Azuma H.* Psychology in a non-Western Country // International Journal of Psychology. 1984. V. 19. P. 45–55.
- Azzena G.B., Azzena M.T., Marini R.* Optokinetic nystagmus and the vestibular nuclei // Exptl. Neurol. 1974. V. 42. P. 158–168.
- Azzena G.B., Marneli O., Tolu E.* Relationships of the optic pathways to vestibular nuclei // Proc. Internat. Un. Sci. 1977. V. 13. P. 40.

- Baarsma E.A., Collewijn H.* Vestibular-ocular and optokinetic reactions to rotation and their interaction in the rabbit // *J. Physiol. (Engl.)*. 1974. V. 238. P. 603–625.
- Baker R., Greste M., Berthoz A.* Neuronal activity in the prepositus hypoglossi nucleus correlated with vertical and horizontal eye movement in the cat // *Brain Res.*, 1975. V. 101. P. 366–371.
- Bandura A.* Social learning through initiation // *Nebraska symposium on motivation*. Lincoln: Univ. Nebraska Press, 1962.
- Bandura A.* Social-learning theory. New Jerse: Prentice-Hall, 1977.
- Bandura A.* Self-efficacy mechanism in human agency // *American Psychologist*, 1982. V. 37. P. 122–147.
- Barmack N.H.* Visually evoked activity of neurons in the dorsal cap of the inferior olive and its relationship to control of eye movements // *Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A.* Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 361–370.
- Barnes G.R.* The role of the vestibular system in head-eye coordination // *J. Physiol. (Engl.)*. 1975. V. 246. P. 99–100.
- Behrens F., Grusser O.-J.* Further studies of optokinetic nystagmus and apparent movement perception elicited by stroboscopically illuminated stationary patterns: Abstr. 2nd Europ. Neurosci. Meet Florence, Sept. 4–9, 1978.— *Neurosci. Lett.*, 1978, Suppl. 1. P. 108.
- Bellelheim B.* The empty fortress: Infantile autism and the birth of the Self. N.Y.: Free Press, 1967.
- Benson A.J., Barnes G.R.* Vision during angular oscillation: the dynamic interaction of visual and vestibular mechanisms // *Aviat. Space Environ. Med.*, 1978.V. 49. P. 340–345.
- Berthoz A., Anderson J., Allum / Cohen B., Keller E., Robinson D/ Schaefer K.-P.* Role of the vestibular and reticular nuclei in the control of gaze. A: Vestibular nuclei (Workshop synthesis) // *Control of gaze by brain stem neurons/Eds Baker R., Berthoz A.* Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 279–290.
- Bizzi E.* The coordination of eye-head movement // *Scientific Amer.* 1974. V. 231. 4. P. 100–106.
- Blanks R.H., Volkind R., Precht W., Baker R.* Responses of cat prepositus hypoglossi neurons to horizontal angular acceleration // *Neurosci.* 1977. V. 2. P. 391–403.
- Bon L., Corazza R., Furuoso C., Inchingolo P.* An analysis of the firing patterns of neurons related to ocular movements in the cat pretectum. Abstr. 2nd Europ. Neurosci. Meet. Florence, Sept. 4–9.— *Neurosci. Lett.*, 1978, Suppl. 1. P. 109.
- Bowlby J.* Child care and the growth of love. Baltimore: Penguim Press, 1953.
- Brandt T., Dichgans J., Buchele W.* Inverted self motion perception and optokinetic after-nystagmus // *Exptl Brain Res.*, 1974. V. 21. P. 337–352.
- Brandt T., Dichgans J., Koenig E.* Differential effects of central versus peripheral vision on ego-centric and exocentric motion perception // *Exptl. Brain Res.*, 1973. V. 16. P. 476–491.
- Brichmont J.* Science of chaos or chaos in science? // *The flight from science and reason*. Eds.: P.R. Gross, N. Levitt, M.W. Levits. Ann. N.Y.Acad. of Sciences. Vol. 775. N.Y., 1996. P. 131–176.

- Brodal A.* Anatomy of the vestibular nuclei and their connections // Handbook of sensory physiology. V. VI. Vestibular system. Berlin: Springer-Verlag, 1974. P. 239–352.
- Buettner U.W., Büttner U.* Neuronal activity in the vestibular nuclei and the thalamus during sinusoidal rotation of the alert monkey // Abstr. 27th Internat. Congr. Physiol. Sci. Paris, 1977. V. XIII, P. 105.
- Buettner U.W., Büttner-Ennever J.A., Henri V.* Vertical eye movement related unit activity in the rostral mesencephalic reticular formation of the alert monkey // Brain Res., 1977. V. 130. P. 234–252.
- Bushnell E.E.* Cross-modal perception during infancy: Influences from mixed results // Infant Behav. and Develop. Spec. 1C1S issue, 1994. V. 17. P. 443.
- Bushnell E.E., Weinberger N.* Infants' detection of visuotactile discrepancies: Asymmetries that indicate a directive role of visual information // J. Exp. Psychol.: Human Perception and Performance, 1987. V. 13.
- Büttner-Ennever J.A., Henn V.* An autoradiographic study of the pathways from the pontine reticular formation involved in horizontal eye movements // Brain Res. 1976. V. 108. P. 155–164.
- Cao Y.* 5-month-old's perception of asynchrony between face and voice during social interaction // Infant Behav. and Develop. Spec. 1C1S issue, 1994. V. 17. P. 555.
- Carpenter R.H.* Cerebellectomy and the transfer function of the vestibulo-ocular reflex in the decerebrate cat. Proc. Roy. Soc. (Engl.) B, 1972. V. 181. P. 353.
- Chaos theory in the social sciences. Michigan: Univ. Michigan Press, 1996.
- Chelarducci B., Highstein S.M., Ito M.* Origin of the precuicmotor projections through the brachium conjunctivum and their functional roles in the vestibulo-ocular reflex. In: Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 167–176.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge: MIT Press, 1965.
- Chomsky N.* Language and mind. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
- Christoff N.* A clinico-pathological study of vertical eye movements.— Arch. Neurol. Chic, 1974. V. 31. P. 1–8.
- Chun K.S., Robinson D.A.* A model of quick phase generation in the vestibulo-ocular reflex // Biol. Cybernetics. 1978. V. 28. P. 209–221.
- Cohen B.* The vestibulo-ocular reflex arc // Handbook of sensory physiology. V. VI. Vestibular system / Ed. Kornhuber H. H. Berlin – Heidelberg – New York: Springer-Verlag, 1974. P. 477–540.
- Cohen B., Matsuo V., Raphan T.* Quantitative analysis of the velocity characteristics of optokinetic nystagmus and optokinetic after-nystagmus // J. Physiol. (Engl.), 1977. V. 270. P. 321–344.
- Collewyn H.* Gaze in freely moving subjects // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 13–22.
- Cooper V., Daniel P.M., Whitteridge D.* Muscle-spindles and other sensory endings in the extrinsic eye muscles; the physiology and anatomy of these receptors and their connections with the brain-stem // Brain. 1955. V. 78. P. 564–583.

- Courjon I.H., Jeannerod M., Flandrin I.M., Schmid R.* Effect of unilateral floccular lesion on the vestibulo-ocular reflex in the cat // *Control of gaze by brain stem neurons* / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 409–416.
- Crain W.* Theories of development. 3d ed. New Jersey: Prentice Hall, 1992.
- Daroff R.B., Hoyt W.F.* Supranuclear disorders of ocular control system in man. Clinical, anatomical and physiological correlations // *The control of eye movements* / Eds Bach-y-Rita P., Collins C. C. New York – London: Acad. Press, 1971. P. 175.
- Daunton N.G., Thomson D.D.* Otolith-visual interaction in single units of cat vestibular nuclei // *Neurosci. Soc. Abstr.* 1976. V. 6. P. 1057.
- Davies P., Melvill Jones G.* An adaptive neural model compatible with plastic changes induced in the human vestibulo-ocular reflex by prolonged optical reversal vision // *Brain Res.* 1976. V. 103. P. 546–550.
- Di Giorgio A.M., Mami E.* Anatomical and functional relationships of the cerebral nystagmogenic area to some Subcortical centers // *Arch. Ital. Biol.* 1963. V. 101. P. 48–58.
- Diamond I. T., Hall W.C.* Evolution of neocortex // *Science.* 1969. V. 164. P. 251–262.
- Dichgans J.* Optokinetic nystagmus as dependent on the retinal periphery via the vestibular nucleus // *Control of gaze by brain stem neurons* / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 261–268.
- Dichgans J., Bizzi E., Morasso P., Tagliasco V.* The role of vestibular and neck afferents during eye-head coordination in the monkey // *Brain Res.* 1974. V. 71. P. 225–232.
- Donaghy M.J.* The role of vestibular feedback in the control of gaze changes accomplished by co-ordinated eye and head movements // *Exptl Brain Res.* 1975. V. 23. Suppl., 227 p.
- Dubois M.F., Collewijn H.* Optokinetic reactions in man elicited by localized retinal motion stimuli // *Vision Res.* 1979. V. 19. P. 1105–1115.
- Durosse M., Ito M., Miyashita Y.* Functional localization in the rabbit's cerebellar flocculus determined in relationship with eye movements // *Neurosci. Lett.* 1977. V. 5. P. 273–277.
- Easter S.S.* Pursuit eye movements in goldfish (*Carassius auratus*) // *Vision Res.* 1972. V. 12. 4. P. 673–688.
- Eccles J.C.* Review lecture. The cerebellum as a computer: patterns in space and time // *J. Physiol. (Engl.)*. 1973. V. 229. P. 1–32.
- Erikson E.H.* Childhood and society. N.Y.: W. Norton and Co, 1963.
- Erway L.C., Ghelarducci B., Pompeiano O., Stanojevic D.* Crossed labyrinthine influences on cerebellar fastigial neurons originating from macular receptors // *Abstr. 27-th Internat. Congr. Physiol., Sei. V. XIII. Paris, 1977.*
- Evinger C., Fuchs A.F.* Saccadic, smooth pursuit and optokinetic eye movements of the trained cat // *J. Physiol. (Engl.)*. 1978. V. 285. P. 209–229.
- Favilla M., Ghelarducci B., Starita A.* Responses of rabbit oculomotor neurons to sinusoidal lateral tilt: *Abstr. 2nd Europ. Neurosci. Meet. Florence, Sept. 4–9, 1978, Neurosci. Lett, 1978, Suppl. 1.*
- Fox R.* State of the art / science in anthropology // *The flight from science and reason.* N.Y.: Ann N.Y. Acad. Sci. 1996. V. 775. P. 327–345.

- Freud S.* A general introduction to psychoanalysis. N.Y.: Washington Square Press, 1965.
- Fuchs A.F., Kimm J.* Unit activity in vestibular nucleus of the alert monkey during horizontal angular accelerations and eye movements // *J. Neurophysiol.* 1975. V. 38. P. 1140–161.
- Fuchs A.F., Lisberger S.G.* Response of flocculus Purkinje cells during smooth pursuit eye movements // *Neurosci. Soc. Abstr.* 1975. V. 5. P. 209.
- Fukuda I., Highstein S.M., Ito M.* Cerebellar inhibitory control of the vestibulo-ocular reflex investigated in rabbit IIIrd nucleus // *Exptl Brain Res.* 1972. V. 14. P. 511–526.
- Gauthier G.M., Robinson D.A.* Adaptation of the human vestibulo-ocular reflex to magnifying lenses // *Brain Res.* 1975. V. 92. P. 331–335.
- Gernandt B.E.* Interaction between extraocular myotatic and ascending vestibular ; activities // *Exptl. Neurol.* 1968. V. 20. P. 120–134.
- Gesell A.* The ambryology of behavior. N.Y.: Harper and Row, 1946.
- Gibson J.J.* The perception of the visual world. Boston, 1950.
- Gibson J.J.* The ecological approach to visual perception. Boston, 1979.
- Gonshor A., Jones G.M.* Extreme vestibulo-ocular adaptation induced by prolonged optical reversal of vision // *J. Physio. (Engl.)* 1976. V. 256. P. 381–414.
- Gordon C.* Self-conceptions: configurations of concept // *The Self in social interaction* / Eds. C. Gordon, K.J. Gergen. N.Y.: Wiley, 1968. P. 115–136.
- Gordon C., Gergen K.J.* The nature and dimension of self // *The Self in social interaction.* N.Y.: Wiley, 1968. P. 33–39.
- Gottfried A.W., Rose S.A., Bridger W.H.* Cross-modal transfer in human infants // *Child Develop.* 1977. V. 48. P. 118–123.
- Graf W., Meyer D.L.* Different modes of interaction between postural change commands and postural control mechanisms as indicated by ocular positions of fish during active and passive movements: Abstr. 2nd Europ. Neurosci. Meet. Florence. Sept. 4–9, 1978 // *Neurosci. Lett.* 1978, Suppl. 1.
- Grant K., Gueritaud J.P., Horcholle-Bossavit G., Tyc-Dumont S.* Horizontal vestibular nystagmus. I. Identification of medial vestibular neurons // *Exptl Brain Res.* 1976. V. 26. P. 67–86.
- Graybiel A.M.* Direct and indirect preocuiomotor pathways of the brain stem: an autoradiographic study of the pontine reticular formation in the cat // *J. Compar. Neurol.* 1977. V. 175. P. 37–78.
- Greet P. van.* Dynamic systems of development. N.Y. etc.: Harvester Wheatsheaf, 1994.
- Harden-Jones F.R.* The reaction of fish to moving backgrounds // *J. Exptl Biol.* 1963. V. 40. P. 437–446.
- Harre R.* Some reflections on the concept of «social representations» // *Social research.* 1984. V.51. № 4. P. 927–938.
- Hartline H.K.* The receptive fields of optic nerve fibres // *Amer. J. Physiol.* 1940. V. 130. P. 690–699.

- Held R., Dichgans T., Bauer J.* Characteristics of moving visual scenes influencing spatial orientation // *Vision Res.* 1975. V. 15. P. 357–365.
- Helen A.* Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Fr./M.; Bonn, 1962.
- Henn V., Young L.R., Finley C.* Vestibular nucleus units in alert monkeys are also influenced by moving visual fields // *Brain Res.* 1974. V. 71. P. 144–149.
- Hermann H.T.* Saccade correlated potentials in optic tectum and cerebellum of *Carassius auratus* // *Brain Res.* 1971. V. 26. P. 293–304, 122.
- Hester F.J.* Visual contrast thresholds of the goldfish (*Carassius auratus*) // *Vision Res.* 1968. V. 8. P. 1315–1337.
- Highstein S.M., Maekawa K., Steinacker A., Cohen B.* Synaptic input from the pontine reticular nuclei to abducens motoneurons and internuclear neurons in the cat // *Brain Res.* 1976. V. 112. P. 162–167.
- Hikosaka O., Maeda At., Nakao S., Shumazu H., Shinoda Y.* Presynaptic impulses in the abducens nucleus and their relation to postsynaptic potentials in motoneurons during vestibular nystagmus // *Exptl. Brain Res.* 1977. V. 27. P. 355–376.
- Hofsten C.* Structure of early reaching movements: a longitudinal study // *J. Motor Behav.* 1991. V. 23. P. 280–292.
- Hood J.D.* Observation upon the neurological mechanism of optokinetic nystagmus with especial reference to the contribution of peripheral vision // *Acta Oto-laryngologica.* 1967. V. 63. P. 208–215.
- Hoshino K., Pompeiano O.* Responses to static tilts of Deiters neurons following ipsi-lateral labyrinthectomy // *Abstr. 2-th Internat. Congr. Physiol. Sci. Paris, 1977.* V. XIII. P. 333.
- Hsu F.L.K.* The Self in cross-cultural perspective // *Culture and Self: Asian and Western perspectives.* L.: Tavistock, 1985. P. 24–55.
- Hubel D.H., Wiesel T.N.* Receptive fields of single neurones in the cat's striate cortex // *J. Physiol. (Lond.)*, 1959, v. 148, p. 574–591.
- Hubel D.H., Wiesel T.N.* Receptive fields of optic fibres in the spider monkey // *J. Physiol. (Lond.)*, 1960. V. 154. P. 572–580.
- Hubel D.H., Wiesel T.N.* Sequence regularity and geometry of orientation columns in the monkey striate cortex // *J. Compar. Neurol.* 1974. V. 158. P. 267–294.
- Infant perception: from sensation to cognition. V. 1. Basic visual processes. N. Y.— San Francisco — London, 1975.
- Ito M.* Neurophysiological aspects of the cerebellar motor control system // *Internal J. Neurol.*, 1970. V. 7. P. 162–176.
- Ito M.* Neural design of the cerebellar motor control systems // *Brain Res.* 1972. V. 40. P. 81–85.
- Ito F., Bach-y-Rita P., Yamanaka Y.* Extraocular muscle intracellular and motor nerve responses to semicircular canal stimulation // *Exptl. Neurol.* 1969. V. 24. P. 438–449.
- Ito M., Orlov I., Shimoyama I.* Reduction of the cerebellar stimulus effect on rat Deiters neurons after chemical destruction of the inferior olive // *Exptl. Brain Res.* 1978. V. 33. P. 143–145.

- Jenkyn L.P., Margolis G., Reeves A.G.* Reflex vertical gaze and the medial longitudinal fasciculus // *J. Neurol., Neurosurg. and Psychiatr.* 1978. V. 41. 12. P. 1084–1091.
- Johansson G.* Studies on visual perception of locomotion // *Perception.* 1977. V. 6. P. 365–376.
- Josselson R.* Finding Herself: pathways to identity development in women. L.: Tossey-Bass, 1987.
- Joy M.F., Sparks D.L.* Sensorimotor integration in the primate superior colliculus: II. Coordinates of auditory signals // *J. Neurophysiol.* 1987. V. 57. P. 35–55.
- Jung C.G.* Modern man in search of a soul. N.Y.: Harvest Book, 1933.
- Kail R., Wicks-Nelson R.* Developmental psychology. 5th ed. New Jersey: Prentice Hall, 1993.
- Keller E.L., Daniels P.D.* Oculomotor related interaction of vestibular and visual stimulation in vestibular nucleus cells in alert monkey // *Exptl Neurol.* 1975. V. 46. P. 187–198.
- Kenshur O.* The allure of the hybrid: Bruno Latour and the search for a new grand theory // *The flight from science and reason.* N.Y.: Ann. N.Y. Acad. Sci. 1996. V. 775. P. 288–298.
- King W.M., Fuchs A.F.* Reticular control of vertical saccadic eye movements by mesencephalic burths neurons // *J. Neurophysiol.* 1979. V. 42. 3. P. 861–876.
- Kohlberg L.* Development of moral character and moral ideology // *Review of child development research.* N.Y.: Rüssel Sage Foundation. V. 1.
- Kotchabhakdi N.* Cerebellar projections from the perihypoglossal nuclei // *Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A., Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 119–130.*
- Krejčová H., Filipova M.* Ovlivnení okulo-vesikulární reflexní odpovědi při ležení mo-zecku // *Ceskoslovenska otolaryngologic.* 1978. V. 27. P. 136–141.
- Kubo T., Matsunaga T., Hayashi Y.* Convergence of visual and vestibular in-puts on pontine reticular formation of the rabbit // *Brain Res.* 1978. V. 147. P. 177–182.
- Lassig P., Kirmise W.* Vergleichendes zur visuomotorischen Bewegungskoordination // *Wiss. Z. Karl-Marx Univ. Leipzig.* 1980. B. 29. N 2. S. 191–202.
- Lewkowicz D.J.* Development of intersensory functions in human infancy: Auditory-visual interaction // *Newborn attention: Biological constrains and the influence of experience.* New Jersey: Ablex. Norwood, 1989.
- Lewkowicz D.J.* Developmental implications of qualitatively different mechanisms of intersensory integration // *Infant Behav. and Develop. Spec. 1CIS issue, 1994. V. 17. P. 442.*
- Lisberger S.G., Fuchs A.F.* Role of primate flocculus in smooth pursuit eye movements and rapid behavioral modification of the vestibulo-ocular reflex // *Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 381–390.*
- Llinas R., Walton K.* Significance of the olivo-cerebellar system in compensation of ocular position following unilateral labirintectomy // *Control of gaze by brain, stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed-Press, 1977. P. 399–408.*

- Lorente de No R.* Vestibulo-ocular reflex arc // *Arch. Neurol. and Psychiatry.* 1933. V. 30. P. 245–291.
- Lorenz K.* Evolution and modification of behavior. Chicago, London: Univ. Chicago Press, 1965.
- Lorenz K.* Behind the mirror. A search for a natural history of human knowledge. London: Methuen, 1977.
- Luschei E.S., Fuchs A.F.* Activity of brain-stem neurons during eye movements of alert monkeys // *J. Neurophysiol.* 1972. V. 35. 4. P. 445–461.
- Maekowa K., Takeda T.* Affernet pathways from the visual system to the cerebellar flocculus of the rabbit // *Control of gaze by brain stem neurons* / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 187–196.
- Mai J.K.* The accessory optic system and the retino-hypothalamic system // *J. Hirn-forsch.*, 1978. B. 19. 3. S. 213–288.
- Manni E., Giretti M.L.* Central eye nystagmus in the pontomesencephalic preparation // *Exptl. Neurol.* 1970. V. 26. P. 342–353.
- Markham C.H., Precht W., Shimazu H.* Effect of stimulation of interstitial nucleus of Cajal on vestibular unit activity in the cat // *J. Neurophysiol.*, 1966. V. 29. P. 493–507.
- Marks L.E.* The unity of the senses: interrelations among the modalities. N. Y.: Acad. Press, 1978.
- Maslow A.* Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row, 1954.
- Maurer D., Lewis T.* A physiological explanation of infants early visual development // *Canad. J. Psychol.* 1979. V. 33. N 4. P. 232–252.
- Maurer D., Mondloch C.* Neonatal synesthesia can account for early cross-modal transfer // *Infant Behav. and Develop. Spec. ICIS issue*, 1994. V. 17. P. 441.
- McCabe B.F.* The quick component of nystagmus // *Laryngoscope.* 1965. V. 75. Ms 10. P. 1619–1646.
- Mead G.H.* The mechanism of social consciousness // *J. Philosophy*, 1912. V. 9. P. 401–406.
- Mead G.H.* The social self // *J. Philosophy*, 1913. V. 10. P. 374–380.
- Meltzoff A.N.* Foundation for the notion of self // *Infant behavior and development*, 1994. V. 17, Special issue. P. 367.
- Melville-Jones G., Davies P., Gonshor A.* Long-term effects of maintained vision reversal: is vestibulo-ocular adaptation either necessary or sufficient? – In: *Control of gaze by brain stem neurons* / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 59–68.
- Melzer B.N.* Mead's social psychology // *From sentience to symbols. Readings on consciousness.* N.Y. e.a.: Harvester Wheatsheaf, 1990.
- Meredith M.A., Nemitz J.W., Stein B.E.* Determinants of multisensory integration in superior colliculus neurons. I. Temporal factors // *J. Neurosci.* 1987. V. 10. P. 3215–3229.
- Meredith M.A., Stein B.E.* Spatical factors determine the activity of multisensory neurons in cat superior colliculus // *Brain Res.* 1986. V. 365. P. 350–354.

- Meredith M.A., Stein B.E.* Visual, auditory and somatosensory convergence on cells in superior colliculus results in multisensory integration // *J. Neurophysiol.* 1986. V. 56. P. 640–662.
- Miles F.A., Fuller J.H.* Adaptive plasticity in the vestibulo-ocular responses of the rhesus monkey // *Brain Res.* 1974. V. 80. P. 512–516.
- Mitkin A.A.* Intersensory connections in early infancy: theoretical and empirical approach // Development of Sensory, motor and cognitive capabilities in early infancy. Padova: Univ. Padova Press, 1994. P. 27.
- Mitkin A.A.* On the structure of visual field in infancy // *Infant Behav. and Develop. Spec. ICIS issue*, 1994. V. 17. P. 827.
- Molina M.* Asymmetrical intermodal transfer: myth or reality? // *Infant Behav. and Develop. Spec. ICIS issue*. 1994. V. 17. P. 831.
- Montessori M.* The secret of childhood. N.Y.: Battaline Book's, 1936.
- Morasso P., Bizzi E., Dichgans J.* Adjustment of saccade characteristics during head movements // *Exptl. Brain Res.* 1973. V. 16. P. 492–500.
- Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations*. 1984. P. 3–69.
- Murphy B.J., Kowler E., Steinman R.M.* Slow oculomotor control in the presence of moving backgrounds // *Vision Res.* 1975. V. 15. P. 1263–1268.
- Noda H., Asoh R., Shibagaki M.* Floccular unit activity associated with eye movements and fixation // *Control of gaze by brain stem neurons* / Eds. Beker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 371–380.
- Ochs A.L.* Is Fourier analysis performed by the visual system or by the visual investigator // *J. Opt. Soc. Amer.* 1979. V. 69. P. 95–98.
- Pasik P., Valcuikas J.A., Pasik T.* Effect of head and body tilt on flicker-induced nystagmus in monkeys // *Exptl. Neurol.* 1973. V. 41. P. 15–28.
- Peterson B.W., Anderson M.E., Filion M., Wilson V.J.* Responses of reticulospinal neurons to stimulation of the superior colliculus // *Brain Res.* 1971. V. 33. P. 495–498.
- Piaget J.* The construction of reality in the child. N.Y.: Ballantine Books, 1954.
- Piaget J.* The mechanisms of perception. London: Routledge and Kegan, 1969.
- Piaget J.* The origins of intelligence in children. N.Y.: International Univ. Press, 1974.
- Pola J.* MLF fiber activity in monkey during visually elicited and vestibular eye movement // *Neurosci. Soc. Abstr.* 1974. V. 4.
- Potthoff P.C., Richter H.P., Burandt H.R.* Multisensorische Konvergenzen an Hirn-stammneuronen der Katze // *Arch. Psychiatr., ges. Neurol.* 1967. B. 210. S. 36–60.
- Precht W.* The physiology of the vestibular nuclei // *Handbook of sensory physiology*. V. VI. Vestibular system / Ed. Kornhuler H. H. Berlin – Heidelberg – New York: Springer-Verlag, 1974. P. 353–416.
- Raphan T., Matsuo V., Cohen B.* Velocity storage in the vestibulo-ocular reflex arc (VOR) // *Expt. Brain Res.* 1979. V. 35. № 2. P. 229–248.
- Rommel R.S., Skinner R.D., Pola J.* Gat pontomedullary reticular neurons projecting to the regions of the ascending MLF and the vestibular nuclei. // In: *Control of gaze*

- by brain stem neurons/Eds Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: 3 sevier Biomed. Press, 1977, p. 163–166
- Robinson D.A.* Eye movement control in vertebrates // Function and formation of neural systems / Ed.: Stent G. S. Berlin, 1977a. P. 179–195.
- Robinson D.A.* Vestibular and optokinetic symbiosis: an example of explaining by modelling // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977b. P. 49–58.
- Ron S., Robinson D.A.* Eye movements evoked by cerebellar stimulation in the alert monkey // *J. Neurophysiol.*, 1973, v. 36, p. 1004.
- Rose S.A.* Shape recognition in infancy: visual integration of sequential information // *Child Develop.* 1988. V. 59. P. 1161–1176.
- Rose S.A.* Cross-modal transfer in human infants. What is being transferred? // The development and neural bases of higher cognitive functions. N. Y. Ann. N.Y. Acad. Sci., 1990. V. 608. P. 38–50.
- Rose S.A., Gottfried A., Melloy-Carminar P., Bridger W.H.* Familiarity and novelty preferences in infant recognition memory: Implication for information processing // *Child Develop.* 1982. V. 18. P. 704–713.
- Sampson E.E.* The debate on individualism: indigenous psychologies of the individual and their role in personal and societal functioning // *American Psychologist.* 1988. V. 43. P. 15–22.
- Sampson E.E.* The challenge of social change for psychology: globalization and psychology's theory of the person // *American Psychologist.* 1989. V. 44. P. 914–921.
- Sarason S.B.* An asocial psychology and a misdirected clinical psychology // *American Psychologist.* 1981. V. 36. P. 827–836.
- Sartre J.-P.* La transcendance de l'ego. Paris, 1966.
- Schachtel E.G.* Metamorphosis. N.Y.: Basic Books, 1959.
- Schaefer K.-P., Zierau H., Süß K.J.* Differentiation of neuronal activity in the vestibular nuclei of rabbits // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 257–260.
- Schmid R., Lardini F.* On the preponderance of anticomensatory eye movements in vestibular nystagmus // *Biol. Cybernetics.* 1976. V. 25. P. 135–148.
- Schneider G.E.* Two visual systems // *Science.* 1969. V. 163. P. 895–902.
- Schott E.* Metaphysikkritik und Subjektphilosophie. München: Ars Una, 1994.
- Schwassmann H., Kruger L.* Organization of the visual projection upon the optic tectum of some fresh water fish // *J. Compar. Neurol.* 1965. V. 124. P. 113–126.
- Schweder R.A., Bourne E.T.* Does the concept of the person vary cross-culturally? // Cultural conceptions of mental health an therapy. L.: D. Reidel, 1989. P. 97–137.
- Sergienko E.A.* The arguments of early visual dominance in normal and visual deprived infants // *Infant Behav. and Develop. Spec. 1CIS issue,* 1994. V. 17. P. 57.
- Shultz W.T., Stark L., Hoyt W.F., Ochs A.L.* Normal saccadic structure of voluntary nystagmus // *Arch. Ophthalmol.* 1977. V. 95. P. 1399–1404.

- Shumazu H.* Brain stem interneurons modulating abducens motor activity during vestibular nystagmus // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977, p. 225–234
- Simpson J.J., Hess R.* Complex and simple visual messages in the flocculus // Control of gaze by brain stem neurons / Eds. Baker R., Berthoz A. Amsterdam – New York: Elsevier Biomed. Press, 1977. P. 351–360.
- Skinner B.F.* Science and human behavior. N.Y.: Macmillan, 1953.
- Speigel E.A.* Role of vestibular nuclei in the cortical innervation of the eye muscles // Arch. Neurol. Psychiatr. 1933V. 29. P. 1084–1097.
- Steiger H.J., Büttner-Ennever J.A.* Oculomotor nucleus afferente in the monkey demonstrated with horseradish peroxidase // Brain Res. 1979. V. 160. P. 1–15.
- Stein B.E., Huneyen W S., Meredith M.A.* Neurons and behaviour: The same rules of multisensory integration apply // Brain Res. 1988. V. 448. P. 355–358.
- Stein B.E., Meredith M.A.* Multisensory integration. Neural and behavioral solutions for dealing with stimuli from different sensory modalities // The development and neural bases of higher cognitive functions. N.Y.: Ann. N.Y. Acad. Sci., 1990. V. 608. P. 51–65.
- Strery A.* Constraints on intermodal transfer between touch and vision in infancy // Infant and Develop. Spec. 1C1S issue, 1994. V. 17. P. 439.
- Sutich A.* The growth-experience and the growth-centered attitude // J. Psychol. 1949. V. 28. P. 293–301.
- Takemori S., Cohen B.* Visual suppression of vestibular nystagmus in rhesus monkeys // Brain Res. 1974. V. 72. P. 203–212.
- Tinbergen N.* The study of instinct. Oxford: Clarendon Press, 1951.
- Trevarthen C.* Vision in fish: the origins of the visual frame for action in vertebrates // The central nervous system and fish behavior / Ed.: Ingle D. Chicago: Univ. Chicago Press, 1968. P. 61–94.
- Trevarthen C.B.* Experimental evidence for a brain-stem contribution to visual perception in man // Brain Behav. Evol. 1970. V. 3. P. 338–352.
- Troinai D., Petrosini L., Zannoni B.* Optic nystagmus and vestibular nuclei: effects of vestibular nuclear ablation and interaction phenomena between optic and labyrinthine responses // Exptl Neurol. 1978. V. 60. P. 2, 327–336.
- Tsonis M., Stack D.M.* Seven-month-old infants' haptic perception of visible and nonvisible textures // Infant Behav. and Develop. Spec. 1C1S issue, 1994. V. 17. P. 984.
- Turkewitz G., Mellon R.C.* Dynamic organization of intersensory function // Canad. J. Psychol. 1989. V. 43.
- Uchino Y., Suzuki S., Watanabe S.* Vestibulo-ocular reflex from the horizontal canal nerve to cat extraocular motoneurons // Neurosci. Lett. 1979. V. 13. Suppl. 2. P. 29.
- Uemura T., Cohen B.* Vestibulo-ocular reflex: Effects of vestibular nuclear lesions // Progress in brain research. V. 37. Basic aspects of central vestibular mechanisms / Eds. Brodal A., Pompeiano O. Amsterdam: Elsevier Biomed. Press, 1972. P. 515–528.
- Uemura T., Cohen B.* Loss of optokinetic after-nystagmus after dorsal medullary reticular formation (Medrf) lesion // Internet. J. Equil. Res., 1975. V. 1. Supl. P. 101–185.

- Valsiner J., Van der Veer R.* On the social nature of human cognition: An analysis of the shared intellectual roots of George Herbert Mead and Lev Vygotsky // *J. Theory of social behavior*. 1988. № 1. P. 117–136.
- Verschwinden des Subjekts. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1994.
- Waespe W., Henn V.* Neuronal activity in the vestibular nuclei of the alert monkey during vestibular and optokinetic stimulation // *Exptl. Brain Res.* 1977. V. 27. P. 523–538.
- Walls G.L.* The evolutionary history of eye movements // *Vision Res.* 1962 V. 2. P. 69–80.
- Watson J.B.* Psychological care of infant and child. NY.: W. Norton and Co, 1928.
- Wallace M., Blair S.M., Westheimer G.* Neural pathways common to vestibular and optokinetic eye movements // *Exptl. Brain Res.* 1978. V. 33. P. 19–25, 229.
- Werner H.* The concept of development from a comparative and organismic point of view // *The concept of development*. Minneapolis: Univ. Press, 1957.
- Westheimer G., Blair S.M.* Functional organization of primate oculomotor system revealed by cerebellectomy // *Expt. Brain Res.*, 1974. V. 21. P. 463–472.
- Wilson V.I., Maeda M., Franck J.L.* Inputs from neck afferents to the cat flocculus // *Brain Res.* 1975. V. 89. P. 133–138.
- Wilson C.* Introduction to the new existentialism. London: Houghton Mifflin, 1967.
- Yasui S.* Nystagmus generation, oculomotor tracking and visual motion perception. Ph. D. Thesis. Massachusetts: Cambridge Univ. Press, 1975.
- Zee D.S., Yee R.D., Robinson D.A.* Optokinetic responses in labyrinthine-defective human beings // *Brain Res.* 1976. V. 113. P. 423–428.

Научное издание

Серия «Достижения в психологии»

Митькин Александр Александрович

**ПУТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОИСКА
ПРЕТЕНЗИИ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Редактор — *О.В. Шапошникова*
Корректор — *И.В. Клочкова*
Макет и верстка — *А. Пожарский*

Сдано в набор 06.04.09. Подписано в печать 22.04.09.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Petersburg.
Усл.печ.л. 15,0. Уч.-изд.л.13,5.
Тираж 500 экз. Заказ

Лицензия ЛЗ № 03726 от 12.01.01.
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6